КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1900 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОБЫЧНЫЯ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ ВЪ XVI И XVII СТ. **Ор. Левицкаго** . . . 1—15

II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. *Главы IX—XI.* **П. Житецкаго.** . . . . . 16—45

III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **В. Милорадовича** . . . . . 46—61

IV. ДОНЕСЕНІЕ ВЕНЕЦІАНЦА АЛЬБЕРТО ВИМИНА О КОЗАКАХЪ И Б. ХМЕЛЬНИЦКОМЪ (1656 г.). **Н. Молчановскаго** . . . . . 62—75

V. ЛЮБКА или СВАТАНЬЕ ВЪ С. РИХМАХЪ. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . . . . 76—124

VI. РѢШЕНЪ-ЛИ ПРОФ. Т. Д. ФЛОРИНСКІЙМЪ ВОПРОСЪ О КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ? **В. Науменка** . . 125—155

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ Полтавской рукописной литературы. **В. Василенка**; в) Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. **О. Л.**; г) Малорусская ода 1807 года; д) Пѣсни, записанныя въ Волынской губ. Сообщ. **Вл. Корниловичъ**; е) Заговоръ отъ скарлатины; ж) Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго; з) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 1—20

Текущія извѣстія. . . . . . 20—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Современные фотографо-этнографическіе альбомы. **О. Сластіона**; б) Памятки українсько-руської мови и літератури. Видаэ комісия археографична Наукового товариства імени Шевченка. Т. I—II. **В. Качановскаго**; в) 1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею и 2) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. **Е. К.**; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 29—46

Археологическая лѣтопись. . . . . . 47—60

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 1-й и 2-й.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 5 января 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 68-го:

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ 1900 г.

Книга первая—январь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОБЫЧНЫЯ ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ ВЪ XVI И XVII СТ. **Ор. Левицкаго** . . . 1—15

II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. *Главы IX—XI.* **П. Житецкаго.** . . . . . 16—45

III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **В. Милорадовича** . . . . . 46—61

IV. ДОНЕСЕНІЕ ВЕНЕЦІАНЦА АЛЬБЕРТО ВИМИНА О КОЗАКАХЪ И Б. ХМЕЛЬНИЦКОМЪ (1656 г.). **Н. Молчановскаго** . . . . . 62—75

V. ЛЮБКА, или СВАТАНЬЕ ВЪ С. РИХМАХЪ. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ . . . . . 76—124

VI. РѢШЕНЪ-ЛИ ПРОФ. Т. Д. ФЛОРИНСКІЙМЪ ВОПРОСЪ О КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ? **В. Науменка** . 125—155

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; б) Изъ Полтавской рукописной литературы. **В. Василенка**; в) Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. **О. Л.**; г) Малорусская ода 1807 года; д) Пѣсни, записанныя въ Волынской губ. Сообщ. **Вл. Корниловичъ**; е) Заговоръ отъ скарлатины; ж)

Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго; з) Подписка на памятникъ И. П Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 1—20
Текущія извѣстія. . . . . 20—28

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Современные фотографо-этнографическіе альбомы. **О. Сластіона**; б) Памятки українсько-руської мови и літератури. Видає комісия археографична Наукового товариства імени Шевченка. Т. I—II. **В. Качановскаго**; в) 1) Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею и 2) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. **Е. К.**; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 29—46
Археологическая лѣтопись. . . . . 47—60

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 1-й и 2-й.

Книга вторая—февраль.

ОТДѢЛЪ I.

I. КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА, (Пребываніе его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи). **К. Оберучева** . . . . 157—162
II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Продолженіе*). **П. Житецкаго**. . . . . 163—191
III. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. (*Глава II*). **В. Милорадовича** 192—206
IV. КАРТЫНКЫ СУЧАСНОГО СЕЛЯНСЬКОГО ПОБЫТУ. **Б. Познанскаго** . . . . . 207—247
V. Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ПРОСТОЛЮДИНЫ, ЕГО ЗНАКОМЦЫ. (Изъ встрѣчъ и воспоминаній). **В. Береншатама**. 248—260
VI. ПАМЯТИ Н. И. ГУЛАКА. **Н. М.** . . . . . 261—272

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ. Съ пред. **Н. Ш.**; б) Какъ поминали въ церквяхъ гетмана Разумовскаго. Сообщ. **С. Рыдицкій**; в) Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. **О. Л**; г) Мелочи изъ

архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; д) Къ характеристикѣ гр. В. А. Перовскаго. **М. Чалаго** . . . 61—73

Текущія извѣстія . . . . . 74—81

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Древности. Труды Археографической коммиссіи Имп. Моск. археолог. Общества, изд. подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. т. I, вып. 1, 2 и 3. **Н. Василенка**; б) Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниг. губ.). **А. Г. Хатемкина**; в) Малорусскія изданія 1899 г. **В. Доманицкаго**; г) Обозрѣніе журналовъ 2-ой полов. 1899 г.; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ 82—126

Археологическая лѣтопись . . . . . 127—139

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 г. съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 3-й и 4-й.

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. КЪ БІОГРАФІИ А. И. СТОРОЖЕНКА. Съ пред. **М. Комарова** . . . . . 173—311

II. ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО И ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ. (*Окончаніе*). **П. Житецкаго.** . . . . 312—336

III. СМЕРТЬ МАКАРЫХЫ. **Л. Яновской** . . . . . 337—372

IV. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ ЛУБЕНСК. У., ПОЛТ. Г., (Глава III). **В. Милорадовича.** . . . . . 373—395

V. КЪ ВОПРОСУ О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Проф. **В. Антоновича.** . . . . . 396—423

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Стоимость школьнаго содержанія въ Кіевѣ и юго-зап. краѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сообщ. **О. Л**; б) Мелочи изъ архивовъ юго-запад. края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; в) Что сдѣлалъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила для украшенія великой церкви Кіево-Печерской лавры? **Н. Петрова**; г) Рождественскіе обы-

чаи въ Угорской Руси; д) Изъ воспоминаній стараго полтавца; е) О собираніи народныхъ легендъ; ж) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . . . . 141—154
Текущія извѣстія . . . . . 154—159
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.). В. Дурдуковскаго; б) Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1900 г.). О. Л.; в) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1898 г., подъ ред. директора коллегіи А. І. Степовича. То-же съ 1 окт. 1899 г. Н. В.; г) Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. І. В. Д.; д) Обозрѣніе журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 159—185
Археологическая лѣтопись . . . . . 186—205
III. ПРИЛОЖЕНІЕ Энеида, сочиненіе Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ по списку 1799 года съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—Харпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г. Листъ 5-й и 6-й.

Обычныя формы заключенія браковъ въ Южной Руси въ XVI—XVII ст.[1]).

Говоря о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ извѣстномъ обществѣ, нельзя обойти вопроса о положеніи женщины въ этомъ обществѣ, такъ какъ это положеніе находится въ ближайшей причинной связи съ формами брака и семейнаго быта.

Южнорусская женщина въ XVI—XVII вв. пользовалась широкой личной и имущественной независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчинѣ. За исключеніемъ права занимать общественныя должности, единственное ограниченіе правъ женщины можно указать въ тогдашнемъ законоположеніи о наслѣдствѣ: по Лит. Статуту, дочери при братьяхъ могли наслѣдовать только четвертую часть отцовскаго достоянія; но и это ограниченіе болѣе всего обусловливалось, какъ кажется, требованіями тогдашняго феодальнаго строя Литовскаго государства, въ которомъ владѣніе земельною собственностью всегда было сопряжено съ обязанностью военной службы. Любопытно, что и въ дѣлѣ образованія, какое давалось дѣтямъ тогдашней шляхты, дочери не были устраняемы отъ пользованія имъ наравнѣ съ сыновьями; по крайней мѣрѣ грамотность, которая въ этомъ сословіи была широко распро-

[1]) Рефератъ, читанный на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 17-го августа 1899 г.

странена, считалась одинаково необходимой для женщины, какъ и для мужчины, а въ актахъ того времени такъ же рѣдко можно встрѣтить „писать неумѣючую“ земянку, какъ и неграмотнаго земянина. Даже между мѣщанами грамотность была довольно распространена, а среди высшихъ классовъ нерѣдко встрѣчались женщины, знавшія иностранные языки и вообще хорошо по тогдашнему образованныя. Припомнимъ хотя бы княжну Софію Чорторыйскую, которая „преложила зъ грецького языка на словенъскій казаня св. отцѣвъ на недѣльни евангелія“ (объ этомъ упоминаетъ Кириллъ Транквиліонъ въ „Передмовѣ“ къ изд. имъ въ 1619 г. Учительному Евангелію).

Свобода и значительная степень гражданской полноправности южнорусской женщины вырабатывали въ ней характеръ силы и энергіи, вообще свойственный людямъ того вѣка. Эта сила и энергія одинаково проявлялись въ добрыхъ и дурныхъ поступкахъ. Можно указать цѣлый рядъ волынскихъ женщинъ XVI—XVII вв., которыя, какъ и ихъ мужья, проводили вѣкъ въ безпрестанныхъ нападеніяхъ на имѣнія сосѣдей, водили за собою отряды вооруженныхъ пушками и гаковницами слугъ, брали приступомъ чужіе замки, сами часто попадали въ осаду, не слушались сеймовыхъ и королевскихъ декретовъ, и когда король, для ихъ обузданія, посылалъ противъ нихъ повѣтовыя ополченія, онѣ дерзко давали имъ отпоръ. Конечно, такое своеволіе могли дозволять себѣ магнатки (напр., княгиня Софья Ружинская); женщины средняго состоянія и положенія могли вести, такъ сказать, малую войну съ сосѣдями, да еще любили предаваться *судебной волокитѣ*. Этой страсти вообще была подвержена до излишества тогдашняя южнорусская шляхта, и женщины въ ней не уступали своимъ мужьямъ. Были между ними такія страстныя „сутяги“, которыя только и дѣлали, что ѣздили по „гродамъ“ и трибуналамъ, знали хорошо Статутъ и другіе законы и лично, а не черезъ повѣренныхъ, выступали въ судѣ въ сложныхъ процессахъ. Слѣдуетъ упомянуть еще, что между южнорусскими женщинами того вѣка было не мало и такихъ, которыя не чуждались и высшихъ интересовъ, ревностно зани-

мались дѣлами религіи, просвѣщенія и благотворительности, записывались въ церковныя братства, строили церкви и монастыри, учреждали школы, „шпитали“ и т. п. Вспомнимъ для примѣра княжну Елену Чорторыйскую, которая въ 1594 г. основала Пересопницкій монастырь, сама составила для него прекрасный уставъ и устроила при монастырѣ шпиталь „для убогихъ и недужныхъ“ и школу „для науки дѣтей“.

Таково было положеніе женщины въ нашемъ краѣ въ XVI—XVII ст. и такіе характеры вырабатывались на этой основѣ. Теперь посмотримъ, какъ совершалось заключеніе браковъ при данныхъ условіяхъ.

Беремъ одинъ изъ „шлюбныхъ“ или „вѣновныхъ“ листовъ, какіе сотнями встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ XVI—XVII ст., и читаемъ ихъ обычную начальную формулу: „Я (такой то) чиню вѣдомо, ижъ з воли Божои а зъ прейзрѣня Его найсвятшои милости и зъ дару Духа святого, за вѣдомостю и благословенствомъ родичовъ (родителей) моихъ, наймилшихъ добродѣевъ, понялъ есми за себе въ станъ святый малженскій дочку (такого-то), панну NN“. Изъ этого уже видно, какъ возвышенно смотрѣли тогда на бракъ: его считали дѣломъ *святымъ*, которое совершается „з воли Божои и зъ дару Духа святого“. Тутъ же указаны и первыя условія законности брака: „вѣдомость и благословеніе родителей.“ Но это были условія, такъ сказать, формальныя, требовавшіяся закономъ и обычаемъ; главнѣйшимъ же и самымъ существеннымъ условіемъ въ данномъ дѣлѣ была и почиталась непринужденная *воля* и *согласіе* тѣхъ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло, т. е. жениха и невѣсты. Поэтому въ брачныхъ записяхъ, послѣ словъ: „за благословенствомъ родичѣвъ“, читаемъ еще и такія выраженія: *„зъ власнои хути и милости своее“* (т. е. по собственному желанію и любви), или: „съ правои *любве* и *уподобанія* своего понялъ есми за себе въ малженство“... и т. д. Такъ было не только со стороны жениха, но и со стороны невѣсты: хотя въ Статутѣ и было поставлено, что вышедшая замужъ противъ воли родителей теряетъ право на приданое, но обычно родители не приневоливали своихъ дочерей,

выдавая ихъ замужъ, и ясно выраженная воля невѣсты въ брачномъ дѣлѣ считалась столь же существеннымъ условіемъ, какъ и воля жениха. Вотъ почему въ актахъ нерѣдко встрѣчаемъ и такія записи: „Я [такая-то] чиню вѣдомо, ижъ зъ воли а прейзрѣня Божого, за вѣдомостю и позволенемъ родичовъ моихъ милыхъ, такъ тежъ и за *власнымъ позволеньемъ моимъ*, маючи лѣта зуполныи, пошлюблена и отдана въ станъ светый малженскій за NN“. Бывало и такъ, что родители, передъ свадьбой дочери, требовали, чтобы она формально, передъ урядомъ, засвидѣтельствовала, что вступаетъ въ бракъ съ даннымъ лицомъ по своей доброй волѣ. Такъ, въ 1564 г. волынскій земянинъ Янъ Монтовтъ заявилъ передъ луцкимъ гродскимъ урядомъ, что „зъ ласки и презрѣня Божого змовивъ (сговорилъ) дочку свою Ганну за князя Василія Сокольскаго“, и требовалъ, чтобы она лично посвидѣтельствовала, что сама выбрала жениха и никому другому не обѣщала своей руки. И стоя передъ урядомъ, Ганна Монтовтовна лично заявила: „я никóли ни за кого въ малжонство пойти не пошлюбовала а ни ся) ни за кого не отдавала, одно жъ теперъ то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу сердца моего мѣти собѣ за малъжонка его милость князя Василя Сокольского, съ которымъ и животъ свой хочу доконати“ [1]).

Чтобы зародился между молодыми такой „*щирый умыселъ сердца*“ и „*правая любовь*“, они должны были предварительно хорошо узнать другъ друга. Такъ и бывало на дѣлѣ. Обычай дозволялъ, чтобы молодой шляхтичъ свободно посѣщалъ домъ, гдѣ намѣтилъ себѣ *панну* по сердцу, и „учтиво старался о еи *хуть* и *милость* и о схильность“ ея родителей. Въ нѣкоторыхъ брачныхъ записяхъ женихъ упоминаетъ, что „пошлюбивъ“ свою „облюбленицу“ „за волею Божою а за *учтивымъ стараньемъ* моимъ“. Если это „старанье“ шло на ладъ и обѣщало благопріятный исходъ, тогда молодой человѣкъ посылалъ въ домъ намѣченной имъ панны своихъ родителей и „пановъ-пріятелѣвъ“, а родители „панны“ то-же созывали свою родню и пріятелей, и

[1]) Книга гродская Луцкая 1564 г., № 2038, л. 228.

тутъ уже справлялись такъ называемыя *„змóвины“* (сговоръ. Главное, о чемъ „змовлялись“, было: со стороны родителей невѣсты *„пóсагъ“*, а со стороны жениха—*вѣно и привѣнокъ. Пóсагъ* обычно слагался на половину изъ денегъ, а на половину изъ движимости: золотыхъ и серебряныхъ вещей и украшеній, жемчуга и другихъ „клейнодовъ“, серебряной, мѣдной и оловянной посуды, одежды, лошадей, экипажей, „челяди неволной“ и другого добра. По Лит. Статуту назначалась четвертая часть отцовскаго достоянія въ *пóсагъ*, или приданое, дочерямъ; если же у молодой не было братьевъ или у нея были материнскія имѣнія, то она могла приносить мужу въ приданое и недвижимое состояніе. Съ своей стороны женихъ долженъ былъ формально обезпечить *пóсагъ* невѣсты *вѣномъ*. Вѣно—это былъ древнерусскій институтъ, только со временемъ измѣнившій свой первоначальный характеръ: когда-то *вѣно* имѣло значеніе *выкупа* за невѣсту и потому оно выдавалось женихомъ не ей самой, а ея роднымъ; впослѣдствіи же въ Южной Руси оно пріобрѣло болѣе разумный характеръ—*обезпеченія* женщины по выходѣ ея замужъ и передавалось въ ея личное распоряженіе. Съ такимъ характеромъ вѣно просуществовало въ Южной Руси до отмѣны въ ней Лит. Статута. Кромѣ вѣна, согласно обычаю, узаконенному и Статутомъ, женихъ записывалъ невѣстѣ еще и *привѣнокъ*. Вѣно—это была денежная сумма, въ которой обезпечивалась женихомъ реальная стоимость ея пóсага, или приданаго, а *привѣнокъ*—это было удвоеніе той же суммы. Имѣются доказательства, что еще задолго до Лит. Статута въ Южной Руси существовалъ обычай удваивать въ вѣновной записи стоимость приданаго. Такъ, въ 1467 г. волынскій князь Юрій Федьковичъ Несвицкій писалъ, что „поялъ у пана Ивана Мусяты дивку, панну Настасю, собѣ за жону, по которой далъ ему отецъ ея 150 купъ литовскихъ“, а онъ „своей жонѣ княгинѣ Настасьи записалъ на своей дедизнѣ и отчинѣ, на Заборолью и иншихъ селахъ, *триста купъ* широкихъ грошей“.—Вѣно и привѣнокъ обезпечивались женихомъ на своемъ недвижимомъ состояніи, а если онъ еще не былъ выдѣленъ родителями, то родня невѣсты требовала, чтобы ему предва-

рительно была выдѣлена его отчина, на которой онъ и долженъ былъ обезпечить невѣстѣ и вѣно, и привѣнокъ.

Про что сговаривались на „змовинахъ“, все это записывалось въ особомъ документѣ, который назывался „*листомъ змовнымъ*“, или „*предшлюбною интерцызею*“, и затѣмъ вносился въ актовыя гродскія или земскія книги. Договоръ, или „интерцыза“, заключалась между родителями невѣсты и женихомъ (или его родителями). Въ ней точно означался „пбсагъ“ невѣсты, вѣно жениха, „рокъ“ вѣнчанья и свадьбы и другія подробности уговора, а въ концѣ обязательно опредѣлялась денежная „зарука“ или закладъ на каждую изъ сторонъ, которая въ чемъ-либо нарушила бы договоръ.

Часто, вмѣстѣ съ „змовинами“, справлялось и „*обрученье*“ или „*заручины*“ молодыхъ. Здѣсь не слѣдуетъ разумѣть церковнаго обрученья, которое совершалось потомъ, вмѣстѣ съ вѣнчаньемъ или и особо; *заручины* же—это былъ какой-то обрядъ *обычный*, совершаемый родителями или близкими родственниками молодыхъ. О формѣ и ритуалѣ „заручинъ“ можно составить нѣкоторое представленіе изъ слѣдующаго документа. Въ 1585 г. возный доносилъ луцкому гродскому уряду, что, „будучи приданъ зъ уряду на потребу“ п. Станиславу Кавезскому, ѣздилъ съ двумя шляхтичами—свидѣтелями «до панеи Ганны Хребтовичевой-Богуринскои (вдовы) для прислуханя *обрученя* ея дочери панны Настасьи Васильевны съ п. Кавезскимъ“. Тамъ застали они много гостей, родственниковъ и пріятелей хозяйки. „Панъ Кавезскій чинилъ пытанье панны Настасьи, водлугъ интерцызы змовнои: „если хочешъ, панно Настасе, за мене?“—тое жъ пыталъ повторе и потрете. Панна мовчала. Матка еи милости пани Ганна просила его милость п. Ив. Богуринского, старшого сына свого (Луцкаго подстаросту), ижъ бы ся въ то вложити рачилъ, яко братъ старшій, злецаючи моцъ, ижъ бы ее мылости помогъ дѣвку пану Кавезскому до рукъ дати за жону, ижъ бы шлюбъ бралъ. Панъ Богуринскій, посполъ з панею маткою своею, взявши панну Настю за руки, пану Кавезскому дали. Панъ Кавезскій подяковалъ и свѣтчилъ мною, вознымъ, и шляхтою на

той часъ бывшою. И просила панна Настася пана Кавезского, ижъ-бы пустилъ ее до пріятелей, до его милости пана Адама Боговитина; яко жъ панну пустилъ на побываньe“ [1]).

Обратимъ вниманіе на послѣднюю подробность: только что „зарученная“ дѣвушка проситъ у своего жениха *дозволенія* на такой пустякъ, какъ поѣздка въ гости въ близкое семейство. Значитъ, *заручины*, т. е. обрядовая передача невѣсты изъ рукъ ея родныхъ въ руки жениху, знаменовала вмѣстѣ съ тѣмъ и передачу ему власти надъ нею, какую они имѣли по естественному праву. Вотъ почему зарученная невѣста часто именуется въ актахъ *„жоною обрученою“* своего жениха. Чтобъ стать ей дѣйствительною женою, оставалось еще совершить установленный и освященный стародавнимъ обычаемъ актъ, называемый *„весельемъ“*.

А церковное вѣнчанье? Совершалось и вѣнчанье, но оно въ то время еще не почиталось дѣломъ, безусловно необходимымъ для законности брака. Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многовѣковыя усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII вв. въ Южной и Зап. Руси существовала двойственность воззрѣній на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земяне, продолжаютъ руководствоваться старинными воззрѣніями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто-гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачущихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при сви-

[1]) Кн. гр. Луцк. 1585 г., № 2068, л. 194.

дѣтеляхъ, оформленъ законнымъ документомъ и документъ этотъ былъ вписанъ въ актовыя книги; а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ или ритуалъ въ формѣ *весилья*, которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило своего важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ освящаемъ сверхъ того и церковнымъ обрядомъ, и никто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права. Къ этому выводу приходитъ и почтенный профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ области семейнаго права въ Зап. Россіи по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ; актовыя книги нашего архива даютъ также многочисленныя подтвержденія этому положенію. Мы не станемъ приводить ихъ всѣ, ограничимся лишь двумя болѣе характерными свидѣтельствами.

21 декабря 1634 г. на Волыни, въ домѣ православныхъ пановъ Стрибылей, происходили *„змовины“* ихъ дочери Катерины съ п. Яномъ Ярмолинскимъ, сыномъ извѣстной Раины Ярмолинской, основательницы Загаецкаго монастыря. Родъ Стрибылей, какъ и Ярмолинскихъ, славился своей старожитностью и благочестіемъ, и потому, въ числѣ другихъ почетныхъ гостей, съѣхавшихся на „змовины“, находился здѣсь кіевскій митрополитъ Петръ Могила и овруцкій архимандритъ Кизаревичъ и другія духовныя и свѣтскія особы. Разомъ съ „змовинами“ справили надъ молодыми и *церковное вѣнчанье*, которое совершилъ самъ митрополитъ. Казалось бы, разъ молодые *обвѣнчаны*, что оставалось дѣлать, какъ не играть свадьбу? Вѣдь *бракъ* уже совершенъ. А люди того времени думали, что до брака еще далеко, что дѣло находится еще только въ предуготовительномъ фазисѣ. И точно, послѣ *змовинъ* и *вѣнчанья* сѣли писать *„шлюбную* интерцызу“, въ которой, между другими, означили такія условія: 1) *„актъ весѣльный* (свадьба) назначается на 1-ю недѣлю по св. Троицѣ

въ 1637 году, т. е. откладывается на цѣлыхъ $2^1/_2$ *года послѣ вѣнчанья*, а до того времени женихъ долженъ постараться, чтобы мать выдѣлила ему вотчину, на которой онъ и обязанъ записать вѣно и привѣнокъ „*будущей*, дастъ Панъ Богъ, *малжонцѣ своей*“; 2) до акту весѣльнаго панна Катерина будетъ жить, какъ и раньше, въ домѣ своихъ родителей; 3) повѣнчанные женихъ и невѣста обязываются „додержати одно другому слово вѣры“ относительно вступленія въ бракъ, а которая изъ сторонъ нарушитъ его, повинна будетъ заплатить другой закладъ (неустойку) въ 10,000 золотыхъ и вознаградить „шкоды“ и убытки.—Эту интерцызу ствердили своими подписями и печатями, въ числѣ другихъ свидѣтелей, митрополитъ Могила и архимандритъ Кизаревичъ [1]).

Итакъ, что говоритъ намъ этотъ документъ? Что церковное вѣнчанье рѣшительно ни въ чемъ не измѣнило положенія молодыхъ противъ того, въ какомъ они обычно оставались послѣ „змовинъ“: невѣста попрежнему оставалась до свадьбы жить въ домѣ родителей, попрежнему она именовалась „панною“, „*будущею* малжонкою“ своего повѣнчаннаго жениха; даже договорная связь между ними, по интерцизѣ, вовсе не почиталась вѣчною, неразрывною; какъ при всякой гражданской сдѣлкѣ, крѣпость и нерушимость договора обезпечивалась лишь денежной неустойкой, и, слѣдовательно, заплативъ неустойку, можно было уничтожить самый договоръ и возобновить его съ другимъ лицемъ. Все это приравнивало данный случай брачнаго договора, уже освященнаго совершеніемъ церковнаго вѣнчанья, къ простой гражданской сдѣлкѣ, какою онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, и ужъ никакъ не согласовалось съ церковными узаконеніями; тѣмъ не менѣе высшія духовныя лица, присутствовавшія при этомъ дѣлѣ и даже принимавшія въ немъ личное участіе, нимало не противились „шлюбной интерцизѣ“, а еще сами, въ качествѣ свидѣтелей, ствердили ее своими подписями.

А вотъ другой фактъ, относящійся къ болѣе позднему времени. Въ 1726 году шляхтичъ русинъ Василій Выговскій

[1]) Книга гродская Житомирская № 9, л. 279.

жаловался Овруцкому гродскому суду на пановъ Вербицкихъ, что они сговорили за него дочь свою и даже *повѣнчали* ее съ нимъ, а потомъ нарушили уговоръ: не ожидая „ акту весѣльного, отдали ее замужъ за иншого". [1]) Любопытно, что жалобщикъ вовсе не домогается правъ на особу своей вѣнчанной невѣсты и лишь претендуетъ „за шкоды и дизгоноръ" (убытки и безчестье),— совсѣмъ такъ, какъ претендовали за нарушеніе предбрачнаго договора и въ томъ случаѣ, когда не совершалось вѣнчанье, а были только „заручины".

Изъ приведенныхъ случаевъ (а такихъ можно бы привести очень много), кажется, очевидно, что церковное вѣнчанье въ Южной Руси въ XVI, XVII и даже въ началѣ XVIII ст. не представляло существенно необходимаго условія для того, чтобы бракъ былъ признанъ законнымъ предъ лицемъ общества и даже предъ лицемъ государства, и хотя въ большинствѣ случаевъ это таинство исполнялось, но имѣло лишь значеніе акта религіознаго, а не юридическаго. Не оно скрѣпляло брачный союзъ, и повѣнчанные женихъ и невѣста такъ же легко до „акта весѣльного" могли разорвать предбрачный контрактъ, или интерцызу, какъ и невѣнчанные, а только „змовленные" и „зарученные". Наконецъ, не вѣнчанье полагало начало дѣйствительному супружеству, а только „весѣлье". Отголосокъ такого порядка вещей удержался и до сихъ поръ въ средѣ простого народа въ Малороссіи, гдѣ повѣнчанные молодые, по существующему обычаю, не имѣютъ права жить совмѣстно и вступить въ дѣйствительное супружество, пока не будетъ справлено „весилье": это вѣрный пережитокъ тѣхъ временъ, когда „актъ весѣльный" не былъ, какъ теперь, пустымъ ритуаломъ, а почитался актомъ юридическимъ.

Какъ справлялось въ тѣ времена „весилье" въ нашемъ краѣ? Вѣроятно, такъ-же, какъ оно и теперь справляется простымъ людомъ въ Малороссіи, но въ документахъ мы находимъ мало подробностей, касающихся тогдашнихъ свадебныхъ обы-

[1]) Книга гродская Овруцкая, 1726 г., № 3227, л. 210.

чаевъ. Какъ и теперь въ нашемъ простонародьи, днемъ „акта весѣльнаго“ назначалось обычно *воскресенье*. На церковные посты тогда мало обращали вниманья: есть указанья, что свадьбы свободно совершались въ рождественскій, петровскій и успенскій посты, не знаемъ, справлялись ли онѣ и въ великій постъ. Наканунѣ свадьбы въ домъ невѣсты пріѣзжалъ женихъ въ сопровожденіи пріятелей—„бояръ“; вѣроятно, они пріѣзжали съ оружіемъ и производили большой шумъ, можетъ быть, стрѣлялй,—потому что въ одной „интерцызѣ“ находимъ особое условіе, обязывавшее жениха прибыть „съ панами-пріятелями до акту весѣльного звычаемъ старожитнымъ христіанскимъ, вшелякую заховуючи пристойность“ [1]). Въ другомъ актѣ уломинается, что женихъ съ боярами прибылъ въ домъ невѣсты „зъ вѣнцемъ, якъ то обычай есть“. [2]) Вслѣдъ за женихомъ и боярами прибывали его родители, а если сами не могли пріѣхать, то присылали вмѣсто себя „умоцованыхъ“ особъ: въ одномъ документѣ женихъ упоминаетъ „про ихъ милость пановъ, которые з руки пана отца моего, за листомъ умоцованымъ и вѣрющимъ“, въ домъ его тестя „в бранню панны приежджали“.

Можно полагать, что въ числѣ свадебныхъ обрядовъ былъ и тотъ, который и понынѣ практикуется на сельскихъ свадьбахъ въ Малороссіи: разумѣемъ обрядную манифестацію цѣломудрія невѣсты. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ женихъ нерѣдко на другой день свадьбы торжественно благодарилъ тестя и тещу и дарилъ молодую жену за то, что она оказалась дѣвственницей. Такъ въ 1570 году волынскій князь Вороницкій послѣ свадьбы выдалъ своей княгинѣ слѣдующую запись: „Чиню вѣдомо, ижъ зъ воли Божое а милости своее понялъ есмы в маложенство за себе, подле закону нашого светого християнского, дочку его милости п. Тихна Иванович а Хомяка-Смордовского панну Ганну; по которой малжонци своей милой княгинѣ Ганнѣ я взнавши доброе, вѣрное а цнотливое въ еи паненствѣ заховань ку собѣ, ижъ она, малжонка моя ми-

[1]) Книга гродская Житом. № 9, л. 279.
[2]) Книга гродск. Луцк. 1638 г. № 2473, л. 836.
[3]) Книга гродск. Луцк. № 2044, л. 466.

лая, яко зацного отца и почтивои матки своее, вышла, ни в чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все те, што доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ в станъ святобливый малъженский принесла; а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моего милой, такую вѣрность, учтивое заховане ку собѣ, а будучи тому вдяченъ непомалу, и з тои вдячности моее родичомъ еи, отцу и матцѣ, великое подякованье мое вчинилъ, а ей, малжонцѣ моей милой, даю, дарую и записую двѣстѣ золотыхъ угорскихъ“ [1]). А въ 1568 г. другой волынскій князь Иванъ Буремскій даровалъ своей молодой княгинѣ Марьѣ Гулевичевнѣ „по доброй ночи“ золотую цѣпь въ награду „за панянство“ [2]).

Вотъ и все, что содержится въ актахъ о стародавнихъ свадебныхъ обычаяхъ. Упоминаются еще нерѣдко какія-то *„приносины“*, справлявшіяся въ домѣ родителей жениха въ присутствіи свадебныхъ гостей, но опредѣлительнаго указанія на характеръ и значеніе этого обычая мы не нашли въ актахъ. Вѣроятно, это были *переносины* приданаго невѣсты—обычай, который подъ этимъ названіемъ сохранился и понынѣ кое-гдѣ въ Малороссіи.

Этимъ мы и могли бы закончить нашъ докладъ, такъ какъ извлекли изъ извѣстныхъ намъ актовъ все существенное, относящееся къ вопросу о формахъ заключенія браковъ въ данную эпоху и соединенныхъ съ нимъ обрядахъ. Но въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ крайне рѣдкій документъ, извлеченный изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ и указывающій на какой-то особый, совершенно оригинальный способъ заключенія брака. Вотъ содержаніе этого документа. Въ 1606 году въ м. Олыкѣ въ магистратскомъ судѣ разсматривалось дѣло о нѣкоемъ Янушѣ Кобринцѣ, слугѣ литовскаго подстолія Николая Глѣбовича, обвинявшемся въ убійствѣ своего товарища. Хотя при разборѣ дѣла выяснилось, что убійство совершено было безъ намѣренія,

[1]) Кн. гр. Луцкая 1570 г., № 2044. л. 42.

[2]) Кн. гр. Луцкая, № 2042, л. 382.

въ ссорѣ, тѣмъ не менѣе убійца былъ заключенъ тюрьму, и окончательное рѣшеніе дѣла было передано на волю его господина, т. е. Глѣбовича. Но во время разбора этого дѣла въ магистратѣ *„учтивая девочка месткая* (т. е. одна честная дѣвушка изъ горожанокъ) обратилась къ ходатайству многихъ „шляхетныхъ и учтивыхъ" людей, *хотечи его* (преступника) *собѣ впросити въ станъ святый малженскій.* Присутствовавшій при разборѣ дѣла уполномоченный со стороны п. Глѣбовича призналъ это заявленіе дѣвушки настолько важнымъ обстоятельствомъ, что немедленно донесъ о немъ своему пану и получилъ отъ него согласіе на такой декретъ: убійца можетъ быть освобожденъ отъ наказанія подъ тѣмъ условіемъ, если немедленно *„пріймет шлюбъ съ тою дѣвочкою учтивою явно, въ костелѣ католицкомъ"*; въ противномъ случаѣ *„южъ бы реч иншая з нимъ се деяла"*, т. е. съ нимъ будетъ поступлено по строгости закона. Подсудимый былъ человѣкъ сговорчивый и безпрекословно согласился обвѣнчаться съ своею избавительницею. Прямо изъ тюрьмы онъ былъ и отведенъ въ костелъ въ сопровожденіи возваго, которому вмѣнено было въ обязанность присутствовать при вѣнчаньи. На другой день этотъ возный, явившись въ Луцкій гродскій урядъ, донесъ подстаростѣ и вписалъ въ актовыя книги реляцію о томъ, что подсудимый Янушъ Кобринецъ, въ его присутствіи, былъ обвѣнчанъ съ „месткою дѣвочкою и во всемъ декрету досыть учинилъ" [1]).—Такимъ образомъ данный документъ съ несомнѣнною достовѣрностью свидѣтельствуетъ о томъ, что на Волыни въ XVII ст. (а можетъ быть, и въ болѣе раннее время) существовалъ обычай, имѣвшій силу юридическаго установленія, по которому осужденный преступникъ могъ быть освобожденъ отъ казни, если находилась честная дѣвушка, заявлявшая предъ судомъ о своемъ желаніи выйти за него замужъ, и если, конечно, осужденный не отказывался отъ этого брака. Мы не сдѣлали бы такого рѣшительнаго вывода изъ этого, къ сожалѣнію, единственнаго пока

[1]) Кн. гр. Луцк. 1606, № 2421, л. 230 об.

документа въ этомъ родѣ, еслибъ онъ не находился въ полномъ согласіи съ живымъ народнымъ преданіемъ. Въ той же Волыни, въ Дубенскомъ у., въ м. Крупцѣ, на церковномъ погостѣ сохранился курганъ, о которомъ существуетъ въ народѣ такое преданіе. Молодой козакъ за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни. Когда прочитанъ былъ декретъ и палачъ подвелъ осужденнаго къ плахѣ, изъ толпы вышла дѣвушка и *накрыла платкомъ его голову*, давая тѣмъ знакъ, что она избираетъ его себѣ въ мужья и тѣмъ освобождаетъ его отъ казни. Но когда осужденный поднялъ голову изъ-подъ платка и увидѣлъ свою избавительницу, то съ горькою усмѣшкою отвернулся отъ нея и сказалъ палачу: „Э, рубай краще, а жить с такою поганою не хочу“. Приговоръ былъ исполненъ. Казненнаго похоронили близъ церкви и насыпали надъ нимъ высокую могилу [1]).—Подобныя преданія сохранились также въ Новороссіи, на бывшей территоріи Запорожскаго войска. Напомнимъ хотя бы извѣстный разсказъ запорожца Коржа, записанный въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Въ г. Самарѣ (т. е. нынѣшнемъ Новомосковскѣ) тоже вели на казнь осужденнаго преступника. Шествіе остановила дѣвушка подъ бѣлымъ покрываломъ, заявившая желаніе выйти замужъ за осужденнаго и тѣмъ спасти его отъ смерти. Толпа съ любопытствомъ ожидала, что отвѣтитъ на это осужденный. Онъ потребовалъ, чтобы дѣвушка сняла покрывало и, взглянувъ ей въ лицо, тоже отказался отъ спасенія, сказавъ: „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, то липше на шыбеныци даты дубу“ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что такіе удальцы—привередники не часто встрѣчались въ дѣйствительности, и потому преданія о нихъ довольно рѣдки; другіе же случаи, когда дѣло рѣшалось ко взаимному удовольствію сторонъ, не могли поражать народное воображеніе, какъ дѣло обыкновенное, и не сохранились въ народной памяти. Но и уцѣлѣвшія рѣдкія преданія такъ во всемъ

[1]) Вол. Еп. Вѣд 1872 г. стр. 561.

[2]) Устн. повѣств. запор. Коржа, стр. 24

согласны съ подлиннымъ историческимъ фактомъ, что сомнѣваться въ достовѣрности существованія даннаго обычая нельзя.

Другой вопросъ: откуда возникъ у насъ этотъ странный обычай? Что онъ не самобытенъ,—это видно уже изъ того, что ни въ Статутѣ, ни въ другихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ о немъ нѣтъ упоминанія. Между тѣмъ онъ несомнѣнно существовалъ въ быту нѣкоторыхъ западно-европейскихъ народовъ въ средніе и даже въ новые вѣка; во Франціи, напримѣръ, его стремился ограничить въ 1668 г. Людовикъ XIV [1]). Но разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса выходитъ уже за предѣлы нашей задачи.

Ор. Левицкій.

[1]) Loiseleur, Des crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes. Paris, 1863, 272—273.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

*(Продолженіе *).*

IX.

Неустойчивость теоретическихъ представленій о южно-русской драмѣ теперь и прежде. Теорія комедіи по Довгалевскому и его собственныя интерлюдіи. Точки соприкосновенія между вертепной драмой и серьезными рождественскими драмами.

Замѣчательно, что, по мѣрѣ паденія книжной малорусской рѣчи, все настойчивѣе и чаще начала замѣнять ее народная малорусская рѣчь. Не безъ основанія можно сказать даже, что преобладаніе первой какъ бы устраняло надобность въ литературномъ употребленіи послѣдней. Только этимъ можно объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что отъ XVII вѣка, за исключеніемъ двухъ интермедій Гаватовича (1616 г.),[1]) мы не имѣемъ виршей, написанныхъ народной малорусской рѣчью безъ всякой примѣси книжныхъ элементовъ. Но интермедіи Гаватовича сохранились при трагедіи, написанной на польскомъ языкѣ,[2]) изъ чего заключить можно, что Гаватовичъ, русинъ по происхожденію,

---

*) См. Кіевск. Стар., 1899, № 12.

[1]) Кіевская Старина 1893 г., декабрь.

[2]) Заглавіе ея слѣдующее: Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przesłanca Bozego.

былъ учителемъ не въ братской православной школѣ, а въ одной изъ католическихъ польскихъ школъ, въ которыхъ уже во второй половинѣ XVI в. писались интермедіи на темы изъ народной жизни, съ дѣйствующими лицами изъ простонародья, на простонародномъ языкѣ мазурскомъ, русинскомъ и т. п.[1]) Можно думать поэтому, что интермедіи Гаватовича были плодомъ школьной теоріи, господствовавшей въ польскихъ школахъ, а не того національнаго движенія, которое побуждало малорусскихъ писателей воспользоваться этой теоріей для своихъ цѣлей.

Какъ извѣстно, это были религіозно-просвѣтительныя цѣли. Говоря это, мы далеки отъ мысли, высказанной г. Петровымъ, будто бы „первые опыты подражательнаго духовнаго театра были чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію“.[2]) Такъ именно онъ думаетъ о драмѣ „Дѣйствіе на страсти Христовы“, связывая ее съ такъ называемыми пассіями, которыя, по всей вѣроятности, появились въ великопостномъ богослуженіи южно-русской церкви въ началѣ XVII в., при митрополитѣ кіевскомъ Іовѣ Борецкомъ. Но, во первыхъ, можно ли этой драмѣ приписывать *чисто мистеріальный* характеръ? По нашему мнѣнію, духовная драма появилась въ южной Руси послѣ того уже, какъ она получила въ Польшѣ и во всей западной Европѣ типическія черты школьной драмы. Извѣстно, что эти черты выработались подъ вліяніемъ борьбы католичества съ лютеранствомъ, съ другой стороны—подъ вліяніемъ возрожденія наукъ и искусствъ въ

---

[1]) Wiszniewsky, Historya Literatury Polskiej, т. VII, стр. 248. Въ императорской публичной библіотекѣ есть нѣсколько рукописей съ драматическими пьесами на латинскомъ и польскомъ языкахъ, со вставками комическаго содержанія на бѣлорусскомъ нарѣчіи, подъ №№: Q. XIV. 30. Q. XIV. 53. Q. XIV. 80. См. также въ Кіевской Старинѣ за 1894 г., іюль: „Южнорус. интермедіи изъ польской драмы: Com. duchowna ss. Borysa i Hleba“. Бытовыя сцены, повидимому, на южнорусскомъ языкѣ идутъ чрезъ всю драму, не выдѣляясь изъ нея. Къ сожалѣнію, прочитаны и напечатаны эти сцены неудовлетворительно.

[2]) Кіевская Старина 1882 г. декабрь, 456.

западной Европѣ. Поэтому въ самыхъ раннихъ южно-русскихъ драмахъ мы уже встрѣчаемъ такія особенности, которыя совершенно чужды были средневѣковой мистеріи, напримѣръ, *прологъ*, иногда *антипрологъ*, раздѣленіе на акты съ опредѣленнымъ числомъ сценъ, миѳологическія имена и т. п. Духовныя мистеріи въ подлинномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова ничего подобнаго не представляли, поэтому мы думаемъ, что никогда и не было въ южной Руси настоящихъ средневѣковыхъ мистерій. Не была таковою и драма „Дѣйствіе на страсти Христовы", которую самъ Петровъ въ другомъ мѣстѣ называетъ школьной драмой [1]). Во вторыхъ, въ драмѣ этой одно изъ дѣйствующихъ лицъ есть богиня вражды *Еринніъсъ*. Не думаемъ, чтобы представители южно-русскаго православія, при всемъ своемъ пристрастіи къ миѳологической терминологіи, могли допустить въ драмѣ, „привязанной къ церковному богослуженію", миѳологическія имена, тѣмъ болѣе, что въ драмѣ этой одно *пѣніе* написано по польски. Въ третьихъ, не можемъ мы раздѣлять и того мнѣнія г. Петрова, что другіе виды духовной драмы (напримѣръ, такъ называемые, миракли, драматизированныя священно-историческія хроники и т. п.) начали появляться въ южной Руси послѣ того, какъ были упрочены въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы. Не понятно, почему въ числѣ этихъ будто бы позже появившихся драмъ г. Петровъ называетъ и „Діалогъ объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ" [2]).

Къ XVII в. относятся южно-русскія драмы, написанныя книжною малорусскою рѣчью. Предшествовали появленію ихъ школьныя вирши въ діалогической формѣ. Такова была, напримѣръ, рождественская вирша извѣстнаго лексикографа и типографа Памвы Берынды, напечатанная въ 1616 г. Посвящена она епископу львовскому Іереміи Тисаровскому, котораго проситъ сочинитель принять

„За коляду и щодрый день книжечку тую,

---

[1]) Ibidem, стр. 457.

[2]) Ibidem, стр. 459—460.

Которая то презъ дѣтокъ деклямована
И для утѣхи на день тотъ з друку выдана“ [1]).

Вирша Берынды „деклямована“ семью лицами, — такая же рождественская вирша Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, напечатанная въ его „Перлѣ многоцѣнномъ“ (1646 г.), составлена для пяти лицъ, при чемъ составитель говоритъ о своемъ „Перлѣ“, что „съ той книги святои могутъ (студенты) выбирать вѣрши на свою потребу и творити з нихъ орації розмаитыи часу потребы своеи, хочъ и на комедіяхъ духовныхъ“ [2]). Изъ этихъ словъ ясно отношеніе діалога къ драмѣ. Отъ XVII в. до насъ дошла даже драма, которая называется „Розмова въ кратцѣ о душѣ грѣшной, судъ принявшей отъ судіи справедливаго, Христа Спасителя“ [3]). „Розмова“ эта любопытна бытовыми подробностями, изображающими судебные порядки того времени. По всей вѣроятности, она появилась одновременно съ первой оригинальной малорусской драмой „Алексѣй человѣкъ Божій“, представленной „чрезъ шляхетную молодь студенскую въ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ“ и, по желанію воеводы кіевскаго Георгія Трубецкаго, напечатанной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1674 г. [4]). Думаемъ такъ на основаніи общей терминологіи въ „Розмовѣ“ и въ драмѣ: *видокъ*, *видѣніе*, а не *дѣйствіе*, *явленіе*, какъ въ позднѣйшихъ драмахъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ малорусской литературѣ, повидимому, не установилось даже опредѣленное названіе для драматическихъ произведеній. Такъ изъ двухъ драмъ, недавно открытыхъ г. Франкомъ, одна называется „Dialogus de passione Christi“, а другая пасхальная

---

[1]) Императорской публичной библіотеки церковно-славянскій отдѣлъ, I, 8, № 12.

[2]) Второе (могилевское) изданіе 1699 г. изъ библ. кіево-печерской лавры, отд. VII, № 68.

[3]) Кіевская Старина 1884 г., іюнь.

[4]) Хронологическій указатель церковно-славян. книгъ, вып. I. См. также у Тихонравова „Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ“. Спб. 1874 г.

драма „Слово о буренью пекла“. Драма конца XVII вѣка, о которой говорили мы выше, называется „Дѣйствіе на страсти Христовы“ [1]).

Та же неопредѣленность и спутанность терминологіи въ названіи драмы продолжается и въ XVIII в. Извѣстная рождественская драма, приписываемая обыкновенно Дмитрію Ростовскому, называется „Комедія на рождество Христово“ [2]). Существенное отличіе ея отъ драмъ XVII в. заключается въ томъ, что она написана, какъ и всѣ серьезныя драмы XVIII вѣка, славяно-малорусскою рѣчью. Дѣйствіе въ ней развивается слабо, благодаря вторженію въ нее чудеснаго элемента, но драма задумана широко и исполнена съ большимъ талантомъ. Въ антипрологѣ Смерть и Жизнь спорятъ между собою о томъ, кому принадлежитъ Натура людская. Затѣмъ идетъ обычное содержаніе рождественской драмы—поклоненіе пастырей и волхвовъ родившемуся Спасителю міра, страхъ Ирода предъ вѣстью о новорожденномъ царѣ іудейскомъ, избіеніе младенцевъ, плачъ матерей въ образѣ плачущей Рахили, смерть Ирода и, въ заключеніе, торжество Жизни надъ Смертію, которая не овладѣла Натурой людской.

„Не умре натура людска“, говоритъ Жизнь, обращаясь
къ Смерти, „но вѣкъ жива будетъ,
Твоей области данна никогда не будетъ“ [3]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1891 г., январь, 1896 г., іюнь.

[2]) Драма напечатана у Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг.».

[3]) Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., Тихонравовъ, стр. 397. И. А. Шляпкинъ сомнѣвается въ томъ, что драма эта написана Дмитріемъ Ростовскимъ, такъ какъ заключительные стихи пролога, въ которыхъ испрашивается благословеніе архіерея на исполнителей драмы, будто бы отвергаютъ авторство Дмитрія. (Св. Дмитрій Ростовскій и его время, стр. 343). Намъ кажется, что Дмитрій въ данномъ случаѣ могъ слѣдовать обычаю, принятому въ южно-русскихъ школахъ, вовсе не имѣя въ виду своей личности, да и написать драму могъ онъ еще тогда, когда не былъ архіереемъ.

Для насъ важнѣе всего бытовыя сцены въ драмѣ, имѣющія характеръ интермедій, тѣ сцены, въ которыхъ выступаютъ пастухи, узнающіе отъ ангела о рожденіи Спасителя. Разговариваютъ они почти по великорусски съ небольшою примѣсью малорусскихъ особенностей рѣчи, доказывающихъ, что въ первоначальномъ текстѣ этихъ разговоровъ была народная малорусская рѣчь. Отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что драма написана была на югѣ, но дошла до насъ въ сѣверной редакціи, которая установлена была самимъ авторомъ послѣ 1701 года, когда изъ игуменовъ новгородъ-сѣверскаго монастыря онъ назначенъ былъ сперва сибирскимъ, а потомъ ростовскимъ митрополитомъ [1]).

---

[1]) Кромѣ этой драмы, а также четырехъ драмъ, о которыхъ говорили мы въ четвертой главѣ нашего изслѣдованія, на славяно-малорусскомъ языкѣ написаны были еще слѣдующія драмы: 1) «Свобода» (1701 г.) неизвѣстнаго автора (не издана, рукопись хранится въ иркутской семинаріи). 2) «Мудрость предвѣчная» (1703 г.)—тоже неизвѣстнаго автора (отрывки изъ нея напечатаны въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1866 г., ноябрь; рукопись—въ библіотекѣ кіевской Духовной семинаріи, № 608). 3) «Іосифъ Патріархъ» (1708 г.)—трагедокомедія Лаврентія Горки, учителя піитики въ кіевской Дух. академіи, въ 1707—1708 гг. (издана Тихонравовымъ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», 1874 г.; рукопись въ кіевской Духовной академіи, № 0. 4°. 7; есть также списокъ въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря въ концѣ піитики Л. Горки). 4) Трагедокомедія Сильвестра Ласкоронскаго (1729 г.) (издана въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1873 г., сентябрь). 5) Комическое дѣйствіе» —рождественская драма Митрофана Довгалевскаго (1736 г.). 6) «Властотворный образъ человѣколюбія Божія» – воскресенская драма его же (1736—1737 г.); (отрывки изъ драмъ Довгалевскаго—въ «Очеркахъ изъ украинской литературы XVIII в.» Петрова; рукопись обѣихъ драмъ—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, № 1710). 7) «Брань честныхъ добродѣтелей» іеромонаха Іоасафа Горленка (1737 г.) (отрывки въ «Очеркахъ» Петрова; рукопись кіевской Духовной академіи по печатному описанію № 664). 8) «Образъ страстей міра сего» неизвѣстнаго автора (1739 г.) (издана въ Трудахъ кіевской Духовной академіи, 1877 г., сентябрь; рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской Дух. академіи, № 660). 9) «Благоутробіе Марка Аврелія» Михаила Козачинскаго, префекта кіевской Дух. академіи (драма

Въ XVIII в. является новое названіе драмы—трагедокомедія, введенное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Повидимому, это названіе находится въ связи съ стремленіемъ внести въ серьезную драму изображеніе обыденныхъ явленій жизни, составляющихъ содержаніе комедіи. Тѣмъ не менѣе въ представленіяхъ о комедіи не было достаточной ясности. По прежнему назывались иногда комедіями или комическими дѣйствіями драмы отвлеченнаго, богословскаго содержанія. Такъ, напримѣръ, Довгалевскій называетъ свою рождественскую драму: „Комическое дѣйствіе въ честь царю царей Христу Господу четырма явленіи изображенное“, и тотъ же Довгалевскій въ піитикѣ своей даетъ теорію комедіи, не имѣющую ничего общаго съ его же собственными понятіями о драмѣ серьезнаго содержанія. Комедія, по его мнѣнію, отличается отъ трагедіи 1) матеріей, ибо изображаетъ явленія простой, частной жизни, дѣйствія забавныя и веселыя, тогда какъ трагедія—важныя и серьезныя; 2) лицами, ибо въ комедіи выводятся лица не важныя (leves), напримѣръ: господарь (paterfamilias), литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, скиѳъ, грекъ, итальянецъ, тогда какъ въ трагедіи—вожди, цари, герои; 3) изложеніемъ (dictione): комедія излагается словами простыми, обыкновенными, шутливыми, трагедія—словами важными, метафорическими; 4) страстями (affectu): въ комедіи страсти спокойныя, въ трагедіи бурныя; 5) концемъ дѣйствія: въ комедіи конецъ веселый, если даже начало печальное; въ трагедіи, наоборотъ, возможно начало веселое, конецъ же непремѣнно долженъ быть несчастнымъ [1]). Извѣстно, что тотъ же Довгалевскій есть авторъ лучшихъ интерлюдій XVIII вѣка, во многомъ соотвѣтствующихъ его теоретическимъ понятіямъ о комедіи. И однако же не назвалъ онъ ихъ комедіями, потому, вѣроятно, что онѣ не

написана по случаю прибытія въ Кіевъ Елисаветы Петровны въ 1744 г. и напечатана въ Кіевѣ въ 1745 году; отрывки изъ нея въ «Очеркахъ» Петрова). 10) «Трагедокомедія, нарицаемая Фотій» Георгія Щербацкаго (1749 г.); (напечатана въ Трудахъ кіевской Дух. академіи 1877 г., декабрь).

[1]) Рукопись кіево-михайловскаго монастыря № 1710.

заключаютъ въ себѣ составныхъ частей драмы, на которыя указываетъ самъ Довгалевскій, т. е. нѣтъ въ нихъ пролога, протазиса, эпитазиса и катастрофы. Онѣ представляютъ только рядъ намековъ на главные моменты дѣйствія, развивающагося въ драмѣ. Такъ, въ прологѣ къ „Комическому дѣйствію“ Довгалевскаго Валаамъ пророчествуетъ о рожденіи Спасителя, а въ первой интерлюдіи къ этой драмѣ его же астрономъ предсказываетъ будущее двумъ мужикамъ и литвину; въ первомъ дѣйствіи драмы три царя, внуки Валаама, разсуждаютъ о звѣздѣ, явившейся на востокѣ, а во второй интерлюдіи мужикъ разсказываетъ сонъ свой, въ которомъ онъ видѣлъ, будто бы эта самая звѣзда бьется съ мѣсяцемъ; во второмъ явленіи драмы приходятъ цари съ дарами, а въ третьей интерлюдіи приходятъ къ ляху крестьяне его съ поклономъ и дарами и проч. Собственно говоря, это матеріалъ для драмы, но не самая драма, каррикатурное отраженіе ея, но не комедія.

Что же мѣшало Довгалевскому и другимъ составителямъ интерлюдій превратить ихъ въ комедію?

Намъ кажется, что они стѣснены были авторитетомъ теоріи, которая требовала отъ всякой серьезной драмы рѣчи „важной, метафорической“. Они понимали возможность комическихъ лицъ и положеній въ трагедокомедіи. Мы видѣли, что Конисскій въ эпилогѣ къ драмѣ своей „Воскресеніе мертвыхъ“ называетъ себя „комѣкомъ“ и изображаетъ въ ней обыкновенныхъ лицъ, даже земледѣльца, но этотъ земледѣлецъ разсуждаетъ, какъ „письменный“ человѣкъ, и вообще вся драма написана въ возвышенномъ стилѣ, славяно-малорусскою рѣчью, поэтому тотъ же Конисскій присоединяетъ къ ней пять интерлюдій, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ уже обыкновенною, народною рѣчью. Такимъ образомъ вторгалась эта рѣчь въ литературныя произведенія, не смотря на стилистическій пуризмъ, поддерживаемый псевдоклассической теоріей драмы. Да иначе и быть не могло въ странѣ, въ которой не было единой и цѣльной литературной рѣчи, обязательной въ кругу образованныхъ людей. Наиболѣе устойчивой силой въ ней былъ народъ съ его не угасавшимъ еще поэтическимъ творчествомъ, которое возможно было только

на почвѣ родного языка. Вотъ почему тяготѣніе къ этому языку не исчезало въ средѣ малорусскихъ писателей, даже тѣхъ, которые стремились взобраться на вершины литературнаго Парнаса. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо изъ Петербурга какого-то Лобысевича къ Георгію Конисскому, у котораго онъ проситъ его интерлюдій, замѣчая, что „во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота“ для тѣхъ, кто умѣетъ „подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей“ [1]). Что касается до составителей интерлюдій, то они видѣли въ псевдоклассическомъ отдѣленіи комедіи отъ трагедіи удобный исходъ для своего творчества, находившаго свѣжія и яркія краски въ простонародной рѣчи. Можно полагать даже, что Довгалевскій не чуждъ былъ смутнаго представленія о томъ, что изъ интерлюдій могла бы выработаться комедія. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ прежнее время вставлялись интерлюдіи въ средину драмы, тогда какъ Довгалевскій свелъ ихъ въ одно цѣлое, такъ что онѣ занимаютъ въ его драмахъ отдѣльное мѣсто, какъ дополнительныя части каждой изъ нихъ. Оставалось только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ—составлять интерлюдіи независимо отъ серьезной драмы, группируя ихъ вокругъ своего самостоятельнаго центра дѣйствія. Но для этого нужно было отрѣшиться отъ церковно-религіозной почвы, на которой выросла малорусская драма.

Не отрѣшилась отъ этой почвы и народная, такъ называемая, вертепная драма, особенно въ первой части своей. Въ общемъ расположеніе драматическаго матеріала представляетъ большое сходство съ „Комическимъ дѣйствіемъ царю царей“ Довгалевскаго. Собственно говоря, содержаніе первой части „Комическаго дѣйствія“, равно какъ и нашей вертепной драмы, заимствовано главнымъ образомъ изъ школьныхъ рождественскихъ драмъ, въ которыхъ не было интерлюдій. Это легко подтвердить ссылками на рождественскую „комедію“ Дмитрія Ростовскаго, о которой мы говорили выше. Она могла быть извѣстна Довгалевскому, можетъ быть даже въ болѣе древнемъ первоисточникѣ и, безъ

[1]) Очеркъ изъ исторіи украинской литературы, Петрова, 111.

сомнѣнія, въ болѣе древней редакціи, чѣмъ та, которую мы имѣемъ. Довгалевскій выбросилъ изъ нея многія аллегорическія подробности, напримѣръ, олицетворенія натуры людской, земли и неба, вѣка золотого и желѣзнаго, разныхъ добродѣтелей и пороковъ человѣческихъ, разныхъ состояній души человѣческой. Весь аллегорическій матеріалъ онъ ограничилъ олицетвореніемъ гнѣва, смерти, декрета Божія и человѣколюбія Божія. „Любопытство звѣздочетское“ онъ представилъ въ конкретномъ образѣ астрономовъ, выступающихъ въ первой интерлюдіи къ его драмѣ. Но при этомъ образъ Валаама, который въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго выставленъ „звѣздочетцемъ“, Довгалевскій перенесъ въ прологъ своей драмы, а для связи дѣйствія самихъ царей, открывающихъ драму, назвалъ внуками Валаама. Затѣмъ завязка драмы и причина погибели Ирода у Довгалевскаго и у Дмитрія Ростовскаго однѣ и тѣ же.

Совершенно независимо отъ „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго, вертепная драма удержала изъ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго пастуховъ, которыхъ нѣтъ у Довгалевскаго, и образъ плачущей Рахили, тоже опущенный Довгалевскимъ. Пастухи въ вертепной драмѣ—живой снимокъ съ настоящихъ малороссійскихъ пастуховъ. Въ „комедіи“ Дмитрія Ростовскаго вмѣсто живой Рахили въ 16-мъ явленіи слышится плачъ и рыданіе о убіенныхъ отрочатахъ *подобіемъ* плачевной Рахили. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ блѣдными фразами разведенъ этотъ неестественно длинный плачъ, который скорѣе можно назвать проповѣдью на тему: „гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть“. Самъ проповѣдникъ называетъ себя „гласомъ Рахили“, вѣстникомъ ея материнской печали. Между тѣмъ, въ вертепной драмѣ мы видимъ настоящую мать, убитую горемъ о погибшемъ чадѣ: въ сокиринскомъ варіантѣ этой драмы она одѣта по малороссійски, съ намиткою на головѣ, въ плахтѣ и въ запаскѣ. Въ сущности это простая сельская женщина, носящая только имя Рахили, поэтому воины Ирода называютъ ее просто бабой. Вообще говоря, даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ живыхъ людей, а не ходульныя, мертвыя аллегоріи, которыми

изобилуютъ обѣ драмы ученыхъ авторовъ. Только одно отвлеченіе—именно смерть—играетъ въ вертепной драмѣ значительную роль, потому конечно, что народная фантазія давно привыкла представлять смерть живымъ существомъ, независимо отъ позднѣйшихъ школьныхъ вліяній.

Что касается до второй части вертепной драмы, то она вся цѣликомъ составлена изъ народныхъ сценъ, безъ малѣйшей примѣси книжности. Безъ сомнѣнія, такъ было и въ старину, когда слагалась эта драма, дошедшая до насъ въ позднѣйшихъ записяхъ [1]). Могли происходить подновленія и измѣненія въ языкѣ ея, посредствомъ которыхъ книжная рѣчь отъ долгаго обращенія въ устахъ народа дѣлается народною. Если Довгалевскій и Конисскій, ученые профессора академіи, писали на народномъ языкѣ, то тѣмъ болѣе должны были слѣдовать примѣру ихъ люди, которые прямо и непосредственно обращались къ народу, и мы думаемъ, что въ тѣхъ редакціяхъ вертепной драмы, которыя дошли до насъ, она сложилась подъ вліяніемъ позднѣйшей школьной теоріи, отдѣлившей комическій элементъ отъ трагическаго. Различается она отъ драмъ Довгалевскаго и Конисскаго тѣмъ, что во второй части ея нѣтъ никакихъ параллелей и сближеній, даже отдаленныхъ и натянутыхъ, съ серьезною драмой, какія мы видимъ въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго и Конисскаго. Единственная нить, соединяющая первую часть вертепной драмы со второю, заключается въ томъ, что въ первыхъ двухъ сценахъ этой послѣдней выдвинутъ мотивъ радости по поводу рожденія Спасителя. Стоило только оборвать эту нить, и мы имѣли бы народную комедію, совершенно освободившуюся отъ церковно-религіозныхъ мотивовъ. Правда, въ этой комедіи нѣтъ психологическихъ моментовъ, дающихъ жизнь и движеніе драмѣ, но они, безъ сомнѣнія, явились бы при дальнѣйшей разработкѣ богатаго бытового содержанія ея. Даже и

[1]) Записи Маркевича и Галагана: первая см. «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», изд. 1860 года; вторая см. Кіевская Старина, 1882 г., октябрь.

въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась до нашего времени, есть въ ней центральное лице, вокругъ котораго вращаются всѣ дѣйствія второстепенныхъ лицъ. Это именно запорожецъ, представитель народной силы, торжествующей надъ всѣми врагами народа, даже надъ самимъ чортомъ [1]).

X.

Какъ проникала народная рѣчь въ литературное употребленіе? Вопросъ о генезисѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршей. Стихотворенія священника Некрашевича.

Въ старину исполнителями вертепной драмы были, какъ извѣстно, странствующіе школьники, которые посредствомъ такъ называемаго „миркованья“, добывали средства для своего пропитанія. Не всегда возвращались они въ школу, предпочитая ей жизнь странствующихъ дьяковъ и „бакаляровъ“. Извѣстны они были также подъ именемъ „пиворѣзовъ“, нерѣдко и сами себя они называли такъ въ сатирическихъ изображеніяхъ собственныхъ своихъ недостатковъ. Неодобрительно смотрѣли на нихъ духовныя власти, такъ какъ поведеніе ихъ часто не согласовалось съ достоинствомъ просвѣтителей народа. Тѣмъ не менѣе это были единственные распространители школьныхъ знаній, навыковъ и вкусовъ въ народѣ, который смотрѣлъ на нихъ безъ всякой непріязни [2]). Главное достоинство ихъ заключалось въ томъ, что они приспособляли тяжеловѣсную школьную премудрость къ пониманію народа, заимствуя въ свою очередь отъ него своеобразныя особенности мысли и рѣчи его. По разнымъ причинамъ люди эти не могли выступать въ активной роли

[1]) Анализъ вертепной вирши о запорожцѣ см. «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», стр. 112—117. Тамъ же о типахъ, изображенныхъ въ вертепной драмѣ, въ связи съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго и Конисскаго, стр. 99—111.

[2]) См. Ibidem, гл. II.

представителей новыхъ образовательныхъ и литературныхъ вѣяній, возникавшихъ изъ новыхъ политическихъ условій жизни, обязательныхъ для всей лѣвобережной Украины. Сами они сознавали всѣ неудобства своего положенія въ той обстановкѣ, которая вмѣстѣ съ новымъ просвѣщеніемъ вносила въ общественную жизнь страны перестановку политическихъ и сословныхъ отношеній, выгодную для отдѣльныхъ лицъ, обладавшихъ энергіей и предпріимчивостью, и нежелательную для народной массы, окончательно закрѣпощенной при Екатеринѣ II (1783 г.). Какъ бы то ни было, „бакаляры“ чувствовали тяготѣніе къ этой массѣ, раздѣляя иногда печальную судьбу ея, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одно старинное стихотвореніе, написанное на Ирмологіи, изданной въ 1757 году:

„Хто хоче лыха зазнати,
Ныхай иде въ N дякувати,
То буде панщыну въ будни робыты,
А въ суботу ходыть звоныты,
Сала по сели прохати
И скризь за хлибомъ шмаруваты“.

Обыкновенно спасались они отъ этого положенія бѣгствомъ:

„Сіе вамъ изображаю,
И самъ зъ N утикаю“,

говоритъ злополучный сочинитель того же стихотворенія [1]). Какъ видно, типъ „мандрованныхъ“ дьяковъ слагался отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя побуждали посполитый людъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, спасаясь отъ экономическаго порабощенія. Вотъ въ этой именно средѣ—полународной и полукнижной—поддерживалась привычка писать вирши, которыя составляли нѣкогда необходимую принадлежность школьнаго образованія не только въ городахъ, но и въ селахъ, удовлетворяя въ то же время нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа. Понятно въ виду всего сказаннаго, почему писатели этихъ виршей уходили нерѣдко

[1]) Кіевская Старина, 1897 г., ноябрь.

подъ сѣнь родной рѣчи, которая давала имъ изобильныя краски для выраженія печалей и радостей, какъ личной, такъ и общественной жизни. Такимъ путемъ проникала эта рѣчь въ литературное употребленіе гораздо раньше, чѣмъ написана была Энеида Котляревскаго.

Въ свое время мы занимались изслѣдованіемъ виршевого творчества, имѣя въ виду выяснить вліяніе его на образованіе поэтическаго стиля народныхъ малорусскихъ думъ [1]). Не повторяя того, что сказано было нами раньше, замѣтимъ только, что къ самымъ типичнымъ виршамъ въ народно-психологическомъ смыслѣ относятся рождественскія и воскресенскія. Мы вовсе не касались генезиса ихъ, сосредоточивъ свое вниманіе на тѣхъ виршахъ, которыя составлены были въ народномъ вкусѣ „бакалярами“ сельскими. Между тѣмъ послѣ того, какъ напечатана была наша книга, появилась любопытная статья г. Мирона подъ заглавіемъ: „Южно-русская пасхальная драма“ [2]). Почтенный галицкій ученый, слѣдуя указаніямъ покойнаго Драгоманова, объясняетъ происхожденіе одной воскресенской вирши изъ пасхальной драмы, открытой самимъ же Мироном. Мы ничего не говоримъ противъ того, что въ данномъ случаѣ вирша могла появиться этимъ путемъ, но думаемъ только, что нѣтъ достаточныхъ основаній для обобщенія этого факта. Говоримъ объ этомъ въ виду того обстоятельства, что въ статьѣ самого Драгоманова, которой мы не имѣли возможности прочесть, сказано, повидимому, больше того, что нужно, по поводу этой самой воскресенской вирши [3]). Издавая „матеріалы для украинскихъ виршей“, Драгомановъ выводитъ и нѣкоторыя рождественскія вирши изъ рождественской драмы, утверждая, что онѣ образовались изъ нея чрезъ вертепную драму путемъ сокращенія [4]). Намъ кажется, что съ одинаковымъ

---

[1]) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 57—136.

[2]) Кіевская Старина, 1896 г., іюнь, іюль-августъ.

[3]) «Ватра», сборникъ Лукича, 1886 года: «Изъ исторіи вирши на Украинѣ».

[4]) Житте і слово, 1894, т. I, 48.

правомъ можно утверждать противное. Не нужно при этомъ упускать изъ виду, что въ рождественскихъ виршахъ содержаніе гораздо шире, чѣмъ въ рождественской драмѣ. Совпадаютъ онѣ съ этой послѣдней только въ разработкѣ евангельской исторіи, изображая поклоненіе пастырей и царей родившемуся Спасителю, избіеніе младенцевъ и смерть Ирода. Но этимъ матеріаломъ онѣ не ограничиваются, такъ какъ разсказываютъ еще о грѣхопаденіи прародителей, объ изгнаніи ихъ изъ рая, захватывая даже обычную тему воскресенскихъ виршей—о томъ, какъ Спаситель освободилъ праведныя души изъ ада. По нашему мнѣнію, ужъ если искать прототипа рождественскихъ виршей, то нужно обратиться къ колядкамъ, на что и намекаетъ Берында въ своей рождественской виршѣ. Колядки, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ древнѣйшую форму народнаго поэтическаго творчества, въ которое рано проникла христіанская легенда, большею частію апокрифическаго содержанія. Со второй половины XVI вѣка, когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее малорусскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнія. Изъ нихъ-то и выработались вирши-орацiи, предназначавшіяся для произнесенія. Такъ какъ онѣ не могли привлекать слушателя своимъ мотивомъ, то должны были производить на него впечатлѣніе оригинальностію замысла и силою выраженія. Если оригинальность эта замѣнялась ученостью, то вирши были скучны. Оживлялись онѣ иногда, какъ мы видѣли, діалогомъ. Съ этой точки вирши-орацiи сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсью книжныхъ элементовъ рѣчи для стилистическихъ эффектовъ. Обычный художественный пріемъ въ нихъ—низведеніе религіозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыденныхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной

жизни. На многихъ виршахъ можно прослѣдить весь этотъ любопытный процессъ художественнаго нарощенія образовъ[1]). Иногда вирши игриваго, праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки[2]), но никогда не входили онѣ въ составъ серьезной драмы. Даже въ первой части вертепной драмы мы видимъ тяжеловѣсныя книжныя вирши, которыя обыкновенно предваряютъ содержаніемъ своимъ слѣдующія за ними сцены. Такимъ образомъ къ вопросу о сокращеніи виршей изъ драмъ нужно относиться съ большою осторожностію.

Въ виршахъ-ораціяхъ мы видимъ свободное и, можно сказать, смѣлое обращеніе съ религіозными представленіями и вѣрованіями. Вытекало оно изъ самой сущности того направленія въ искусствѣ, которое въ наше время называется реализмомъ. Само собою разумѣется, что виршевой реализмъ не былъ сознательнымъ актомъ мысли: являлся онъ самъ собою, непосредственно, какъ одно изъ основныхъ свойствъ украинскаго народнаго творчества. Конечно, была въ немъ и добрая доля праздничной фантазіи, переходившей за черту благоразумной сдержанности, но въ цѣломъ вирши-орації представляютъ живую картину нравовъ, поэтому мы относимъ ихъ къ разряду нравоописательныхъ виршей. Вмѣстѣ съ интерлюдіями и вертепной драмой онѣ составляютъ одну изъ оригинальныхъ страницъ малорусской литературы XVIII вѣка, но чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ эту страницу, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что на ней нельзя было написать многаго. Дѣло въ томъ, что религіозное и сатирическое настроеніе—вещи несовмѣстимыя. Въ праздничной обстановкѣ эта несовмѣстимость не была еще такъ рѣзко замѣтна, и то—подъ условіемъ простодушно-наивнаго чувства, которымъ часто проникнуты были составители виршей нравоописательныхъ. Но, какъ только ослабѣвало это чувство, вирши теряли прежде всего естественность и правдоподобіе поэтической фабулы. Чтобы сооб-

---

[1]) См. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 82—84.

[2]) См. Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго, т. III, стр. 376, 381, 383.

щить ей нѣкоторую вѣроятность, она передавалась иногда въ видѣ сна отъ лица разскащика. Такова, между прочимъ, недавно открытая воскресенская вирша, въ которой разскащикъ сообщаетъ своимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ догадался, что скоро „те свято буде, якъ жунки красять яйця, паски лѣплять люде". Приснился ему вѣщій сонъ съ цѣлымъ рядомъ чудесныхъ видѣній. Прежде всего увидѣлъ онъ знакомаго всѣмъ покойника, который, по примѣру Іуды, за святотатство, „силцемъ задавився",— затѣмъ, по ассоціаціи идей, увидѣлъ онъ „Смерть из Дѣдькомъ", которые „чвалали, мовъ воликовъ пара", Адама и Еву, торжествующихъ надъ силами ада, наконецъ, пышный поѣздъ праздника, который называется Великдень[1]). Все это старые, давно извѣстные мотивы поэтическаго творчества. Можно было довольствоваться ими за неимѣніемъ ничего лучшаго, но справедливость требуетъ сказать, что, безъ расширенія горизонтовъ мысли, они мало способны были къ извлеченію поэтическихъ элементовъ изъ прозы жизни въ ея обычномъ теченіи.

Къ этому выводу приводитъ насъ, между прочимъ, знакомство съ малоизвѣстнымъ писателемъ второй половины прошлаго вѣка, священникомъ Некрашевичемъ. Учился онъ, какъ видно изъ приписокъ къ нѣкоторымъ сочиненіямъ его, въ кіевской академіи. Въ 1763 г. онъ былъ „Богословія слушателемъ" и говорилъ двѣ рѣчи—одну Самуилу Мислявскому, бывшему въ то время ректоромъ академіи, а другую печерскому архимандриту Зосимѣ Валкевичу при посѣщеніи имъ села Вишенекъ, принадлежавшаго кіево-печерской лаврѣ. Въ этомъ же селѣ Некрашевичъ сдѣлался священникомъ и не разъ прибѣгалъ къ своему краснорѣчію, являясь въ качествѣ оратора предъ высокопоставленными лицами для испрошенія у нихъ разныхъ милостей. Всѣ эти рѣчи составлялъ онъ то на славяно-малорусскомъ, то на латинскомъ языкѣ. Отъ 1787 г.

---

[1]) Кіевская Старина, 1899 г., ноябрь. Вирши эти написаны не позже 1786 года, по всей вѣроятности, дьячкомъ села Краснопловки, черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, Николаемъ Мазалевскимъ, умершимъ въ 1793 г.

сохранилось письмо его, написанное въ стихахъ къ о. Арсенію Криницкому и женѣ его, въ которомъ онъ благодаритъ ихъ „за нѣкоторое оказанное отъ нихъ особливое благодѣяніе:“ [1])

„О неисчетнѣ судьбы! о благость премнога!
Не погибнетъ никогда надежда на Бога:
Я журился, что убогъ, а имѣю дѣти,
Время жъ люто, гдѣ что взять, чѣмъ же ихъ снабдѣти.
Но Господь, творецъ вѣковъ, все то во благое
Благостію устроилъ, употребивъ на тое
Отца Арсенія, мнѣ любезнаго брата,
Да Ирину госпожу“.

Здѣсь тоже рѣчь славяно-малорусская, на которой написанъ имъ былъ въ 1773 году и діалогъ: „Споръ души съ тѣломъ“. Но, удаляясь отъ матерій важныхъ или же разсуждая объ этихъ матеріяхъ съ народомъ для вразумленія его, Некрашевичъ не чуждался и народнаго просторѣчія, которое помогло ему нарисовать нѣкоторыя черты народнаго быта довольно удачно. Въ стихотвореніи его „Ярмарокъ“ одинъ крестьянинъ покупаетъ у другого пару воловъ. Происходитъ между ними разговоръ объ этомъ предметѣ со всѣми подходами и уловками, чтобы продать подороже, купить подешевле. Сдѣлка оканчивается обычнымъ могорычемъ:

„Спасибу жъ тобѣ, куме“, говоритъ покупатель, „нумо жъ пить горѣлку,
Та ще треба землею стерти воламъ спинку,
Випій же, свату, до дна, що-бъ воли орали“...
„Оттакъ, свату, въ гору хвись“, отвѣчаетъ продавецъ, „щобъ тобѣ брикали“!

Въ другомъ стихотвореніи „Исповѣдь“ изображены недоразумѣнія, возникшія между священникомъ и прихожанами его по поводу

---

[1]) Рукопись церковно-археологическаго музея при кіевской академіи, № 181. Это копія съ рукописнаго сборника, полученнаго изъ черниговской губерніи и находящагося въ библіотекѣ М. Кибальчича.

введенной имъ одиночной исповѣди, на которой священникъ спрашивалъ кающихся о томъ, въ чемъ согрѣшили они не только дѣломъ или словомъ, но и помышленіемъ. Всѣ они не чувствуютъ за собою тяжкихъ грѣховъ и въ этомъ смыслѣ отвѣчаютъ священнику. Любопытны эти отвѣты для характеристики нравственно-религіозныхъ понятій народа, которыя въ сущности и въ наше время почти тѣ же.

—„Я хлѣба та соли", говоритъ одинъ кающійся,
„не збавивъ нѣкого,
А бѣлше якихъ грехювъ не чуюсь ничого.
Горую да бѣдую, хочь хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой чи я жъ бы бѣдовавъ, якъ теперъ бѣдую,
Якъ би хотѣвъ грешити, занять речь чужую?"

—„Я роду не такого", говоритъ женщина,
„Якъ иншее бувае, матки й оцця злого,
А мене бо навчили отець муй и мати
Колядувокъ и щедрювокъ Бога зухвалять,
Говѣю я що року, пятюнку шаную,
Нѣ ѣмъ, нѣ пью, нѣ роблю до вечора въ тую.
Отъ бризнуло на губу, якъ сыръ одкидала,
Чого я не робила, ввесь ротъ полоскала.
Ісусе, прости мене, грѣшную такую,
А булше я на собѣ нѣчого не чую.
Еще жъ хиба за те грѣхъ, що брехнешъ, паноче,
Губою немитою, се жъ дѣло охоче,
Я жъ таки не все й брешу, я чесна собою".

—„А я що зогрешила", говоритъ дѣвица, „що я можу знати?

На вечюрки не хожу,—не пускае мати,
Шѣсть разъ мене и торюкъ моя мати била
За те, що на юлицю разывъ с пьять ходила;
Единъ тулко разъ колись пѣсню заспѣвала,
Да й вигнала изъ хати, що й не ночовала.

Все жъ теперъ добре роблю, у грехахъ не чуюсь,
Одъ теи доби и досѣ усе я шануюсь".

—„Чи ще жъ и ми зогрешимъ", говорятъ малолѣтніе,
„нѣ, очче, нечого:
Молимось, бьемъ поклоны, нечого худого".

Недовольна вся громада религіозною ревностію своего пастыря:

„Оцце жъ пакъ... А де жъ пакъ грехювъ такихъ взяти?
Якъ нечого не грешивъ, що жъ маешъ казати?
Чи то мы такъ грешимо, якъ и инши люде?
Да абы булы люде, а пѣпъ у насъ буде.
И іого бъ мы за попа всѣ посполу мали,
На проскуры носили бъ й іого бъ шановали,
Нехай бы вѣнъ переставъ тѣлко мудровати,
Що бъ такъ по одинцю всѣхъ насъ сповѣдати.
Еще жъ коли бъ переставъ муштровать в причастѣ,
Що одъ свити закаврашъ одрѣзавъ у Настѣ".

Пьеса заканчивается тѣмъ, что всѣ роптавшіе пришли наконецъ къ убѣжденію въ необходимости правильной исповѣди:

„Ей Богу, покаемся", говорятъ они, „жѣнки й чоловѣки,
Щобъ у небѣ зо Христомъ царствовать на вѣки".

Тотъ же мотивъ столкновенія между духовенствомъ и народомъ разработанъ въ стихотвореніи неизвѣстнаго намъ автора: „Суплика або замыслъ на попа" [1]). По тону и складу относится оно къ тому же времени, когда писалъ Некрашевичъ свою „Исповѣдь", съ которою оно представляетъ сходство и діалогической формой, напоминающей интерлюдіи Довгалевскаго и Конисскаго. „Суплика" изображаетъ неудовольствіе сельскихъ обывателей на священника за то, что онъ чуждается ихъ обще-

[1]) Кіевская Старина 1885 г., мартъ. Мы приводимъ выдержки изъ этого стихотворенія по рукописи 1798 года, напечатанной въ октябрской книжкѣ Кіевской Старины за 1899 г. Правописаніе въ этой рукописи то же, что и въ древнѣйшемъ спискѣ Энеиды.

ства и подвергаетъ ихъ наказаніямъ за проступки противъ вѣры и нравственности. Просятъ они дьяка, чтобы онъ написалъ отъ нихъ жалобу на священника къ архіерею. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, дьякъ умудрился составить жалобу въ велерѣчивыхъ и туманныхъ выраженіяхъ. Впрочемъ, по совѣту людей старыхъ и опытныхъ, жалобщики оставляютъ это дѣло:

„Геть вѣнъ“, говоритъ одинъ изъ совѣтниковъ, „не самъ се крутить,
А все іого панъ сотникъ нашъ учить“.
—„Да вѣнъ же іого сюды и втоптавъ“, говоритъ другой совѣтникъ,
„Да й за іого свою годованку вѣддавъ“.

Какъ видно, въ данномъ случаѣ къ вопросу церковно-религіозному примѣшался вопросъ соціальный, чѣмъ и объясняется заносчивое обращеніе священника съ прихожанами, которые говорятъ о немъ, что

„Хоть и за дѣломъ прійдешъ (къ нему), то все рило дуе,
А якъ чого просишъ, то мовъ и не чуе“.

Не лишено, между прочимъ, бытового значенія то обстоятельство, что священникъ вносилъ регламентацію и въ вѣковые обычаи народной жизни:

„Пиши ще й се, пандяче“, говорятъ жаловавшіеся, „що не велить челядѣ колядовати,
На улицю ходити и на Купайлахъ скакати,
Дѣвкамъ не велить ходить на вечорницѣ:
Хиба-жъ имъ, небогамъ, постригтись у черницѣ?
Парубкамъ не велить съ дѣвками гуляти,
По чѣмъ же имъ буде молодость згадати?“

Этотъ старинный протестъ противъ остатковъ языческаго культа, повидимому, снова началъ раздаваться въ лѣвобережной Украинѣ послѣ того, какъ замолкли въ ней гоненія на вѣру, побуждавшія представителей церкви, искавшихъ опоры въ народѣ, снисходительно относиться къ его обычаямъ. Сколько намъ извѣстно,

оффиціальныя воздѣйствія на народъ въ этомъ смыслѣ начались еще при Скоропадскомъ, который въ 1719 г. выдалъ универсалъ на имя стародубскаго полковника Чарнолускаго „о вечерницахъ, кулачкахъ и протчихъ зборахъ, абы выкоренити“ [1]). Скоропадскій приписываетъ этимъ „зборамъ“ всѣ несчастія, постигшія Малороссію, какъ то: неурожаи, скотскіе падежи, моровую язву. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что поэтическое творчество развиваться не могло въ народномъ направленіи на почвѣ прямолинейнаго и безусловнаго отрицанія обычаевъ, съ которыми связаны поэтическія преданія народа, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ обычаевъ съ давняго времени проникнуты были возвышенными христіанскими вѣрованіями и нравоученіями.

Обращаясь снова къ Некрашевичу, мы должны сказать, что онъ любилъ писать письма стихами. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ писемъ къ нѣкоему Ивану Филиповичу. Одно изъ нихъ относится къ тому времени, когда Филиповичъ былъ „дворца Вышенского чернечого писаремъ“. Написано оно было по поводу чернильницы, потерянной Филиповичемъ, который „на требованіе отдачи оныя гордо отказалъ“. Самая незначительность этого происшествія, воспроизведеннаго стихами, характеризуетъ музу Некрашевича. Между прочимъ, есть одна подробность въ этомъ письмѣ, изъ которой мы узнаемъ, какія были настольныя книги у автора. Онъ называетъ поступокъ Филиповича грабительствомъ.

„Да еще, знать, позабылъ“, говоритъ онъ, „книгъ въ позыку взяти,
Будто прочитать, а мнѣ—чтобъ болшъ не видати:
Имѣю я тестаментъ, лѣтописъ ростовскій,
Библію священную, малъ трудъ богословскій
И другіе книжицы. Когда хочешъ взяти,
Прійди развѣ, какъ сами маліи будуть въ хатѣ,
И скажешъ, что потерялъ“...

---

[1]) Описаніе румянцевскаго музея, Востокова, 143.

Этотъ же самый Филиповичъ сдѣлался впослѣдствіи гнѣдинскимъ священникомъ и добрымъ сосѣдомъ Некрашевича, который пишетъ къ нему дружескія посланія—тоже по обыкновенію въ стихахъ. Въ одномъ посланіи онъ обѣщаетъ пріѣхать къ нему на именины и говоритъ:

„Отче Иване Гнѣденскій, возлюбленный тезку,
Ѣдемъ на именины, очищай намъ стежку!
Ожидай же, здоровъ бувъ, изъ своимъ патрономъ,
Посажай насъ до стола за новымъ ослономъ,
Добренькою почастуй великимъ стаканомъ,
То будемъ мы тебе звать милостивымъ паномъ.
Писавъ тезко зъ тезкою, зъ зятемъ и зъ сестрою,
Поздравляемо мы васъ вѣршою такою,
Мѣсяца небесного, сіого жъ таки року,
А числа, що у книжцѣ написано въ строку".

Въ другомъ посланіи Некрашевичъ приглашаетъ къ себѣ въ гости Филиповича, сына его Петра и дьячка Степана Криницкаго. Вотъ отрывокъ изъ этого посланія:

„Отецъ Иванъ, Петро й Степанъ
Зъ своими жѣнками,
Просимъ до насъ хотя на часъ
Пріѣхать святками.
Будемъ гулять и зухвалять
Рожденного Бога,
Уже до насъ просто одъ васъ
Зроблена дорога.
Заспѣваемъ хоть надъ чаемъ,
Випьемъ калинѣвки,
Поговоримъ, что сотворимъ,
Тутъ же зъ нами й жѣнки,
А мижъ тими рѣчми всѣми—
То чимъ заѣдати?
То по чарцѣ, то по парцѣ
Будемъ запивати.

Нехай усякъ познае, якъ
Жить любезно треба,
Попы усѣмъ должни такимъ
Зробить путь до неба".

Нельзя отказать этимъ стихотвореніямъ игриваго содержанія въ стилистическихъ достоинствахъ, хотя и можно пожалѣть, что авторъ растрачиваетъ дарованіе свое на мелочи. Очевидно, онъ не могъ выйти изъ тѣснаго круга церковно-приходскихъ отношеній и настроеній на болѣе свободный путь поэтическаго творчества.

XI.

Вирши-сатиры и вирши-элегіи, составленныя по поводу явленій общественной жизни въ XVIII в.

Имя Некрашевича случайно уцѣлѣло отъ забвенія, и нужно сказать, что въ литературной исторіи старинныхъ малорусскихъ виршей такихъ именъ очень немного. Большею частію составлялись вирши ad hoc и не предназначались для широкаго круга читателей. Распространялись онѣ посредствомъ списыванія любителями „поэтицкаго художества", которые интересовались самимъ художествомъ, а не художниками, поэтому мы ничего и не знаемъ о нихъ. Знаемъ только, что они обращались къ перу не для однихъ традиціонныхъ виршей на праздничныя темы, что и въ эти темы они вносили иногда общественные мотивы, какъ показываетъ вирша, говоренная, по преданію, черноморцами Потемкину въ день праздника Пасхи[1]); поэтому въ виршахъ высказывались иногда мысли и чувства по поводу текущихъ явленій общественной жизни. Скудна была эта жизнь, сдвинутая съ старинныхъ своихъ устоевъ. Какъ всегда бываетъ при встрѣчѣ новаго порядка вещей съ старымъ, этотъ послѣдній держался еще силою привычки, не осмысленной идеализмомъ великодуш-

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., апрѣль.

ныхъ стремленій, которыя уступили свое мѣсто мелкому сословному эгоизму. Въ гетманщинѣ козацкіе полки влачили еще жалкое существованіе, и только въ 1785 г. они превращены были въ карабинерные, но это не мѣшало козакамъ наканунѣ своего уничтоженія относиться съ сословнымъ высокомѣріемъ къ Слободской Украинѣ, въ которой двадцатью годами раньше, т. е. въ 1765 году, изъ пяти козацкихъ полковъ сформировано было столько же гусарскихъ. По всей вѣроятности, въ этотъ промежутокъ времени между 1765 и 1785 годами написана была сатира на Слобожанъ.

„Украинци зъ степивъ и славни Слобожане
Не мало жъ насъ такихъ—изъ нашихъ хуторивъ,
Що зъ вами жъ ризали и туркивъ и ляхивъ.
Чимъ мы не козаки? Мы носимъ оселедци,
И цюкнемъ саблею, коли де доведетця".

—„Чимъ же вы чванитесь"? спрашиваютъ ихъ козаки,
„Отъ! Мы то Слобожане!
Вы такъ соби щось—атъ!.. Нехрещени цыгане!..
Кортить ихъ въ козаки!.. чи зъ розумомъ ся ричъ?
Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичъ:
На що вамъ на себе ждать туркивъ и татаръ?
Жидивський наймитъ васъ потре всихъ на сухарь,
Васъ баба помеломъ звоюе, кочергою,
Батигъ здаетця вамъ громовою стрилою".

Грустно читать эти строки, внушенныя поползновеніями самаго грубаго свойства...

„Селите слободы", обращаются Гетманцы къ Слобожанамъ, „але платить намъ чиншъ!
А ни? Дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!
Коли жъ вы хочете у насъ буть наймитами,
То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
Реминни очкури, реминни й постолы
И пришвы на зиму, щобъ боси не були".

Полагать надобно, что въ средѣ того же разлагавшагося козачества написана была и другая сатира, направленная противъ тѣхъ посполитыхъ, которые, слѣдуя примѣру самихъ же козаковъ, добивались дворянскаго званія посредствомъ полученія на службѣ чина коллежскаго регистратора. Сатира эта носитъ заглавіе: „Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны“[1]). Прадѣдъ этого Куксы былъ Хамъ, дѣдъ Данило, отецъ Максимомъ „звався и Данилеемъ прозивався“: объ утвержденіи за нимъ этого прозвища „Данилей“ и проситъ Кукса, надѣясь, что послѣ полученія этой привиллегіи никто не будетъ „брать его за чубъ“. Самъ онъ разсказываетъ о себѣ, что былъ онъ простымъ „хлиборобомъ“.

„Дали жъ трохи, якъ розжився, то й годи робыти,
А надумався отдати въ школу свои дѣти.
Якъ вивчились, въ судъ упхавъ учиця писати,
Да вже того и гляди—гостинця давати,
Що бъ воны такъ, якъ люде, *Евстраты* получили.
Якъ винницю поставивъ, ставъ гнати горѣлку,
И за купця у Остеръ отдавъ свою дѣвку.
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ
И дворянство показавъ, хоть уже й не даромъ.
А дали сыны мои стали все *Евстраты*,
За старшого взявъ дочку зъ маіорскои хаты:
За що жъ мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами уже й мои дѣты“?

Гораздо симпатичнѣе тѣ вирши общественнаго содержанія, въ которыхъ изображаются бѣдствія угнетаемыхъ, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ. Тонъ ихъ совсѣмъ другой—не сатирическій, а элегическій. По складу своему онѣ близко стоятъ къ народнымъ пѣснямъ, напоминая, такъ называемыя, псáльмы, только безъ религіозной подкладки. Составлялись онѣ не для чтенія, а для пѣнія по образцу народныхъ пѣсенъ, поэтому и дошли онѣ до насъ въ видѣ пѣсенъ не въ старинныхъ рукописяхъ, а въ

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., январь.

позднѣйшихъ записяхъ изъ устъ народа. Тѣмъ не менѣе виршевая основа этихъ пѣсенъ чувствуется и въ трезвомъ, дѣловомъ тонѣ ихъ, и въ подборѣ словъ и выраженій, не успѣвшихъ еще потерять своихъ книжныхъ оттѣнковъ, и въ риторической рифмѣ, преобладающей въ нихъ. Замѣчательная особенность этихъ пѣсенъ-виршей заключается въ томъ, что въ нихъ опредѣленно и ясно сознается тотъ или другой историческій моментъ народной жизни, нерѣдко отмѣчаемый хронологической датой: „Ой изъ тысяча симсотъ шестьдесятъ третёго года пише, пише восточна цариця зъ Петербурга города“ [1])... „Въ шестьдесятъ восьмомъ году собиралось народу“ [2])... Одинъ изъ этихъ моментовъ особенно глубоко запечатлѣлся въ памяти народной, хранящей о немъ донынѣ множество пѣсенъ, между которыми есть и пѣсни виршевого происхожденія: мы разумѣемъ трагическій моментъ въ жизни Запорожья—разрушеніе Сѣчи въ 1775 г. Вотъ одна изъ пѣсенъ, сходная по складу своему съ канцелярской дѣловой бумагой, переложенной въ хорошіе стихи:

„Ой пидъ городомъ Елисаветомъ много орливъ излиталось:
Въ Москви городи, въ засиданному мисци, панивъ сенаторивъ сбиралось.
Ой зибравшись вони въ одно мисце, стали способъ собирати,
Якъ би зъ вийська запорозького вси волности отибрати:
„Ой коли бъ же намъ, пани сенатори, у нихъ волность отибрати,
То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизни поживати“.
Ой избрали вони способъ добрий запорозьцямъ волю дати,

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., іюнь.

[2]) Житте и слово, 1894 г., т. II, 63. См. подробнѣе о пѣснях этого типа въ книгѣ нашей: «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», въ послѣднемъ отдѣлѣ III главы: «Малорусскія вирши историческаго содержанія», стр. 131—136.

Приказали вони по всій земли ихъ слободы заселяти.
Когда була съ Туркомъ война, патретами поощряли,
А запорозьци, добри люде, ихъ ласкательства не знали
Да тимъ сенаторамъ, якъ правдивымъ людямъ, во всимъ
виры доймали.
Ой якъ дизнали тиі сенаторы, що запорозьци имъ
вирять,
Ой да приказали запорозьку землю всю кругомъ мирять.
А розмирявши запорозьку землю, на планы знимали,
А щобъ запорозьци того не дизнали, казаны имъ въ
Сичъ прислали"... [1])

Кто сложилъ эти стихи, не знаемъ: вѣроятнѣе всего, это былъ грамотный человѣкъ, очевидецъ событія, принимавшій близко къ сердцу горестный смыслъ его. И во всѣхъ пѣсняхъ, относящихся къ этому событію, слышно безъисходное горе, переходящее въ вопль отчаянія [2]).

Извѣстно, что остатки запорожцевъ, не вышедшихъ въ Турцію, снова собраны были въ 1787 г. тѣмъ же Потемкинымъ, который былъ главнымъ виновникомъ разрушенія Сѣчи, подъ именемъ войска черноморскаго. Нужно было ему это войско, когда возгорѣлась вторая война съ Турціей, и покрыло оно себя славою предковъ при взятіи Очакова и Измаила. Сперва обѣщаны были ему земли между Бугомъ и Днѣстромъ, но по смерти Потемкина правительство нашло болѣе удобнымъ отдать черноморцамъ въ вѣчное владѣніе земли на Кубани „за храбрые и мужественные подвиги его на морѣ и сушѣ", а тѣмъ, которые закрѣпощены были, возвратить свободу. Случилось это въ 1792 г. Событіе это, положившее конецъ блужданіямъ запорожцевъ, воспѣто было въ виршѣ, сочиненной однимъ изъ старшинъ за-

---

[1]) Костомаровъ, Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, 208—209.

[2]) Древнѣйшая пѣсня о разрушеніи Сѣчи помѣщена въ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» А. Ригельмана, составленномъ въ 1785—1786 гг. Любопытна эта пѣсня обращеніемъ къ Богдану Хмельницкому.

порожскихъ Антономъ Головатымъ. Вирша эта замѣчательна, какъ первое литературное произведеніе на языкѣ чисто народномъ, напечатанное въ томъ же 1792 г. гражданскимъ шрифтомъ, шестью годами раньше Энеиды Котляревскаго. Ради этого мы приводимъ его съ сохраненіемъ орѳографическихъ особенностей первопечатнаго текста. Озаглавлено оно такъ: „Пѣсня Черноморскаго войска, по полученіи на землю Высочайшихъ Грамотъ сочиненная“:

„Эй годѣ намъ журитися, пора перестати;
Дождалися отъ Царицѣ за службу заплати.
Дала хлибъ, сель (sic) и грамоти за вирныя службы:
Отъ теперь мы, миле братья, забудемъ вси нужды.
Въ Таманѣ жить, вирне служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, щей будемъ богати.
Да вже треба женитися и хлиба робити,
Кто прійде къ намъ изъ невирныхъ, то якъ врага бити.
Слава Богу и Царицѣ, а покой Гетману! [1])
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
Що намъ она указала на Таманъ (sic) дорогу“ [2]).

Вирша эта, много разъ записанная собирателями народныхъ пѣсенъ, и донынѣ поется въ Черноморіи.

Съ горькимъ чувствомъ негодованія и гнѣва вспоминаетъ виршевое пѣснотворчество и о другомъ историческомъ моментѣ, относящемся къ тому же царствованію Екатерины II, именно — о закрѣпощеніи крестьянъ. Въ первой четверти настоящаго вѣка въ правобережной Украинѣ записана была пѣсня виршевого склада объ этомъ событіи, но, безъ сомнѣнія, она сложена была въ концѣ прошлаго вѣка, скоро послѣ паденія Польши. Прежъ-

---

[1]) Рѣчь идетъ о Потемкинѣ, которому въ 1790 г. пожаловано было званіе «великаго гетмана» черноморскихъ войскъ.

[2]) Новыя ежемѣсячныя сочиненія, часть LXXVII. Мѣсяцъ ноябрь, 1792 года. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ, въ м. 8 д., стр. 23—24.

нія времена въ ней нѣсколько идеализированы, но вообще связь событій угадана вѣрно.

„Що настало теперъ въ свити, трудно спогадаты,
Не машъ за чимъ, а видробляй, хочъ бы умираты.
Наши диды и прадиды того не зазналы,
Чого жъ мы ся изъ батькамы теперъ дочекалы.
Нихто жъ тому такъ не выненъ, якъ паны зробылы,
Запродалы души наши, а свій край згубылы.
Панъ Потоцькій и Браницькій—тыхъ то рада стала,
Щобы Польска въ рукахъ Москвы назавше зистала.
Панъ Ржевускій и Пулавській рады додавалы,
Щобъ насъ, бидныхъ, изъ душамы назавше продалы.
Катерына тому рада, вирне прысягае,
Щобъ край взяты безъ війны отъ ныхъ зажелае.
Якъ тутъ разомъ беруть край, беруть врагы наши Ляхы,
Зачыняють, якъ собакъ, насъ, якъ у клитку птахы.
Мы жъ все бидни, несчаслыви, на те ся вродылы,
Щобъ въ неволи, якъ вилъ въ ярми, щоденне робылы.
Вы, прокляти, спогадайте, що ся зъ вамы стане,
Мы въ роботи не погынемъ, а васъ всихъ не стане“ [1]).

Вторая половина вирши изображаетъ безпомощное положеніе крестьянъ, забитыхъ панскою работой. Сколько намъ извѣстно, это первый протестующій голосъ народа противъ крѣпостнаго рабства послѣ того, какъ оно возстановлено было при Екатеринѣ II.

П. Житецкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Вирша эта находится въ сборникѣ Ходаковскаго и въ подлинникѣ, и въ переписанномъ для Максимовича экземплярѣ. Довольно отдаленный варіантъ напечатанъ у Головацкаго (т. II, стр. 375). Есть варіантъ также у Драгоманова «Нові украинські пісні про громадські справи» (стр. 40, примѣч. 5, и стр. 41 тоже въ примѣчаніяхъ).

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источникомъ настоящей статьи, кромѣ многолѣтнихъ наблюденій надъ народнымъ врачеваніемъ въ качествѣ мѣстнаго жителя, земскаго гласнаго и одно время санитарнаго попечителя м. Лукомья, послужили устные народные разсказы и сообщенія, записанныя мною въ девяностыхъ годахъ въ разныхъ мѣстахъ лубенскаго уѣзда, преимущественно въ средней и сѣверной его частяхъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія, для уясненія, освѣщенія и дополненія ихъ, сопоставлены мною съ данными русскихъ и иностранныхъ фольклорныхъ сборниковъ, какіе доходили въ глушь, съ газетными и журнальными замѣтками, описаніями полтавской губерніи, домашними лѣчебниками и медицинскими сочиненіями. Весь этотъ матеріалъ расположенъ мною въ слѣдующемъ порядкѣ. 1-я вступительная глава устанавливетъ первоначальный основной взглядъ народной медицины на болѣзнь, какъ на внѣдреніе въ больное тѣло духа, взглядъ, проведенный раньше въ статьѣ „Культурныя переживанія“ профессора Н. Ѳ. Сумцова, [1]) и на лѣкарства, какъ на способы удаленія такого духа изъ организма. Въ первую же главу входитъ и отраженіе въ народной медицинѣ религіознаго вліянія. Во 2-й главѣ изложены народныя представленія объ устройствѣ

[1]) Печатались въ „Кіевск. Старинѣ“.

и дѣятельности тѣла, уходъ за больными, ранеными и отравленными. Въ 3-й главѣ заключаются страданія органовъ чувствъ, а также болѣзни, не встрѣчающіяся ни въ одномъ медицинскомъ сочиненіи: уроки, переполохъ—на самомъ дѣлѣ частью нервныя, частью инфекціонныя заболѣванія. Естественъ поэтому переходъ къ послѣднимъ, излагаемымъ въ 4-й главѣ. Въ 5-й главѣ разсматриваются страданія растительныхъ органовъ, а въ послѣдней—болѣзни, происходящія отъ разстройства питанія и болѣзни кожи. Въ изложеніе введены народныя опредѣленія болѣзней, 38 разсказовъ о выдающихся случаяхъ заболѣваній и о пріемахъ излеченія и 120 заговоровъ, варіанты которыхъ отмѣчены лишь по новѣйшимъ, бывшимъ подъ руками, сборникамъ, часть же появляется въ печати впервые, насколько могу судить по библіографическому указателю заговоровъ Н. Ѳ. Сумцова. Главное мѣсто въ настоящей статьѣ, какъ и въ дѣйствительности, отводится тѣмъ сторонамъ народнаго врачеванія, которыя извѣстны у французовъ подъ названіемъ médecine surnaturelle, почему статья помѣщается среди культурно-историческихъ и фольклорныхъ изслѣдованій, а не медицинскихъ.

Глава 1-я.

Языческое и христіанское вліяніе на народное врачеваніе.

Основная точка зрѣнія народной медицины на болѣзнь, какъ на внѣдреніе злого духа въ организмъ больного. Лѣченіе—удаленіе его изъ организма испугомъ и возбужденіемъ отвращенія противными духу веществами и травами. Сборъ травъ въ лубенскомъ уѣздѣ. Заточеніе духа; передача его неодушевленнымъ предметамъ. Передача духа другому организму: растенію, животному, человѣку. Передача икоты. Выманиваніе духа угощеніемъ; удаленіе его силой слова. Заговоры. Измѣненіе заговора вліяніемъ христіанства. Помощь святыхъ; освященная вода. Несоблюденіе праздниковъ—причина болѣзней.

На раннихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ, а частью и при дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи, болѣзни при-

знаются произведеніемъ особаго злого существа, духа, вошедшаго въ организмъ больного [1]). Многочисленные примѣры и данныя изъ области всемірнаго фольклора подтверждаютъ это положеніе; такъ, новозеландцы вѣрятъ, что особыя божества посылаютъ боли въ лобъ, грудь, желудокъ, ноги; а конды и племя орангъ-лаутъ ограждаются отъ демоновъ осны рвами, терномъ и хворостомъ. [2]) Присутствіемъ духа внутри больного объясняются также непроизвольныя движенія: икота, зѣваніе, чиханіе, движенія при падучей болѣзни и при истерикахъ. Якуты, напримѣръ, при икотѣ думаютъ, что въ тѣлѣ больного сидитъ чортъ. Арабы смотрятъ на людей въ горячечномъ бреду, а Калмыки на эпилептиковъ—какъ на одержимыхъ бѣсомъ. [3]) Древніе египтяне вѣрили, что сумасшедшіе одержимы демонами. У древнихъ индійцевъ болѣзни производились духами ракхасами (Rackahasas). По мнѣнію буддистовъ, дѣтскія болѣзни происходятъ преимущественно отъ демоновъ. [4]) Въ Ассиріи были особые духи чумы—намтаръ и лихорадки—идпа. [5]) Въ санскритскомъ языкѣ лихорадку называли tripad—триногій и tričiras—трехглавый. У древнихъ грековъ одно и то же слово означало и лихорадку и демона. [6]) Въ Бирманіи и теперь вѣрятъ въ особыхъ демоновъ лихорадки и апоплексіи. [7]) И новымъ цивилизованнымъ народамъ не чужды подобныя же воззрѣнія на болѣзни. Напримѣръ, валлоны, давая больному икотой девять глотковъ воды, какъ и у насъ, держатъ при этомъ остріе ножа противъ рта, очевидно съ цѣлью устрашить или поразить производящій икоту духъ. Они же

---

[1]) Ю. Липпертъ. Исторія культуры, 351. Ковнеръ. Исторія медицины. (Кіев. Универ. Извѣстія. 1878 г., II, 4).

[2]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. переживанія (Кіевск. Стар., 1889 г. XI, 303). Тэйлоръ. Первоб. культура. I, 191.

[3]) Спенсеръ. Основ. соціологіи 1876 г. I, 249.

[4]) Ковнеръ. 67, 73, 79, 145.

[5]) В. Миллеръ. Ассир. заклинанія. (Русск. Мысль, 1896 г. VII, 69).

[6]) Сумцовъ. Культ. Перež. (Кіев. Стар. 1889 г. 308).

[7]) Ш. Летурно. Соціолог., основ. на этнографіи. II, 202.

обращаются къ ячменцу и вереду, какъ къ существамъ живымъ, съ такими привѣтствіями: bon djoû oryen! Vazzé komt'a vnou! Bon djoû, klo! A rwér, klo! [1]) А фламандскія выраженія: iemand den duivel geven (дать кому-нибудь чорта), de duivel zit ins hem (дьяволъ въ немъ), z'heeft den duivel in haar lijf (у него дьяволъ въ тѣлѣ) свидѣтельствуютъ о такихъ же вѣрованіяхъ фламандцевъ. [2]) Славяне вообще и малороссіяне въ частности раздѣляютъ изложенный взглядъ на болѣзни, какъ на произведеніе злого духа. [3]) Въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, вѣрятъ, что колдунъ можетъ послать злого духа внутрь больного. [4]) Такое же убѣжденіе заключается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ процесса о колдовствѣ, приводимыхъ профессоромъ В. Б. Антоновичемъ [5]): „Piotrowa cechmistrzowa naslala czarta na Kosćia wewnątrz". По малорусскимъ понятіямъ чортъ можетъ войти въ человѣка, почему опасно открывать ротъ во время грозы, и малороссіянинъ, входя въ воду, проситъ: „чортокъ, чортокъ! не ламай кистокъ, ты зъ воды, а я въ воду" [6]). Чортъ вводитъ также болѣзнь въ организмъ, подвѣвая людей вихремъ [7]). Въ Екатеринославской губерніи нѣкоторыя болѣзни представляются крестьянину злыми существами, преслѣдующими людей [8]). Въ Полтавской же губерніи, по свидѣтельству Арендаренка [9]), вопль больной, которой заговариваютъ соляшницу, считается удаленіемъ нечистой силы. Съ излагаемой точки зрѣнія интересно слѣдующее объясненіе случая пареза,

[1]) Eugène Monseur. Le Folklore wallon. Bruxelles. Charles Rozez p. 22, 26, 27.

[2]) Js. Teirlinck. Le Folklore flamand. Bruxelles. Charles Rozez. p. 95.

[3]) Сумцовъ. Культ. пережив. Кіевск. Стар. 1889, XI, 303.

[4]) Е. Романовъ. Бѣлор. сб., V, 3.

[5]) Чубинскій. Труды этногр. эксп. т. I, вып. II, 362.

[6]) Иващенко. Зап. Ю. Зап. Отдѣла Геогр. Общ. 1874 г., II, 83, 84. Чуб. Труды. I, в. I, 21.

[7]) Ibid. и въ моихъ «Нар. обряды и пѣсни Лубен. у.» 14.

[8]) Днѣпр. Молва 1899 г., № 5, 150.

[9]) Записки о Полт. губ. II, 229.

бывшаго съ однимъ крестьяниномъ сел. Литвяковъ, Лубенскаго у., насиліемъ демона. „Якымъ Бондай и диты его полягалы спать, колы пидъ напильне викно шось пидійшло таке у шерсты та свыстыть, танцюе и гра, ажъ пилъ ходоромъ. Якымъ уставъ, думае: шо воно таке? Хоче винъ иты на двиръ, колы очи йому заступыло, не выдно куды двери; пидійшовъ до верха тай лапа и шука рукамы дверей. Та не найшовъ дверей тай черкае: „шо воно за чортъ тамъ?“ Його хватыло за рукы тай кынуло объ землю та взяло та руку йому одибрало по ликоть. Увійшовъ сусида, унисъ його въ хату. Уставъ Якымъ, не можна йому ни йисты, ничого. Розсказувавъ, шо таке шось высоке рукы розпыняло уверху и його хватыло, такъ и обняло. Винъ думавъ, шо кожухъ. Воно й пичъ подряпало, мовъ ножемъ порыло. Воно, якъ сусиды на двиръ выйдуть, то гра у хати, а тимъ сусидамъ зъ-надвору выдно, якъ воно гра. У тій хати страшно, страшно, и Богы попадалы подряпани[1]).

Если, такимъ образомъ, болѣзнь по общенародному убѣжденію есть слѣдствіе внѣдрившагося въ организмъ духа, то и лѣченіе, естественно, должно состоять въ удаленіи этого духа оттуда такими или иными способами, средствами и пріемами. Способы изгнанія духа, принятые народной медициной, могутъ быть сгруппированы въ слѣдующіе отдѣлы.

1) Устрашеніе духа, для чего, напримѣръ на Суматрѣ, сумасшедшаго запираютъ въ избу, которую зажигаютъ, вѣря, что испуганный духъ оставитъ больного, а въ Калифорніи пугаютъ духъ жестами, гримасами, лаютъ на больного[2]). У да-

---

[1]) Отъ Прасковьи Журавлевой, 12 лѣтъ.

Требованія, предъявляемыя народомъ къ лѣкарствамъ, доказываютъ также, что причиной болѣзней считаются духи. Наблюдатели утверждаютъ: «простые люди думаютъ, что все, называющееся лѣкарствомъ, имѣетъ нѣкоторую сверхъестественную силу, нѣкоторое тайное вліяніе; они думаютъ, что какъ скоро больной довольно напитался лѣкарствами, то тотчасъ долженъ быть здоровымъ». (Енгалычевъ. Домашній лѣчебникъ. Спб. 1848, I, 167).

[2]) Спенсеръ. Основ. Соціол. 258.

китовъ въ Америкѣ врачъ трещитъ въ трещотку, стрѣляетъ изъ ружья; патагонцы барабанятъ—съ цѣлью изгнать духа [1]). Киргизскій шаманъ садится противъ больного, играетъ на балалайкѣ, кричитъ, бьетъ больного плетью, кусаетъ, плюетъ, машетъ ножемъ, чтобы испугать духа [2]).

2) Кромѣ устрашенія, старались еще поселить въ духѣ такое отвращеніе, чтобы онъ оставилъ тѣло больного вмѣстѣ съ рвотой. Такимъ основаніемъ Спенсеръ объясняетъ происхожденіе подкуриваній больного, [3]) для чего, напримѣръ въ Лубенскомъ уѣздѣ, служатъ: блекота (Hyosciamus niger. L.), порхавка (Lycoperdon bovista. L.), овечій калъ и другія вещества, производящія ѣдкій дымъ. Употребленіе кала вообще, засыпаніе имъ бѣльма, купаніе дѣтей въ голубиномъ калѣ отъ сухотъ, обкладываніе коровьимъ отъ ревматизма и свинымъ при боли горла, вѣроятно на первыхъ порахъ также имѣло цѣлью возбудить отвращеніе въ духѣ. Быть можетъ, первоначальное цѣлебное дѣйствіе всѣхъ лѣкарствъ истолковывалось въ томъ смыслѣ, что они непріятны, отвратительны духу, подобно тому, какъ полынь противна русалкамъ, а осина и макъ—вѣдьмамъ и упырямъ. Такъ, извѣстное врачебное растеніе звѣробой (hypericum perforatum. L., франц. millepertuis) носитъ у фламанцевъ характерное названіе: jaat—den duivel—изгоняющій дьявола [4]). Въ Индіи больному давались растенія, враждебныя злымъ демонамъ [5]). Самый сборъ травъ производится даже и въ настоящее время съ извѣстными таинственными пріемами, безъ сомнѣнія обломками обряда, и притомъ въ извѣстные только дни: на Симона Зилота, 10-го мая, съ врачебною цѣлью, на Ивана Купала, съ цѣлью околдовать, и 9-го мая—для противодѣйствія вреду отъ чаръ [6]).

---

[1]) Тэйлоръ. Первоб. культура, 191—194.

[2]) Православный Благовѣстникъ, миссіонер. журналъ. 1893 г., II, 9.

[3]) Основ. Соціол., 258.

[4]) Teirlinck. Le flor. flam., 109.

[5]) Ковнеръ. Ист. мед. (Кіев. Универ. Извѣстія 1878 г. III, 67.)

[6]) Основа 1861 г. 11, 206.

Въ Херсонской губ. лучшимъ временемъ сбора травъ признается 10 мая [1]). Въ лубенскомъ у., кромѣ этихъ сроковъ, рвутъ еще травы и на преполовеніе (праву середу). Женщины отправляются собирать зелье натощакъ, обществомъ изъ 5—6 душъ. Начиная собирать, въ с. Хорошкахъ кидаютъ въ траву копѣйку. Зилья крестятъ, затѣмъ срываютъ, приговаривая: „святый Оврамъ, на се зиля оравъ, Матеръ Божа ходыла, своимы слёзамы росыла и Бога прохала и намъ помогала". (М. Снѣтинъ). „Святый Оврамъ на се зилля оравъ, Маты Божа воду носыла и Бога просыла, Пречыста полывала и Бога благала, одъ всякои болисти помагала" (д. Солоница). Или такъ: „Пречыста полывала, намъ на помичъ давала" (с. Хорошки). „Маты Божа ходыла, полывала и намъ позволяла, шобъ мы рвалы и людей спасалы" (с. Литвяки). „Матеръ Божа на престоли стояла, намъ на помичъ давала, шобъ мы се зилля рвалы и всимъ людямъ помагалы" (Литвяки). „Свята Пречыста обидать носыла и Бога просыла: дай Боже одъ свого зилля помичъ" (хут. Сабадашевъ, Яблоновской волости, отъ Мазняковой). „Матеръ Божа сіяла и дощу просыла: уроды Боже се зилля людямъ на помичъ" (м. Лукомье). Собирая травы съ врачебною цѣлью на Ивана Крестителя, поминаютъ его вмѣсто св. Аврама: „святый Иванъ на се зилля оравъ, а мени Богъ показавъ, шобъ мени Господь помичъ дававъ" (м. Лукомье). Обращаются и къ самому зиллю съ такимъ воззваніемъ: „Зилье мое, зилье! я тебе буду рвать, я тебе буду полоскать, царь-зиллямъ называть, а ты мени будешъ помагать. Царь-зилля нарвала и пополоскала. И пополощу и горилку намочу. А ты, горы-цвитъ, цвитешъ хороше и жовто и навхрестъ и мени здасысь" (м. Снѣтинъ, отъ Домахи Тимченковой). Нарвавъ травъ, женщины моютъ ихъ въ рѣкѣ, сговариваясь „пополощемъ ище й горилкою, прыльемо, шобъ пользовыте було"; затѣмъ складываются по осьминѣ и пьютъ здѣсь же на пригоркѣ, на лѣсной опушкѣ, приплясывая, или идутъ въ кормчу и тамъ распиваютъ водку, приговаривая: „дай Боже

[1]) Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. 1893 г., 16.

шобъ се зилля попользувало хороше усякому чоловику". Часть травъ сушатъ потомъ на солнцѣ, на крышахъ построекъ, тѣ же, которыя чернѣютъ отъ солнца, какъ дивина (verbascum thapsus. L.), затыкаютъ за сволока и бантины въ хатахъ или сушатъ на печи.

3) Духъ болѣзни подвергали также заточенію. Такъ, для избавленія отъ переполоха, волосы и ногти больного, вмѣстѣ съ ниткой, которою послѣдній измѣренъ, забиваютъ или замазываютъ въ двери, а больной лихорадкой сбрасываетъ во время приступа болѣзни рубашку и кладетъ ее подъ камень [1]). Лихорадку топятъ еще вмѣстѣ съ рубашкой въ рѣкѣ и кладутъ съ могильной землей на могилу.

4) Особый пріемъ народной медицины заключается въ передачѣ духа, овладѣвшаго больнымъ, какому нибудь организму: растенію, животному или человѣку. Напримѣръ, въ Россіи больной носитъ хлѣбныя зерна въ рукавицѣ, надѣтой на руку, вовремя приступа лихорадки; потомъ сѣетъ, а когда зерна эти взойдутъ, долженъ ихъ раздавить [2]). Въ Бельгіи такимъ образомъ передаютъ зубную боль: гвоздемъ касаются зуба, и больной забиваетъ гвоздь въ дерево. По мѣрѣ углубленія гвоздя должна проходить и боль [3]). И нѣмцы обходятъ дерево трижды съ цѣлью передать ему болѣзнь. [4]) Въ мочѣ больного лихорадкой варятъ три куриныхъ яйца и относятъ съ горшкомъ въ муравейникъ. Лихорадка должна пройти, когда муравьи съѣдятъ яйца[5]). Въ Индіи перемежающаяся лихорадка посредствомъ магіи перегонялась въ лягушку [6]). У дикихъ врачъ беретъ немного крови у больного и вливаетъ въ ротъ лягушкѣ [7]). Въ Орловской губ. изъ больного ребенка пускаютъ кровь на кусокъ хлѣба, который отдаютъ собакѣ [8]).

---

[1]) Чубинск. Тр. Экспед. т. I, в. I, 118.
[2]) Даль Повѣрья и предр. рус. народа. С.-Петерб. 1880 г., 79.
[3]) Monseur. Le flore. wal. p. 24.
[4]) Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Ст. 1889 г. XI, 302.
[5]) Даль. Пов. рус. нар. 79.
[6]) Ковнеръ. Кіев. унив. Изв. 1878 г., II, 66.
[7]) Тэйлоръ. Первоб. культ., 211.
[8]) Рус. Мысль 1896 г., VI, 155.

Въ Лубенскомъ у., скупавъ больное сухоткой дитя въ купели, въ той же купели вслѣдъ за нимъ купаютъ курицу, кошку или щенка. Животное должно погибнуть, а дитя выздоровѣть [1]). Дотронувшись до ячменца ячменнымъ зерномъ, отдаютъ послѣднее съѣсть курицѣ. [2]) У нѣмцевъ больнымъ отрѣзываютъ часть волосъ и ногтей и кладутъ на перекресткѣ. Кто подыметъ ихъ, на того должна перейти болѣзнь [3]). Также и по русскимъ народнымъ повѣріямъ, отъ нѣкоторыхъ болѣзней можно избавить больного, обтерши его тряпкой или полотенцемъ и бросивъ эти вещи на дорогѣ. Болѣзнь переходитъ къ поднявшему брошенную вещь [4]) Въ Лубенскомъ уѣздѣ дѣтскую болѣзнь, крикливицы, отсылаютъ на вечерницы и гульбища или передаютъ другимъ дѣтямъ [5]). Здѣсь же страдающій икотой, отпивая по 9 глотковъ воды съ четырехъ сторонъ стакана или кружки, приговариваетъ: „хыкавко, хыкавко! иды до воды, кого схочъ того й напады“, или „хыкавко, хыкавко! иды на мостокъ та напады Ивановыхъ невистокъ“ (с. Литвяки); „хыкалко, хыкалко! пиды на мистокъ та напады де багато невистокъ“ (с. Хитцы); „хыкалко, хыкалко! пиды на дошку та напады дивку Явдошку“ (с. Волчекъ); „хыкавко, хыкавко! иды на кладку та напады Дзюбыну Гапку“ (м. Снѣтинъ); „гыкавко, гыкавко! стань на кладку та напады Кайдыну Гапку“ [6]).

5) Народной медицинѣ извѣстны не одни только суровыя средства обращенія съ духомъ болѣзни. Напротивъ, повсемѣстно стараются выманить его изъ больного угощеніемъ и могорычемъ. Грузинамъ, напримѣръ, оспа представляется въ видѣ общества

---

[1]) Мои Нар. обр. и пѣсни Лубенс. у.. 32.

[2]) Даль. Повѣр. 84.

[3]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1889, XI, 302.

[4]) А. Баловъ. Фельдшеръ. 1898 г., № 18, 472.

[5]) Мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у. 34.

[6]) Къ икотѣ обращаются и другимъ образомъ: Хыкавко, хыкавко! де ты була?—На кладкахъ (или у Кіеви)—Шо йила?—Кобылятыну (кобылячу голову)—А де дила?—Покынула.—Покынь же й мене (с. Хитцы).

духовъ, для угощенія которыхъ возлѣ больного ставятъ фрукты и молоко; также играютъ и поютъ возлѣ него[1]). Въ Великороссіи больныхъ лихорадкой осыпаютъ ячной крупой, приговаривая: вотъ и тебѣ, кумаха![2]) а въ Малороссіи больной несетъ 77 зеренъ проса и мелкоизрубленное яйцо въ воду лихорадкѣ[3]). Въ мѣстной народной медицинѣ, какъ увидитъ ниже читатель, вообще преобладаетъ стремленіе откупиться отъ этой болѣзни угощеніемъ.

6) Важнѣйшій способъ народной медицины—удаленіе духа изъ больного организма силой слова, одинаково извѣстный какъ дикарямъ, такъ древнимъ и новымъ цивилизованнымъ народамъ. Колдуны племени баронга, живущаго вокругъ залива Делагоа, стараясь подчинить себѣ духъ, овладѣвшій больнымъ, поютъ этому духу, льстятъ, умоляютъ: просыпайся! иди развлекись на полянахъ, тамъ свѣтло, птица играетъ. Иди и ты, духъ, поиграй[4]). Древніе египтяне укрощали сумасшедшихъ, одержимыхъ демонами, формулами; даже вывихи лѣчили заклинаніями. То же въ Индіи[5]). Въ Ассиріи найдено много амулетовъ и плитокъ съ заклинаніями, между которыми попадаются выраженія: гилка, гилка, беша, беша, перешедшими въ средневѣковую магію черезъ римскую имперію[6]). Въ этихъ заклинаніяхъ пребываніемъ духовъ, наславшихъ болѣзнь, признаются горы, моря, пустыни и болота. Произносились они шопотомъ: снимитись, уйдите, бѣгите далеко изъ моего тѣла. Состояли изъ угрозъ и молитвъ[7]). Заговоръ

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1868 г. XI, 564.

[2]) Сахаровъ. Сказанія рус. народа. С.-Петербургъ 1885 г., 32.

[3]) Чубинскій. Тр. экспед. т. I, вып. I, 11.

[4]) H. A. Junod. Les chants et les contes des Ba-ronga. Lausanne 1897, 51, 52.

[5]) Ковнеръ, Ист. Мед. (въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ II, 14 и III, 67).

[6]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г. XII, 188.

[7]) Вс. Миллеръ. Ассир. заклин. Рус. Мысль 1896 г., VII, 69, 73.

Въ записанныхъ мною приводимыхъ ниже заговорахъ встрѣчаются тѣ же мотивы: «идить соби за огнямы, за дымами на болота, очерета, на дыки степа, де пивень не спивае, козакъ коня не сидлае, дивка русою косою не мае; де сонце не гріе, витеръ не віе»,—предлагаютъ духамъ болѣзни.

(заклинаніе) вообще, по разъясненію покойнаго профессора Потебни, принятому и новѣйшимъ изслѣдователемъ Ѳ. Ю. Зелинскимъ, есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвесть это послѣднее. Принудительностью, основанной на вѣрѣ въ силу слова, и желаніемъ, подлежащимъ исполненію, заговоръ отличается отъ молитвъ, вошедшихъ въ него, какъ позднѣйшее наслоеніе, а наличностью сравненія—отъ пожеланій, клятвъ, ругательствъ. Въ заговорахъ заключается обыкновенно пять формулъ: обращеніе, введеніе, два члена сравненія и закрѣпленіе [1]). Для усиленія дѣйствія заговоръ произносится многократно, шопотомъ, изъ желанія сохранить профессіональную тайну шепчущаго и боязни потерять потомъ способность лѣчить имъ [2]).

---

[1]) Въ записанныхъ мною заговорахъ, кромѣ обращенія къ болѣзни: урокы, урочыща! болюхъ, болюшыще, бешыха, бешышныкъ, бешышыще! болячка, зализнячка,—заключается еще краткая характеристика болѣзни и причинъ возникновенія послѣдней. Напримѣръ: переполохы выхрови, блыскови, громови, урокы насміяни, наспивани, жыдивськи, цыганськи,—почему полезнѣе излагать заговоры вмѣстѣ съ болѣзнями, а не отдѣльно отъ нихъ. Сравненія въ мѣстныхъ заговорахъ также встрѣчаются часто, особенно въ заговорахъ отъ зубной боли. Напримѣръ: «якъ у мертвыхъ (или мисяця) зубы не болять, такъ шобъ у мене не болилы». Закрѣпляются мѣстные заговоры однимъ словомъ: аминь, тогда какъ въ великорусскихъ заговорахъ такъ: слово мое крѣпко, быть по моему или аминь. (Даль. О повѣр. 33).

[2]) О заговорахъ. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ., X, 4, 13, 37, 45, 47, 54.

Обнаруживший заговоръ гласно лишается способности заговаривать (Ibid., 35).—Покойный Скальковскій въ «Порубежникахъ» (вып. 1. Одесса 1849 г., 99—101), описывая приготовленіе купели для больной знахаркой, которая положила въ купель топоръ, лемишъ и чересло и мѣшала травы заступомъ, приводитъ и заговоры этой знахарки заключающіе въ себѣ характеристику болѣзни и обращеніе къ послѣдней, похожія на мѣстныя: «чы ты чоловичый, чы ты жыночый, чы ты парубочый, чы ты дивчачый?» и далѣе: «тутъ тоби не стояты, тутъ тоби не буяты, жовтои кости не ломыты, червонои крови не палыты», и между прочимъ заключаетъ, что знахарка согласилась

Съ теченіемъ времени сила слова сама по себѣ признается уже недостаточной для дѣйствительности заговоровъ, и въ нихъ входитъ, какъ выше замѣчено, христіанское наслоеніе. Шептуха подкрѣпляетъ свои шептанія именемъ Божьимъ, Спасителя, Божіей Матери, святыхъ: Николая, Юрія, Варвары въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: не я тебе (болѣзнь) выклыкаю, выклыкае, вышиптуе Божая Маты". „Святіи отци и праотци, велыкомученыкы, преподобныкы, велыки чудотворци, станьте мени въ помочи". Въ Лубенскомъ уѣздѣ есть мѣстныя святыни: чудотворные образа, мощи, криницы, къ которымъ прибѣгаютъ вѣрующіе и получаютъ исцѣленіе, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Мыхайло Ананко лазывъ на колиняхъ и локтяхъ. Полизъ винъ рачкы у Высачкы [1]). Тамъ освятылы воду и одслужылы молебень зъ акафыстомъ Божій Матери. Выздоровивъ винъ, прыйшовъ уже ногамы. (М. Снѣтинъ, отъ Елены Задоиной).

2.

Я праву руку не могла пиднять, такъ я ссукала свичу зъ воску, одслужылы молебень зъ акафыстомъ у Высачкахъ; надилы мени на руку прывиску и стежку одъ прывискы. Рука перестала болить.

3.

Внука моя Марія усе болiе тай болiе. Я пишла, одробыла воску и повела iи у манастырь до св. Афанасія, и положылы

продиктовать заговоры только благодаря близкимъ отношеніямъ къ сестрѣ автора. То же наблюдается и теперь, развѣ какая нибудь счастливая случайность: близкое знакомство, оказанная услуга, умѣстный совѣтъ и т. п. развязываетъ уста шептухи, но при этомъ послѣднія опускаютъ или измѣняютъ слова, такъ что заговоры доходятъ до насъ далеко не всѣ, притомъ въ неполномъ объемѣ.

[1]) Въ с. Исачкахъ, въ церкви есть чудотворный образъ Исачковской Божьей Матери, о которомъ я писалъ въ «Снѣтинской Старинѣ» Кіевъ 1898 г., стр. 9.

тамъ воску пивъ-фунта. Вона мовъ побадёрила трошкы, а не зовсимъ здорова. Я заробыла пятьдесятъ коп. грошей, кажу: ходимъ, дочко, ще й у Высачкы. Наняла акафыстъ и молебень и батюшка трычи покропывъ святою водою. И теперъ дивчынка хорошенька. (С. Литвяки, отъ Евдокіи Павлыковой (Мажоркы).

4.

Якъ мій хлопець бувъ больный, то возылы до св. Афанасія. Молебень заказувалы, кубукъ надивалы на голову — одужавъ. (С. Литвяки).

5.

Свята Параскева мылуе всякого, и слипого, и крывого, и болящого. Чоловикъ у Вильшанци—Шутивъ Гараськивъ Дмытро— не бачывъ. Пообрикавсь винъ до крыныци, стоявъ на колиняхъ до пивдня, молывся Богу; прыйшовъ до дому и ставъ выдить. Наймавъ молебень [1]). (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

—

Кромѣ помощи святыхъ, религіозное вліяніе выразилось еще въ народной медицинѣ употребленіемъ различныхъ ритуальныхъ и освященныхъ вещей: ладана, смирны, воску, хлѣба, пшеницы, особенно воды: „іорданськои, стритеннои, юрськои (грегорськои), макіевськои". Для лучшаго дѣйствія каждую такую воду слѣдуетъ набирать трижды изъ рѣки или источника, а по отношенію къ „стритенній" водѣ существуетъ особый пріемъ. Одно лицо должно принести воду съ рѣки и передать другому на воротахъ или форткѣ. Этотъ другой передаетъ воду третьему на синешномъ порогѣ; третье лицо передаетъ въ свою очередь четвертому на хатнемъ порогѣ. Послѣдній ставитъ воду на столъ. Разныя воды примѣняются въ различныхъ страданіяхъ: „стритенна вода дуже пользуе одъ урокивъ, колюшкы, простуды. Вечирня—одъ переполоху и жывота, грегорська—одъ очей, якъ болять". Спасительно

[1]) Образъ святой Параскевы находится въ часовнѣ надъ криницей вослѣ с. Енковецъ, гдѣ собирается знаменитая Криницкая ярмарка; мощи же св. Афанасія, патріарха константинопольскаго—въ Лубенскомъ Мгарскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ.

также дѣйствуетъ смѣсь всѣхъ водъ. По мѣстнымъ народнымъ вѣрованіямъ, наиболѣе цѣлительна вода особыхъ священныхъ криницъ, открывающихся только въ срединномъ лѣсномъ участкѣ Лубенскаго уѣзда, вблизи селъ: Енковецъ, Калайдинецъ и Хелепцовъ. Надъ этими криницами устроены часовни; къ нимъ стекаются больные изъ окрестныхъ уѣздовъ. Религіозное вліяніе отразилось на народной медицинѣ еще съ другой стороны: установленіемъ особой причины болѣзней—несоблюденія праздничныхъ дней. По разъясненію А. Н. Веселовскаго, воскресный культъ введенъ въ восточной римской имперіи эдиктомъ Константина Великаго 321 года, запрещавшимъ между прочимъ работы, судъ и торговлю по воскресеньямъ. Съ развитіемъ этого запрета, шло и нарастаніе суевѣрій: несоблюдающую праздникъ женщину поражаетъ ударъ, у нея переламывается нога или бедро, рождается дитя съ собачьей головой. Съ теченіемъ времени вся строгость обихода еврейской субботы перенесена на воскресенье. Въ XIII ст. секта бичующихся ввела празднованіе пятницы, а въ Россіи появилось еще и празднованіе среды [1]). Широкое распространеніе подобныхъ вѣрованій въ Лубенскомъ у. видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ въ разныхъ его мѣстахъ [2]).

1.

У Пятыгорцяхъ ище за господськыхъ правылъ барыня загадала прыкащыку, шобъ завтра выходылы конопель брать. Жинкы сказалы: „завтра празныкъ Мыхайлово чудо“ [3]). Вона выйшла утромъ сама и сказала: „выходьте и я зъ вамы иду“. Нихто не бравъ конопель, вона сама набрала конопель дви горстки и поставыла йихъ одно до одніи, а третю набрала та надила на голову, каже: дывицця, жинкы, чы дуже чудно? И вдарыла въ

[1]) Опытъ по истор. разв. христ. легенды. II. Эпистолія о недѣлѣ. Жур. Мин. Нар. Просв. № III., 1876 г., 61—63, 67, 69, 79, 81, 88, 115.

[2]) См. также мои: Нар. обр. и пѣсни Луб. у., 12, 13.

[3]) 6-го сентября.

долони и засміялась и бижыть незна куды. Киньмы догналы, молебствовалы, тоди пройшло.

2.

На Мыхайлово чудо йиде чоловикъ сіять жыта, а чоловикы кажуть: „куды ты йидешъ?—празныкъ“. А винъ каже: „тоди буде празныкъ, якъ посію“. Узявъ до вечора посіявъ жыто и заволочывъ. Тоди ставъ борону класты на визъ, та замисть того—на голову, та давай бигать съ тіею бороною. Люды піймалы, началы молебствовать—пройшло.

3.

На Мыхайлово чудо жинка пишла прать; такъ якъ заболилы у неи рукы и ногы, такъ вона два годы болила и одна рука больна була, покы вона й умерла.

4.

Биля Лукомья чоловикъ на Антонія кыдавъ стогъ и довершывъ стога, а верхови выла пустывъ до долу. И воны сталы коло стога, а винъ давай съ стога спускаться та настромывся на выла и черезъ тры дни скинчавсь.

5.

На Антонія жинка полола грядку и стала у неи нога болить, чесаться, сынить до колина. Укынувсь антонивъ огонь. Одвезлы въ Оржыцю, и докторъ одризавъ ногу.

6.

Чоловикъ на Ефымія рубавъ деревыну и впала та деревына и перебыла ногу, и зробывсь калика.

7.

Чоловикъ спразнывъ на Якыма и Ганны, ставъ молотыть; хлопчыкъ пидбигъ, умотавсь у машыну; його потрощыло, на четвертый день поховалы.

8.

Чоловикъ мій на другый день Стритенія пошывъ жыдови головкы. Дивчынка — чотыри годы було — перестала балакать,

тилько икае. Пишла я до церквы, наняла св. Симеону Богопріемцю и Анни пророчыци молебень, прынеслы и свичу у весь ростъ дивчыны, за ти сами гроши, шо за чоботы, нанялы молебень. Икала дивчына до жнывъ. Возылы до крыныци до св. Параскевы и тамъ наймалы молебень—не помоглось. Водылы въ Исачкы и тамъ служылы молебень Матери Божій и св. Параскеви и тымъ двомъ святымъ. Тоди якъ молебень служылы, надивалы обручъ на голову—та ажъ тоди помоглось. (С. Тишковъ, отъ Маріи Кырыленковой).

9.

Жинци зъ Волчка застряла въ груды голка, шо вона у празныкъ шыла; друга жинка ризала локшыну у недилю, перекрывыло ій ротъ, тай умерла. На Памя[1]) жинка цыбулю выбирала зъ грядкы и запорошыла око и съ тымъ ослипла.

10.

Я сама проты пятныци якъ помыкала мычокъ довго до пизна, и мени крутыло рукы, покы не зареклась, шо не буду мыкать мычокъ. (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

11.

До Вшестя[2]) нельзя золыть у четверъ, буде кровъ текты зъ жлукта,—сама бачыла.

Одна жинка одзолыла въ четверъ. Опизныгася, не попрала. Йій прыснывся сонъ: на вищо ты прыступаешъ: чы лучче тоби двое дитей годувать, чы свита не бачыть? Вона каже: лучче я буду дитей годувать. Такъ йій у ту грудь и у ту грудь гадюкы повпыналыся, не можна одирвать, одвезлы у Кіивъ[3]). (Х. Сабадашевъ, отъ Мазняковой).

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Св. Пантелеймона, 8 іюля.

[2]) Входъ Господень въ Іерусалимъ.

[3]) Въ Лубенскомъ у. записанъ былъ мною народный разсказъ о подобной же карѣ, постигшей женщину за золеніе «на праву середу». Оторвать змѣй могла лишь дѣвица, которая всю жизнь «понедилкувала»—постилась по понедѣльникамъ.

Донесеніе венеціанца Альберто Вимина о козакахъ и Б. Хмельницкомъ (1656 г.).

Въ дипломатической перепискѣ первой половины XVII в. сохранилось немало указаній на широкіе планы антитурецкой коалиціи, которыми задавался польскій король Владиславъ IV. Какъ извѣстно, въ разсчеты этого короля-неудачника входило привлечь къ борьбѣ и козачество, издавна привычное къ войнѣ съ мусульманскимъ міромъ и оказавшее въ свое время огромныя услуги рѣчи посполитой въ этомъ отношеніи. Интересы короля, козачества и правящей польской шляхты настолько расходились въ этомъ случаѣ, что всѣ проекты общаго натиска на Турцію и вассальный ей Крымъ не только окончились при Владиславѣ IV фатальной неудачей, но даже послужили однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возстанію козаковъ при Хмельницкомъ: [1]) обстоятельства заставили гетмана въ борьбѣ своей съ шляхетской олигархіей искать опоры именно въ Крыму и въ Стамбулѣ.

---

[1]) См. монографію Виктора Чермака Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895. Задача этого обширнаго и скрупулезнаго изслѣдованія — показать, что Владиславъ IV и Юрій Оссолинскій, въ преслѣдованіи династическихъ цѣлей, сдѣлались невольнымъ орудіемъ замысловъ Хмельницкаго, но не были прямыми подстрекателями козацкаго бунта. Однако взглядъ болѣе рѣзкій, высказанный г. Л. Кубалей въ его біографіи Ю. Оссолинскаго, не вполнѣ опровергнутъ г. Чермакомъ.

Планы Владислава IV и канцлера Юрія Оссолинскаго возникли и развивались, вплоть до печальнаго исхода, въ значительной мѣрѣ благодаря войнѣ за Кандію, которая началась между Турціей и Венеціей въ 1645 г. Венеціанская республика, въ XVII в. клонившаяся къ полному упадку, ближайшимъ образомъ была заинтересована въ томъ, чтобы Польша именно съ помощью козачества сдѣлала диверсію противъ Турціи на Черномъ морѣ и тѣмъ ослабила натискъ османлисовъ на Кандію. Въ документахъ эпохи Хмельницкаго есть рядъ указаній на усилія венеціанцевъ въ этомъ направленіи, на тайные переговоры, которые велись королемъ съ козаками по этому поводу, наконецъ, на прямую уплату козакамъ небольшой суммы изъ ничтожной венеціанской субсидіи для постройки чаекъ. Однако, извѣстій о непосредственныхъ сношеніяхъ Венеціи съ козаками при Владиславѣ IV не сохранилось.

Послѣ зборовскаго мира нѣкоторые польскіе политики, какъ напр. Адамъ Кисель и Юрій Оссолинскій, полагали, что для спасенія рѣчи посполитой необходима внѣшняя война и прежде всего, конечно, съ Турціей. Венеціанскій посолъ Контарини, смѣнившій Тьеполо, давалъ широкія обѣщанія, болгары готовились къ возстанію, посолъ ихъ Петръ Парцевичъ сулилъ Польшѣ золотыя горы. Изъ Варшавы Парцевича отправили въ Вѣну и Венецію. Оссолинскій прямо предложилъ венеціанскому сенату снарядить полномочныхъ пословъ въ Варшаву и къ Хмельницкому, все по поводу диверсіи на Черномъ морѣ. Дѣйствительно, въ Варшаву отправленъ въ 1650 г. Джироламо Кавацца, а къ Хмельницкому Альберто Вимина. По словамъ современнаго донесенія, Хмельницкій принялъ посла очень любезно, изъявилъ готовность выступить противъ Турціи, лишь только получитъ деньги на это, и даже обѣщалъ привлечь на свою сторону крымскаго хана въ интересахъ Венеціи [1]). По другому извѣстію, Хмельницкій сперва отговаривался, что не можетъ выступить въ морской походъ безъ согласія кор. Яна Казимира

[1]) См. L. Kubala, Jerzy Ossoliński, t. II (Lwów, 1883), 331 и 406.

и хана, но наконецъ далъ отвѣтъ, что удобнѣе объ этомъ толковать, когда будутъ даны деньги на войско [1]). Съ такимъ осторожнымъ отвѣтомъ вернулся Вимина отъ Хмельницкаго въ Варшаву въ половинѣ іюля 1650 года. Въ слѣдующемъ году Яну Казимиру удалось заключить союзъ съ Венеціей, а въ 1652 г. Кавацца продолжалъ въ Варшавѣ свои хлопоты о посылкѣ козаковъ на море, но требованія Хмельницкаго были слишкомъ широки, и переговоры ни къ чему не привели. Удобный моментъ для привлеченія козачества къ услугамъ рѣчи посполитой былъ упущенъ еще въ 1647 г. Послѣ Берестечка и бѣлоцерковскихъ пактовъ нечего было и думать о какомъ-нибудь успѣхѣ въ этомъ направленіи. Правда, въ перепискѣ и инструкціяхъ своихъ позднѣйшаго времени, даже въ 1655 г., Хмельницкій ссылается иногда на просьбы Венеціи, намекаетъ, что готовъ помогать коалиціи христіанскихъ государей и народовъ противъ невѣрныхъ [2]), но всѣ эти рѣчи представляютъ не болѣе, какъ дипломатическую уловку: другіе интересы и задачи отвлекали гетмана отъ подобныхъ плановъ, которымъ всего менѣе сочувствовала правившая въ Польшѣ шляхетская олигархія, а кор. Янъ Казиміръ даже прямо доносилъ въ Стамбулъ объ опасныхъ для Порты замыслахъ Хмельницкаго [3]).

Перу Альберто Вимина принадлежитъ любопытное „Донесеніе о происхожденіи и обычаяхъ козаковъ“, отысканное въ рукописяхъ феррарской библіотеки проф. Д. Ферраро и изданное въ 1890 г. въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ [4]). Записка Ви-

---

[1]) Ambr. Grabowski, Ojczyste Spominki, t, II (Kraków, 1845), 103. Также Kubala, II, 407.

[2]) См., напр., инструкцію архимандриту Даніилу, октябрь 1655 г., въ Швед. госуд. архивѣ, отд. *Cosacica.*

[3]) См. напр. инструкцію 1653 г. послу Морштыну у Szilágyi S., Erdély es az északkeleti háború (Budapest, 1890) I, 274.

[4]) Relazione dell' origine e dei costumi dei cosacchi, fatta l'anno 1656 da Alberto Vimina, ambasciatore della Republica di Venecia, e publicata dal Prof. G. Ferraro. Reggio nell' Emilia, 1890. (in-8, стр. 23). Текстъ донесенія снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями издателя, удивительными по наивности. Экземпляръ имѣется въ библіо-

мина помѣчена издателемъ 1656 годомъ, но, кажется, основана на наблюденіяхъ посла, сдѣланныхъ въ 1650 году. Несмотря на нѣкоторыя наивности и ошибки, впрочемъ, второстепеннаго свойства, записка особенно интересна по отмѣченнымъ въ ней бытовымъ подробностямъ, которыя не останавливали на себѣ вниманія другихъ современныхъ писателей о козакахъ. Полная добросовѣстность автора, его наблюдательность, отсутствіе предубѣжденія противъ описываемаго народа, спокойный тонъ отчета—все это заставляетъ внимательно остановиться на „Донесеніи", переводъ котораго предлагается ниже.

„Продолжительныя и трудныя путешествія въ малоизвѣстныя страны соединены съ большими неудобствами, но удовлетворяютъ любознательности. Я испыталъ это во время поѣздки своей къ козакамъ и сдѣлалъ при этомъ нѣкоторыя наблюденія, которыя записалъ и преподному вашей свѣтлости, дабы къ вашимъ познаніямъ въ политикѣ прибавить еще и свѣдѣнія о козацкомъ народѣ.

Судя по тому, что я слышалъ съ разныхъ сторонъ, козаки получили свое имя менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно, что имя это происходитъ отъ слова *коза*, потому-ли, что козаки дѣлаютъ одежу изъ грубой ткани, сотканной изъ козьей шерсти, или взбираются на скалы съ легкостью козы, или, наконецъ, привыкли жить въ шалашахъ изъ листьевъ, на подобіе лежекъ лѣсныхъ козъ. Область козаковъ строго говоря занимаетъ лишь узкую линію по берегамъ Днѣпра приблизительно въ 15 миль, т. е. до 70 миль итальянскихъ. Страна тянется до Чернаго моря, недалеко, какъ думаю, отъ мѣста изгнанія Овидія. Увѣ-

---

текѣ юрьевскаго университета. За сообщеніе мнѣ этого рѣдкаго изданія приношу искреннюю благодарность В. А. Кордту.—Кажется, тому же Альберто Вимина принадлежитъ изданная въ 1671 г. въ Венеціи Storia delle guerre civile di Polonia di don Alberto Vimina Bellunese, упомянутая въ числѣ источниковъ монографіи Н. Костомарова «Богданъ Хмельницкій» (изд. 4, т. I. Спб. 1884) подъ № 28.

ряютъ, что въ тѣхъ мѣстахъ находится городокъ или село Овидова, т. е. городъ Овидія, гдѣ, по преданію, погребены останки поэта. Мнѣ нетрудно этому повѣрить, сравнивъ страну съ описаніемъ поэта въ печальной элегіи къ женѣ De ponto:

Non ager hic pomum, non dilces educat uvas.

А дикость мѣстнаго племени еще болѣе подтверждается свидѣтельствомъ Овидія въ посланіи, помнится, къ своему другу Марцію:

Maxima pars hominum nec et pulcherrimam curat
Romam, nec Ausonii armas timet.

Однако, эти новѣйшіе народы ведутъ свое происхожденіе не отъ древнихъ, но отъ наплыва преступныхъ людей, которымъ, для избѣжанія кары за провинности, удалось скрыться и удалиться въ это послѣднее убѣжище, гдѣ они первоначально снискивали пропитаніе рыболовствомъ и охотой, а затѣмъ, благодаря морскимъ набѣгамъ, постепенно укрѣпили ту страну за своими потомками.

Но эти послѣдніе занимаютъ лишь небольшую, указанную выше, линію, которая называется *Запорожьемъ* отъ имени нѣсколькихъ скалъ на Днѣпрѣ, *пороговъ*, т. е. это какъ-бы *новопоселеніе*, ибо за этими скалами тянутся ихъ жилища.

Однако въ настоящее время имя козаковъ и область ихъ сильно распространились, ибо въ Польшѣ къ числу козаковъ принадлежатъ всѣ легко вооруженные, которые сражаются конно, съ лукомъ и ружьемъ. Послѣ послѣднихъ волненій страна козаковъ простирается отъ границъ Кіевскаго воеводства до крайняго рубежа Запорожья, т. е. на 90 миль протяженія по ту и другую сторону Днѣпра или свыше 800 (400?) итальянскихъ миль, шириною же 40 миль или до 200 итальянскихъ миль,— пространство, приличное для обширнаго государства. Правда, однако, что эта область всегда была заселена самымъ воинственнымъ и привычнымъ къ оружію русскимъ племенемъ. Въ виду безпрестанныхъ нападеній татаръ, признавалось необходимымъ,

чтобы подданые были привычны къ военному ремеслу и могли не допускать и прекращать нападенія и набѣги варваровъ.

Часть этой области, называемая Запорожьемъ, до такой степени плодородна, что не только можетъ быть поставлена наряду съ самыми культивированными странами Европы, но и удовлетворить требованіемъ самаго завзятаго (avido) земледѣльца.

Страна эта называется Украиной, т. е. пограничьемъ; на ея дѣвственность (ferocità) указываетъ масса злаковъ, произрастающихъ въ безпорядкѣ и безъ обработки отъ тѣхъ зеренъ, которыя попадаютъ въ землю послѣ покоса или отъ вѣтра и называются по русински (in lingua Rutena) *падалицей* (*padalitza*), что̀ равносильно нашему *caduto*. Падалица иногда собирается, иногда пропадаетъ, ибо жатва на засѣянныхъ нивахъ столь обильна, что крестьяне пренебрежительно относятся къ этимъ дарамъ, которые приноситъ имъ благодатная почва. Я съ трудомъ повѣрилъ-бы подобному явленію, если бы не убѣдился собственными глазами и не видѣлъ на мѣстѣ такихъ крупныхъ и обильныхъ зерномъ сноповъ, какихъ не получишь въ другихъ странахъ при самой тщательной обработкѣ.

Однако въ настоящемъ году на это по мѣстамъ обращено вниманіе. Признакомъ тому служитъ водруженный въ землю шестъ, на которомъ виситъ палка, для предупрежденія прохожихъ не пасти тамъ скота, во избѣжаніе наказанія палками. Подобные-же знаки употребляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходить запрещено, и нарушителямъ запрета угрожаетъ строгая уголовная кара.

Не меньшее, чѣмъ въ хлѣбѣ, замѣчается тамъ изобиліе въ молочныхъ продуктахъ, мясѣ и рыбѣ, благодаря массѣ пастбищъ и множеству прудовъ.

Кромѣ Днѣпра, другихъ судоходныхъ рѣкъ въ этой странѣ нѣтъ. Начиная отъ Вислы, протекающей подъ Варшавой или подъ Люблиномъ (?), и до Днѣпра (такъ называется Борисѳенъ древнихъ), на протяженіи до 200 итальянскихъ миль, мнѣ удалось видѣть лишь двѣ небольшія рѣки или скорѣе ручейки: ***Вилію*** (Villua), **омывающую г. Острогъ, и** *Рось* (слово латинское

и польское, означающее росу), которая мирно орошаетъ окрестности Корсуня, городъ знаменитый первымъ сраженіемъ Хмельницкаго съ польскими генералами, взятыми при этомъ въ плѣнъ.

Кромѣ описанныхъ выше богатствъ, благодатная почва доставляетъ жителямъ пренебрегаемыя послѣдними вкусныя овощи и множество спаржи столь роскошной, что, на мой взглядъ, она не уступитъ самымъ высокимъ веронскимъ сортамъ, чрезвычайно вкусной и не горькой, какъ лѣсные сорта съ тонкими стеблями, растущіе около Рима и Неаполя. Я былъ изумленъ и сперва подумалъ, то это дикій сортъ, но изъ желанія разубѣдиться пробовалъ ее много разъ, такъ что вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія спаржа мнѣ даже надоѣла. Тамъ же растетъ лукъ и другія овощи; я пробовалъ ранніе сорта фруктовъ, которые показались мнѣ очень сладкими. И однако въ странѣ столь плодородной не видно ни огороженныхъ фруктовыхъ садовъ, ни огородовъ съ рѣдкими сортами овощей, арбузами, артишоками, сельдереемъ, за исключеніемъ окрестностей Кіева; вся забота козаковъ ограничивается сборомъ кочанной капусты, которую они или потребляютъ въ свѣжемъ видѣ, или солятъ впрокъ изсѣченною, какъ принято въ Германіи. Козаки сѣютъ также большое количество огурцовъ, которые тоже солятъ и потребляютъ съ хлѣбомъ или въ качествѣ приправы къ мясу и рыбѣ. Виноградниковъ нѣтъ, но не потому, чтобы почва считалась неблагопріятною, а лишь вслѣдствіе отсутствія охоты къ насажденію и уходу за нимъ (какъ это принято въ Австріи и другихъ странахъ, гдѣ зима чрезвычайно сурова), или же по небрежности къ агрикультурѣ.

Замѣтно, что козаки не заботятся о фабричномъ дѣлѣ ни по селамъ, ни въ городахъ. На столь обширномъ протяженіи страны не видно каменныхъ домовъ, исключая Кіева: все это плохія хаты и, если не считать нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, по справедливости должны быть названы хижинами. Нѣкоторыя изъ нихъ сплетены изъ древесныхъ вѣтвей и помазаны бѣлой глиной, другія сколочены изъ дерева. Въ этомъ козаки однако искусны, ибо для соединенія и скрѣпы бревенъ не употребляютъ

гвоздей. Да и вообще въ домѣ не видно другого желѣза, кромѣ лишь у дверного запора и дверныхъ же подвѣсокъ. Живутъ тѣсно, и зимою въ одной и той же комнатѣ помѣщаются люди и скотъ. Плохая домашняя утварь гармонируетъ съ постройками, потому что, кромѣ ножа и горшка все въ домѣ деревянное. Бѣлье употребляется только для лѣчебныхъ надобностей [1]).

Лишь весьма немногіе употребляютъ простыни; въ многочисленной семьѣ развѣ только на единственной кровати хозяина есть простыня; прочіе спятъ на лавкахъ [2]), на соломѣ или на какой-нибудь шерстяной тряпкѣ.

Не имѣется другихъ ремеслъ, кромѣ столярнаго, сѣдельнаго, плотницкаго и сапожнаго, хотя большею частью сапоги употребляются съ подошвами изъ лубка и кожи, сшитыхъ дратвою. Одежу изготовляютъ изъ конопли и грубой шерсти, которую расчесываютъ деревянными гребнями. Купцовъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Кіева, гдѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько торговцевъ плохой одежей.

Равнымъ образомъ нѣтъ ни врачей, ни аптекарей, ни продавцовъ сладкихъ пирожковъ и прочихъ сластей. Но на площадяхъ есть мясники и рыбные торговцы, продавцы мяса, масла и тому подобныхъ продуктовъ.

Обычное занятіе въ этой странѣ—земледѣліе, но у козаковъ еще мало усердія къ нему.

У козаковъ нѣтъ другой письменности, кромѣ народной русинской (lettere volgari Rutene), но лишь немногіе ею занимаются. Церковный ихъ языкъ—славянскій, на который переведено было священное писаніе св. Кирилломъ, и на немъ же изложены ученія св. отецъ; гововорятъ, что онъ отличается отъ ихъ народнаго языка такъ же, какъ итальянскій отъ латинскаго. Его изучаютъ главнымъ образомъ только дворяне, почему лишь немногіе изъ духовныхъ у козаковъ понимаютъ его. Однако, нѣкоторые монахи, особенно изъ тѣхъ, которые состоятъ при митро-

---

[1]) Вѣроятно, авторъ имѣетъ въ виду высшіе сорта полотна, ибо холщевое бѣлье несомнѣнно было у козаковъ XVII в.

[2]) Точнѣе, на столахъ—sulle tavole.

политѣ, обладаютъ достаточными познаніями въ этомъ языкѣ. Встрѣчаются образованные люди, которые употребляютъ всѣ усилія для поддержки ихъ заблужденій.

По этимъ замѣткамъ легко составить себѣ понятіе о нравахъ этого народа, который оставляетъ свою страну лишь ради войны, т. е. такой школы, которая большею частью вырабатываетъ людей благородныхъ (politi), но суровыхъ и грубыхъ. По внѣшнему виду и манерамъ козаки кажутся простыми, но они не глупы и не лишены живости ума. Объ этомъ можно судить по ихъ бесѣдѣ и способу управленія. Ибо обсужденіе политическихъ дѣлъ представляетъ собою арену, гдѣ узнаешь людей, каковы они на общественныхъ собраніяхъ, но въ самомъ управленіи сказывается и обнаруживается ихъ грубость. Изъ этой толпы необразованнаго народа составляется суровый Сенатъ [1]), въ которомъ присутствуетъ гетманъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что народъ ради войны отрывается изъ плуга и дѣлъ гражданскаго управленія. Въ Сенатѣ козаки обсуждаютъ дѣла, поддерживаютъ свое мнѣніе безъ чванства (ostentazione) и съ цѣлью содѣйствовать общему благу. Если признаютъ лучшимъ мнѣніе другихъ, то не стыдятся этого, безъ упрямства отказываются отъ собственнаго взгляда и присоединяются къ болѣе вѣрному.

Поэтому я сказалъ-бы, что эта республика можетъ уподобиться спартанской, если-бы только у козаковъ находилась въ такомъ же почетѣ трезвость; однако, они могутъ состязаться со спартанцами по суровости своего воспитанія. Трудно представить себѣ, сколько они терпятъ отъ голода, жажды, утомленія и безсонныхъ ночей. Всѣми этими прелестями они особенно пользуются во время морскихъ походовъ, когда, по словамъ козаковъ, имъ не разъ приходилось голодать по три дня, питаясь отвратительнѣйшимъ хлѣбомъ, чеснокомъ и лукомъ.

Во время же сухопутныхъ походовъ, въ которые выступаютъ по обычаю татарскому, козаки довольствуются небольшимъ количествомъ пшена, которое берутъ съ собою на коня, утоляютъ

---

[1]) Т. е. рада.

жажду изъ лужъ, нерѣдко съ грязной и гнилой водой, и спятъ на голой землѣ. Но возвратившись домой они предаются безпрестанному пьянству, проводя въ попойкахъ цѣлые дни и ночи, пока не погрузятся въ сонъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Поэтому они не въ состояніи скопить богатства и доставить себѣ комфортъ, ибо все безъ остатка уходитъ на пьянство.

Если даже военная добыча велика, то она не приноситъ козакамъ сколько-нибудь серьезной пользы, такъ какъ они не знаютъ ей цѣны да и не находятъ кому продать. Я узналъ, что захваченное въ послѣднее время холоднее оружіе—безполезное козакамъ, такъ какъ у нихъ принята только сабля—употреблено для наставливанья топоровъ, а пистолетныя дула пошли на изготовленіе разныхъ желѣзныхъ частей для возовъ. Отсюда видно, что вся эта добыча принесла пользу лишь частнымъ лицамъ, но не обществу.

Вообще, единственно, чѣмъ могутъ похвалиться козаки, это свободой; видимо они ни во что ставятъ богатство, ибо довольствуются малымъ. Уже Сенека старался въ своихъ сочиненіяхъ доказать—хотя и не слѣдовалъ своему ученію, такъ какъ копилъ сокровища—что человѣкъ дѣлается богатымъ не отъ пріобрѣтенія богатствъ, но по мѣрѣ уменьшенія жадности къ нимъ. Козаки не знаютъ и не стремятся къ другимъ усладамъ жизни, кромѣ бѣдныхъ (ruvide) хатъ своихъ, и если не пьянствуютъ, то развлекаются лишь танцами, охотой и стрѣльбой изъ лука или ружья: мнѣ случалось видѣть, какъ они при этомъ пулей тушатъ свѣчку, отсѣкая нагаръ такъ, что можно подумать, будто это сдѣлано при помощи щипцовъ. Не приходилось замѣчать у нихъ большого стеченія народа при церковныхъ службахъ, ибо козаки чаще посѣщаютъ корчму, нежели церковь, такъ что, очевидно, у нихъ болѣе соблюдаются наставленія Ромула, нежели Нумы. Козаки упорно придерживаются заблужденій своей схизмы, но правилъ вѣроученія не знаютъ подробно и живутъ большею частью въ вѣрѣ отцовъ, и лишь духовныя ихъ лица понимаютъ основныя различія вѣръ. Единственно, что всѣмъ имъ извѣстно и всѣми отвергается, это главен-

ство римской церкви. Но относительно исхожденія Св. Духа чрезъ Сына, какъ вѣруютъ латыняне, а не отъ Отца, они спорятъ съ нами, не умѣя однако объяснить, откуда возникла схизма. Эти заблужденія уже были осуждены. Представляется яснымъ выводъ, что коль скоро Сынъ не обладаетъ вдохновительнымъ началомъ наравнѣ съ Отцомъ, то между ними существуетъ извѣстное разстояніе, откуда вытекаетъ и различіе въ степени (qualità). Однако нынѣ я знаю, что когда въ послѣдній разъ папа Урбанъ VIII и король польскій Владиславъ IV пытались провести соединеніе церквей, отдѣлившихся отъ римской, то было разъяснено, что исхожденіе Св. Духа отъ Отца чрезъ посредство Сына, или отъ Отца и Сына—равносильно, такъ что за тремя ипостасями признается равенство по степени, воплощенію и вѣчности.

Многіе отрицаютъ чистилище, другіе признаютъ, но чистилище не при посредствѣ огня, а путемъ наказанія чувствъ другими способами,—мнѣніе, которое нельзя осуждать. Они отвергаютъ отдѣльный судъ для каждой души, не признавая ни награды, ни наказанія ея до дня всеобщаго суда. Ибо, говорятъ они, коль скоро тѣло должно нести послѣдствія заслугъ или грѣховъ, то оно не получитъ должнаго возмездія и будетъ изъято отъ наказанія, превратившись въ тлѣнъ и нечувствительную матерію; такъ что, по ихъ мнѣнію, только душа, дарованная плоти, должна наслаждаться блаженствомъ или терпѣть муки. Есть между нами и такіе, которые утверждаютъ, что латынянамъ необходимо повторить крещеніе, хотя и допускаютъ, что латыняне не нарушили (таинства?) ни по существу, ни по формѣ.

Такое безобразіе (disordine) практиковалось въ послѣднее время при смутахъ козаковъ, которые заставили по своему креститься католиковъ, изъявившихъ согласіе присоединиться къ заблужденіямъ ихъ схизмы. Немало между козаками и такихъ, которые вѣрятъ, что пресуществленіе не можетъ совершаться на прѣсномъ хлѣбѣ, и потому называютъ латынянъ еретиками опрѣсночниками (eretici azimani).

Въ точности не умѣю сказать, какого взгляда держатся козаки относительно брака, и вынужденъ думать, что они при-

знаютъ разводъ или многоженство. Ибо между ними есть много такихъ, которые бросили своихъ безобразныхъ и престарѣлыхъ женъ и обзавелись молодыми и красивыми. Я не видѣлъ тому примѣровъ, но говорятъ, что ихъ много. Гетманъ далъ всѣмъ примѣръ, по правилу:

Quales sunt in Republica principes, tales et sunt reliqui cives,

ибо обвѣнчался съ женою польскаго шляхтича Чаплинскаго, фаворита Александра Конецпольскаго, короннаго хорунжаго, которые, какъ говорятъ, были причиною прошлыхъ смутъ.

Видѣлъ я также двухъ евреекъ незаурядной красоты, обвѣнчанныхъ съ двумя грубыми мужиками, которые заставляли ихъ носить на шеѣ священные знаки, а также посѣщать церковь, хотя еврейки и не были крещены, но въ остальномъ имъ предоставлена была полная свобода въ исполненіи своихъ обрядовъ.

Кажется, я уже достаточно сказалъ о происхожденіи, странѣ и обычаяхъ козаковъ, и полагаю, что для удовлетворенія любознательности вашей свѣтлости мнѣ остается еще добавить кое-что о гетманѣ.

По сословію своему онъ сынъ шляхтича, который подвергся изгнанію и лишенъ былъ дворянскаго званія. Роста онъ скорѣе высокаго, нежели средняго, широкъ въ кости и крѣпкаго сложенія. Рѣчь его и способъ управленія показываютъ, что онъ обладаетъ зрѣлымъ сужденіемъ и проницательнымъ умомъ. Хотя и случается, что онъ чрезмѣрно предается напиткамъ, но тѣмъ не менѣе онъ не оставляетъ заботы о дѣлахъ. Поэтому мнѣ кажется, что въ немъ могутъ совмѣщаться два существа: одно—дѣятельное, трезвое, преданное управленію дѣлами, другое—сонное и погруженное въ пьянство. Въ обращеніи онъ мягокъ и простъ, чѣмъ привлекаетъ къ себѣ любовь воиновъ, но, съ другой стороны, онъ держитъ ихъ въ дисциплинѣ строгими взысканіями. Всѣмъ, кто входитъ въ его комнату, онъ пожимаетъ руку и всѣхъ проситъ садиться, если они козаки. Въ этой комнатѣ нѣтъ никакой роскоши, стѣны лишены всякихъ украшеній, за исключеніемъ мѣстъ для сидѣнья. Въ комнатѣ находятся лишь грубыя деревянныя лавки, покрытыя кожаными подушками; вѣроятно, тѣ же

лавки назывались у римлянъ *subsellia*; по словамъ Плутарха, ихъ ножками были убиты Гракхи, когда задумали ввести аграрный законъ. Дамасскій пологъ протянутъ передъ небольшой постелью гетмана; въ головахъ ея висятъ лукъ и сабля, единственное оружіе, которое онъ обыкновенно носитъ. Столъ отличается не бо́льшею роскошью, чѣмъ прочая сервировка и утварь, ибо ѣдятъ безъ салфетокъ и не видно другого серебра, кромѣ ложекъ и бокаловъ. Предусмотрительно гетманъ украсилъ такимъ образомъ свое жилище, дабы помнить о своемъ положеніи и не увлечься духомъ чрезмѣрной гордости. Быть можетъ въ этомъ случаѣ онъ взялъ примѣръ съ Агаѳокла, который, будучи сыномъ горшечника и достигши царской власти, велѣлъ устроить себѣ столъ и поставъ съ глиняными сосудами, откуда и стихи:

Ausonis fictilibus cenasse ferunt agatoclea vasis,
Atque Abachum samio saepe ornasse luto.

Однако гетманскій столъ не скуденъ добрыми и вкусными яствами и обычными въ странѣ напитками: водкой, пивомъ, медомъ. Вино, которымъ мало запасаются и рѣдко пьютъ, подается къ столу лишь въ присутствіи важныхъ иноземцевъ. Какъ я имѣлъ случай убѣдиться, за столомъ и при выпивкѣ нѣтъ недостатка въ веселости и остроумныхъ выходкахъ. Я могъ бы привести нѣсколько тому примѣровъ, но краткости ради разскажу лишь одинъ. Какъ то разъ мой слуга усердно восхвалялъ предъ козаками величіе и чудеса города Венеціи, и его жадно слушали. Наговорившись вдоволь о положеніи, фабрикахъ и богатствахъ города и описавши обширность его, разсказчикъ прибавилъ, что улицы въ городѣ такъ широки, что самимъ горожанамъ случается заблудиться въ нихъ. „Ну, нѣтъ!—возразилъ одинъ козакъ:—этимъ ты не хвались съ своей Венеціей. Я тебѣ скажу, что тоже самое со мною бываетъ въ этой тѣсной хатѣ: когда посижу немного за этимъ столомъ, то уже не попаду въ двери чтобы вернуться домой".

Слѣдовало бы и даже необходимо для полноты моего донесенія сказать что-нибудь и объ управленіи, военныхъ силахъ

и доходахъ козаковъ. Я и описалъ-бы все это подробно, если-бы въ этомъ отношеніи существовалъ опредѣленный порядокъ. Могу лишь сказать касательно управленія, что въ городкахъ существуютъ извѣстные начальники (Consoli), которые чинятъ судъ по дѣламъ гражданскимъ и налагаютъ легкія уголовныя взысканія, такъ какъ рѣшеніе важныхъ дѣлъ принадлежитъ гетману, почему мнѣ кажется, что онъ—настоящій государь (Despota). О военныхъ силахъ козаковъ даетъ понятіе опытъ прошлыхъ походовъ. Что касается точнаго числа войска, какое можетъ быть собрано, то кому оно вѣдомо? Сколько головъ, столько, можно сказать, и воиновъ, ибо всѣ они охотнѣе берутся за оружіе, нежели за плугъ. О доходахъ ничего не могу сказать. Замѣчу лишь, что источники ихъ немногочисленны и самые доходы невелики, какъ общественные, такъ и частные".

Н. Молчановскій.

ЛЮБКА[1]

или

сватанье въ с. Рихмахъ.

Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любка, бѣдная дивчына.
Кулына, ея мать, вдова.
Грыць, богатый парубокъ, женихъ Любки.
Горпына, его мать, вдова
Мартынъ, дѣдъ Грыця, богатый козакъ.
Наумъ, кумъ Мартына.
Крутій Петро Терешковычъ, подъячій, крестный отецъ Грыця.
Дьякъ Трохымъ.
Цыганка, парубки и дивчата.

---

[1]) Объяснительныя замѣчанія къ этой піесѣ смотр. въ концѣ.

Дѣйствіе 1.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ улицу въ деревнѣ. Колодезь съ журавлемъ, подлѣ колодца стоитъ Любка, а возлѣ нея ведро.

Любка (*вздыхаетъ*).

Нема того, що выглядаю.
Хочъ зъ горя писню заспиваю.
(*Поетъ*) Горе тымъ дивкамъ на свити,
Що вйна не мають:
Такъ якъ пташкы сыдять въ клитци,
Хлопци оббигають.
Хочъ рябая, руди бровы,
Та буде богата,
Абы волы, та коровы
И вйна до ката—
То женыхы, мовъ бы осы,
Коло неи вьются,
Въ гырявои бачать косы,
Старостамы шлются.
Хочъ горбата, крывобока—
Зъ виномъ непостыла,
А вродлыва та убога
Въ очахъ тилько мыла,
(*Вздохнувъ*) Боже, Боже, твоя воля,
Яка гирька бидныхъ доля!

—

Явленіе 2-е.

Входитъ Грыць. Одной рукой скидаетъ шапку, а другую держитъ у груди.

Грыць.

Здорова, Любко! Якъ ся маешъ?
Що тутъ на серци—чы ты знаешъ,
Чы ты байдужа до того?
Ёму, далеби, за тобою
И въ день, и въ ничъ нема покою—
Ты зовсимъ змучыла ёго.
Не знаешъ, якъ воно кыпило,
И покиль тебе не узрило,
То свитъ зробывсь ёму тюрмой.
Прыложы сюды лышъ руку,
Тоди пизнаешъ ёго муку,
Якъ воно бьется за тобой.
Въ очахъ ёго одна ты мыла,
И ніякая въ свити сыла
Не зможе раны сей сцилыть.
Чы вже-жъ такъ ты жалю не знаешъ,
Чы въ соби сердця ты не маешъ?
Чы ты родылась не любыть?
Охъ, колы бъ серце мое смило,
Воно бъ до твого полетило
И якъ голубка загуло,
Щобъ ты его къ соби прыжала

И вкупи зъ своимъ заховала,
Щобъ двое въ тебе ихъ було!

(*Складываетъ руки и потупляетъ глаза*).

Любка (*вздохнувъ*).

Слава Богу, добре знаю,—
Тугу серця также маю:
Колы бъ тебе не любыла,
То бъ далеби не ходыла
Въ цей колодязь воды браты,
За що лае мене маты,
Щобъ тутъ довго не барылась,
Щобъ на хлопцивъ не дывылась.
Що жъ, Грыценьку, въ того буде?
Тилько судыть стануть люде...
Выбачай, серце, мени,
Що не пара я тоби:
Въ тебе ридня вся богата—
Не позволять мене взяты;
Хочь я кажусь тоби мыла,
Але жъ бидна я дивчына.
Моя маты удовою,
И я, ставшы сыротою,
Овець не маю, та коривъ,
Ни пасикы, ни воливъ.
Бидно викъ мы коротаемъ,
Кусокъ хлиба заробляемъ:
Гирьке жыття, гирька доля!

Грыць.

Що жъ робыты? Божа воля!

Любка.

Одни бровы—мое вино,
Косы темни до колина—
Бильшъ ничого не пытай—
И богачшои шукай!

(*Утираетъ рукавомъ глаза*).

Грыць.

Що ты бидна, те я знаю;
Не богатства я шукаю,
Знавшы, якъ жывется въ васъ.
Та й богатство тлинно въ мыри:
И цари въ златій порфыри
Чы жъ богатши серцемъ насъ?
Всихъ бунчуковыхъ и вельможныхъ,
Богатыхъ, бидныхъ и заможныхъ
Покосыть ривно смертный часъ.
На що богатства намъ бажаты?
На той намъ свитъ ёго не взяты.
Що Богъ святый пославъ намъ зъ неба,
Тымъ помагаты другимъ треба.
На свити двійчи намъ не жыть.
Колысь богатства не вважалы,
Колысь князи пидданокъ бралы:
Хто серцю мае запретыть?
Я въ матери еднымъ-едыный,
Мій дидъ старый, лышенный сылы,—
Чы вжежъ захоче мене вбыть?

(*беретъ Любку за руку*).

Даруй мени оцю каблучку,
Дозволь тебе взяты за ручку,
Дозволь тебе повикъ любыть.

Любка.

(*Снимаетъ перстень и, цѣлуя Грыця, отдаетъ ему*).

Оце перстень небогатый;
Якъ ходыла я копаты,
Трохы грошей заробыла,
За працю щырую купыла,
Пидношу въ ралёць тоби:
Колы вирный ты мени—
Нехай тоби достается.

Грыць.

Богъ скарае, хто сміется;
Хто хытруе надъ тобою,
Щобъ наложывъ головою!

Любка.

Не зводь же, Грыценьку, мене:
Прызнаюсь, люблю я тебе!
(*Поетъ*). Зроду вечорыць не знала;
Якъ люблятся, не чувала,—
Пряла, шыла дома я;
Теперъ воля не моя:
Часъ наставъ любыты Грыця.

Грыць.

(*Поетъ*). Дивчыно, билолыця!
Клянусь небомъ и землею,
Клянусь тиломъ и душею,—
Скоришъ въ землю я пійду,
Колы тебе не визьму.

Любка.

Ой, хтось иде!

Грыць.

Де?

Любка.

Де не йде, пусты мене!
(*Грыць уходитъ*).

Любка (*одна*).

Якъ бы правда сёму сталась,
Щобъ я Грыценьку досталась,
Якъ бы я була щаслыва!
Бога бъ викъ благодарыла,
Грыця бъ щыро шанувала
Усимъ биднимъ помагала!
(*Поетъ*): Грыць вартъ того, щобъ любыты,
Зъ Грыцемъ мыло було бъ жыты:
Грыць молодый и красывый
Серцемъ добрый, неспесывый,
Грыць вродливый и моторный,
Чорнобрывый, сладкомовный;
Грыць хлопчына на всю губу,
Зъ Грыцемъ горе все забуду:
(*танцуя*) Буду жыты, панувaты,
Буду Грыценька кохаты!

—

Явленіе 3-е.

(*Любка и маты*).

Маты.

Ой доню, доню, що зъ тобою?
Горе та лыхо за бидою?
Не посылать тебе воды браты,
А посылать смерти шукаты—
Куды не пійдешъ, то й засядешъ,
А на домивку й не поглянешъ.
(*Качая головой*) Мабуть, не дурно тутъ стояла.

Любка.

Ни, я...

Маты (*торопливо*).

Кажы мени: зъ кымъ розмовляла?

Любка.

Ни съ кымъ, ни съ кымъ.

Маты.

Заразъ кажы!

Любка.

Чымъ пусте намъ толковаты,
Лучче писню зоспиваты,

(*Поетъ*): Сказать стыдно, грихъ таиться,
Открыть правды не годится,
Обмануты й того гирше;
Подуматы треба бильше.
(*Цьлуя свой палецъ*)
Грыць хлопчына, щобъ кохаты,
Якъ тутъ матери сказаты?
Якъ прызнаться, якъ од крыты?
Може, стане за те быты...
Чы я жъ довго тутъ барылась?
За що маты розгнивылась?
Була сама молодою,
Згадать можешъ за собою,
Яхъ ты кому прызнавалась,
Колы и зъ кымъ женыхалась:
По своимъ литамъ згадайте—
И у мене не пытайте!

М а т ы.

Тоби и море по колина,
Тоби бъ тилько витры ганяты;
Хочъ бы и хата тамъ згорила—
Тебе до дому не загнаты.
(*Разводя руками*).
Чы довго жъ тутъ воды вхопыты?
Ну, якъ не стыдно такъ робыты?
Въ насъ не водылось колысь такъ?
Прызнавайся, зъ кымъ стояла?
Хто тутъ бувъ? що размовляла?
Кажы скорій: съ кымъ, що и якъ?

Л ю б к а.

Добре, мамо,
Трывай мало:
Розскажу,
И скажу;
Выслухайте
И не лайте,
Не сердитесь,
Не гнивитесь.
То, бачыте, зробылось такъ,—
Знаете сами, бувало якъ:
Мени прыйшлося до ума,
Я глянула—воды нема,
Узяла видра тай й пишла.
И прыйшла, а тутъ знайшла...

Теперъ знайте,
Розбирайте,
Не сердитесь
И не бійтесь!
Отъ вамъ усе, о!

М а т ы.

Прыйшла, знайшла—та кого?

Л ю б к а.

Прыйшла, знайшла—никого!

М а т ы.

(*смотря на руку*)
А перстень твій у кого?

Л ю б к а.

У кого? у ёго.

М а т ы.

То-то въ ёго, да у кого?

Л ю б к а.

Я вамъ кажу, що ни въ кого

М а т ы.

Та що ты все: то въ ёго,
То въ кого,
То ни въ кого!

Л ю б к а.

Такъ, мамо, такъ: ни въ кого,
ни въ кого!

Маты.

Такъ що-жъ ты довго тутъ робыла?

Любка.

Що робыла?
Видро впустыла,
Дужка порвалась,
Ключка зламалась.

Маты.

Да женыхалась!

Любка.

Зъ кымъ?

Маты.

На що тоби изъ кымъ казаты?
Лучче одъ мене можешъ знаты

Любка.

Слухайте, мамо:
Не знаю,
Не маю
Опричъ, опричъ...

Маты (*торопливо*).

Опричъ кого?

Любка.

Опричъ, опричъ... никого!

Маты.

Ну якъ тоби виры поняты,
Колы въ очахъ хочешъ дурыть?
Не почавшы воды браты,
Хиба-жъ можна видро впустыть?

Любка.

Далеби!

Маты.

(*Поетъ*). Дужка не рвалась,
Видра стоять;
Що женыхалась,
Можно вгадать.

Вгле́дила добре когось я съ спыны
Знаешъ ты, хлопци превражи сыны:
Имъ виры няты—дивкамъ бида,
Замижъ збиратысь—ты молода.
Такъ не годыться матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть:
Де твои хусткы? де рушныкы?
Чимъ подарыты намъ старосты?
Треба напрясты, треба наткаты,
Треба вбилыты, навышываты!
Такъ не годыться матиръ дурыть.
Тоби любыться часъ не велыть.

Любка.

Вы, мамо, якъ молоди бувалы,
Такъ, може, й гарно спивалы,
А теперъ вашъ голосъ зовсимъ зопсувавсь,
Такы такъ зопсувавсь,
Такы такъ зопсувавсь,
Що зовсимъ зопсувавсь!
И, сказать правду, не стыдыться,
То й писня ваша не годыться!

Маты (*смѣясь*)

Не любо слухаты?..
Наберы-жъ воды,
Та да дому йды!
(*Уходятъ обѣ*).

Явленіе 4-е.

(*Грыць танцуетъ и поетъ*):

Мени перстень тутъ достався,
Тутъ я зъ Любкой женыхався,
Тутъ я Любку взявъ за руку,
Тутъ забувъ я мою муку!
(*Уходитъ*).

Дѣйствіе 2-е.

Явленіе 1.

Театръ представляетъ бѣдную хату Любчиной матери, которая, сидя на порогѣ, мотаетъ нитки, а Любка у окна въ хатѣ прядетъ.

Грыць (*снимая шапку*)

Добрыдень, помагай вамъ Боже!

Маты.

За добре слово здоровъ, небоже!

Грыць.

Колы-жъ я що казавъ худе?
Натуру я такую маю,
Що зла никому не бажаю.
А Любка ваша, скажить, де?

Маты.

На що-жъ тоби Любку пытаты,
Бачышъ мене, можешъ сказаты!

Грыць.

Хотивъ було вогню прохать.

Маты.

Сегодня йисты не варылы;
Другый вже день, якъ пичъ топылы.
Такъ де-жъ тоби вогню достать?

Грыць (*въ сторону*)

Я жартувавъ, шутывъ, сміявся,
Про те жъ я самъ не догадався,
Що може хтось два дни не йивъ!

Маты.

Що ты тамъ кажешъ, що товкуешъ?

Грыць.

Да хиба жъ, титко, ты не чуешъ,
Що я пытаю чорныхъ бривъ?

Маты.

Чіихъ?

Грыць.

Дидовыхъ та своихъ.

Маты (*съ усмѣшкой*).

Куды жъ вы зъ дидомъ такъ ходылы,
Що вже и бровы погубылы?

Грыць.

Чя я жъ казавъ вамъ: бривъ?
Я пытаю въ васъ воливъ.

Маты.

Понимаю, та не знаю.

Грыць.

Та ще къ тому й прыпадокъ склавсь:
Мій вороный чогось злякавсь—
Все перервавъ, все поламалось.
Видъ воза й трискы не зосталось,
Трохы не смерть була й мени.

Любка (*изъ окна*).

Боже мылый, що бъ же тоди?

Грыць.

Та чы нема въ васъ чого напыться,
Щобъ жаръ на серци погасыть?
Або воды—трохы умыться?
Щось голова въ мене болыть.

Маты.

Вынесы, Любко, дай напытысь.

Грыць.

Та чого, титко, ій трудытысь?
Можу я въ хату й самъ сходыть.

Маты.

Вынесе заразъ, той будешъ пыты;
Нема за чымъ въ хату ходыты:
Голивъ не вміемъ мы личыть.

Грыць (*въ сторону*).

А ихъ кружыть ваши сестрыци
Велыки мастерыци!
(*Любка выноситъ воду, подаетъ Грыцю. Грыць начинаетъ пить*).

Любка (*кланяясь*).

На добре здоровья!

Грыць.

Ты—воно!

Маты.

Писля чого?

Грыць.

Писля того,
Що вже мого (*указывая на сердце*)
Оттутъ ёго
Якъ не було!

Маты.

Чого?

Грыць (*поетъ*).

Те, що завше бьется,
Не спыть ни на часъ;
Може хто сміется—
Мени саме въ разъ.
Вытерпить ти мукы,
Чымъ воно болыть,
Отъ вамъ Богъ порука—
Не въ сылахъ зносыть!

Маты (*съ усмѣшкой*).

Трохы догадалась,
Колы не вклепалась (*подумавши*)
Певне, жаль того воза,
Що кони побылы.

Грыць (*поетъ*).

Надію ще маю
Сто возивъ купыть;
За кымъ помыраю—
Не въ сылахъ одкрыть.

Маты.

Не розберу!

Грыць.

И такъ у васъ
На сей разъ
Нема вогню?

Маты

Де-жъ я тоби ёго визьму?

Грыць

Та я й забувъ, що кресало маю.
Закурю, выкрешу и заспиваю.
(*Накладываетъ трубку и достаетъ кресало*).
(*Поетъ*) Разносылы кони,
Зъ воза я упавъ,
Та зъ Божои воли
Здоровенькый вставъ.
Мабудь, часъ щаслывый
Ще на свити йе;

Десь, бривонькы мыли
Молять за мене. (bis)
Молыть та дивчына,
Що мыло згадать:
Добрая людына,
Не скажу, якъ звать.
Очыци свитленьки
Зорямы горять,
Рученькы биленьки—
Тилько циловать. (bis)
Ривнои красою
И въ сели нема,
Статная собою
И не безъ ума.
Хто бъ же не влюбывся
Въ сю дивчыну зъ насъ?
Хто бы не зробывся
Мною на сей разъ? (bis)
Бо така вродлыва,
Що не змалювать;
Повна, якъ калына,
Не скажу, якъ звать.
Лычко въ ней налыто
Кровью зъ молокомъ,
Зубкы—мовъ ушыто
Буйнымъ жемчугомъ? (bis)
Якъ морская пина,
Такъ тиломъ била,
Косы по колина,
Изъ мылыхъ мыла.
Губкы розцвитають,
Якъ розы весной—
Кого жъ не прыманють
Воны красотой? (bis).
Хто-жъ вона такая—
Неможна одкрыть:
Гарна, молодая—
Якъ же не любыть?
Хочъ бы въ кого зъ лёду
Серденько було,
Отъ йидного бъ взгляду
Ростаять могло. (bis)
Скажу тилько правду,
Що въ сылахъ вона
Лыть въ серце отраду,
Зводыты зъ ума.
Хто-бъ же не влюбывся
Въ цю дивчыну зъ насъ?
Хто бы не зробывся
Мною на сей разъ? (bis)

Маты (*со смѣхомъ*).

Ты й не кресавшы накурывся.

Грыць.

Доправды, трохы забарывся!

Любка (*въ сторону*).

Се винъ хоче до дому иты.

Грыць.

Прощавайте,
Выбачайте,
И не лайте,
Що, може, вамъ трохы настывъ!

Маты.

Нема за-що—иды щастливъ!

(*Грыць кланяется и отходитъ*).

Любка.

(*Начинаетъ пѣть; Грыць останавливается и ждетъ окончанія*).

Вично молюсь Богу
И буду молыть,
Щобъ тоби здорову
Довго въ свити жыть!
Де сыла, де власти
Любовъ зъ серця згнать?
Збавъ, Боже, напасти
Тоби умырать!
Тоди я не въ сыли
Розлукы знесты—
Впаду на могыли,

Тамъ, де ляжешъ ты.
Впаду—и завьяну,
Якъ маковій цвитъ,
Зъ могылы не встану,
Разомъ буду тлить.
Тилько бъ прохать стала
Матиръ въ сыхъ словахъ:
Щобъ мене сховала
У твоихъ ногахъ,
Щобъ я нерозлучна
Съ тобою була,
Не буде мни скучна
Могыла моя.

Грыць.

(*Въ сторону, положа руку на лобъ*).

Охъ, охъ!
Зо мною вдвохъ
Ій и могыла не страшна!
И такъ, дытя не плаче—
Маты не знае:
Почимъ домашни могуть знать?
Пійду, скажу и поклонюся,
Прызнаюсь имъ, не потаюся,
То, може, Богъ що-небудь дасть!
(*Уходитъ*).

Любка.

Уже що голосъ, то голосъ мае:
Винъ краще всихъ въ сели спивае;
Ёго усякъ бы слухать радъ!

Маты.

Да нема чого и дывоватысь:
Усякъ-то може догадатысь,
Що тягнете вы въ одынъ ладъ.

Любка (*съ улыбкой*).

То-то, мамо, ладъ!
Я наперед сее знала
И якъ ворожка угадала,
Що вы хотилы перенять!

Маты (*усмыхнувшись*).

Що молоде,
То дурне!

Любка.

Може, колы ище прыйдется
Побачытысь зъ цымъ Грыцемъ доведется,
Мы будемо ёго прохать...

Маты.

Будемъ прохать
Въ насъ не бувать!

Любка.

Винъ добренькій, винъ рахманый, (?)
Винъ несердытый, винъ слухъяный:
Винъ навчыть и насъ спивать.

Маты (*сердито*).

Ну, годи вже пусте плескать!

Любка (*весело*)

И дома, и якъ пійдемъ жать,
Перенявшы, будемъ спивать.

Маты (*сердито*).

Да ну тебе зъ нымъ!

Любка

И самы, и изъ нымъ,
Перенявшы, будемъ спивать.
(*Маты уходитъ*).

—

Явленіе 2.

(*Любка и цыганка*).

Цыганка.

Молодая, гарная, красыва,
Богата будешъ и щаслыва,
Тилько цыганъ не забувай:
Цыгане все на свити знають,
Хто тебе любыть—угадають,
Тилько за те що-небудь дай.

Любка.

По чимъ?

Цыганка.

По тимъ.
Ось покажи твою долоню:
Якъ ты ходыла за водою,
То хто зъ тобою тамъ стоявъ?

(*Любка протягиваетъ руку, цыганка смотритъ на руку*).

Любка.

Ни, тамъ, далеби, не було никого
Опричъ ёго.

Цыганка.

А що, бачъ, правда моя?

Любка.

Такъ!

Цыганка.

И на тебе маты сварылась?

Любка.

Не тилько що сварылась,
А ище трохи й не былась.

Цыганка.

То-то. Я такъ кажу, мовъ бы дывылась
На васъ изъ-за угла.

Любка.

Ну да!

Цыганка.

(*Вынимаетъ маленькое зеркальце и заставляетъ въ него Любку смотрѣть*).

Ну, дай сала оце накрыты,
А потимъ станемъ ворожыты,
Якій тому буде кинець,
Щобъ заразъ той прыйшовъ, явывся,
Хто на роду тоби судывся
И зъ нымъ ты станешъ пидъ винець.

Любка (*въ сторону*).

Умила перше отгадаты,—
Треба вынесты, остатне даты.
(*Подумавши*) Бо щось у носи въ неи йе.
(*Уходитъ*).

Цыганка (*одна*).

(*Поетъ*): У нашихъ цыгановъ
Совѣсть чиста,
Мы всѣ безъ обмановъ
И всѣ безъ грѣха;
Съ искренней душою
Любимъ честно жить,
Не глупы собою,
Вмѣемъ ворожить;
Высмотримъ зъ-за тыну,
Гдѣ що говорять,—
Знавши всю причину,
Можемъ отгадать;

Усики приклеить—
То не есть бѣда,
Дивчину увѣрить
Можно завсегда.
Пидъ шапочкой красной
Ей себя не взнать,
Хто любимый страстно—
Можно отгадать.
Вона откровенно
Все можетъ открыть,
Мнѣ только навѣрно
Стоитъ подтвердить.
Що жъ честнѣй цыгановъ
Въ нашемъ мірѣ есть?
Они безъ обмановъ
Одну любятъ честь.
Съ честію родятся,
Съ честію живутъ,
Честностью кормятся
И съ честью умрутъ.

—

Явленіе 3.

(*Любка выноситъ сало*).

Цыганка

А покажы, що прынесла?

Любка.

Те прынесла,
Скилько знайшла.

Цыганка (*смотря на сало*).

Такъ мало?

Любка.

Стилько стало.

Цыганка.

Въ другый разъ выходы,
Да гляды, бильшъ выносы!

Любка.

Зароблю, куплю,—ще дамъ.

(*Цыганка беретъ зеркало, накрываетъ саломъ и начинаетъ надъ нимъ шептать; затѣмъ велитъ Любкѣ стоять неподвижно, заворачиваетъ ей назадъ руки, зажмуриваетъ глаза и въ это время надѣваетъ на нее красную шапочку, приклеиваетъ чорненькіе усики и, приставя зеркальце къ самому лицу, говоритъ*):

Цыганка.

Ну, дывысь!

Любка (*смотря въ зеркало*).

Ой, Грыць!

Цыганка (*грозно*).

Цыцъ!

Любка.

Не маю мочи.

Цыганка.

Зажмурь очи!

(*Зажмуриваетъ Любкѣ глаза, срываетъ усы и спрашиваетъ*):

Ну, кажы: кого выдала?

Любка.

Того выдала,
Съ кымъ стояла.

Цыганка.

Що-жъ винъ казавъ, стоя съ тобою?

Любка.

Винъ клявся всимъ
И самъ собою.

Цыганка.

Винъ клявся въ чимъ?

Любка.

Винъ клявся въ тимъ,
Що я изъ нымъ
Буцимъ колысь-то одружуся,
Що буцимъ я зъ дивчатъ всихъ мыла,
Що буцимъ буду зъ нымъ щаслыва.
А я такы усе боюсь.

Цыганка.

Чого?

Любка.

Боюсь того,
Що, бачъ, въ ёго
Ридня богата
И не позволыть мене взяты.

Цыганка (*крестясь*).

Що будешъ за нымъ, побожусь
И всимъ на свити поклянусь.
(*Клянется*) Щобъ я нигде лыха не знала,
Щобъ я пидъ старость сыва стала!
Щобъ полотномъ шатро зробылось,
Щобъ пану колесо зломылось,
Щобъ вси цыгане повпывалысь,
Щобъ воны киньмы все минялысь,
Щобъ уси шершни порудилы,
Щобъ вси вороны почорнилы,
Щобъ въ гончаря горшкы побылысь,
Щобъ уси гусы потопылысь,
Щобъ побиливъ вареный ракъ,—
Колы усе не буде такъ!

Любка.

Годи вже, годи, не клянысь!

Цыганка.

Слухай мене, Богу молысь,
То все буде хорошенько.
Да чый винъ сынъ и зовуть якъ?

Любка (*поспѣшно*)

Винъ, винъ... Грыць... Рихмаченко...

Цыганка.

Такъ?

Любка.

Далеби.

Цыганка.

Не треба мни сёго казаты,
По ворожби могу я знаты.
Ты-жъ мни сёго першъ не казала,
Я тилько глянула—вгадала,
Та ще сто разъ могу вгадаты,
Що прыйдуть старосты до хаты.

Любка (*весело*).

Й нищо не може перебыть?

Цыганка.

Ни!

Любка.

Скажы-жъ мени, голубко сыва,
Колы родылась я щастлыва,
То якъ я довго буду жыть?

Цыганка (*протяжно*).

Ажъ, ажъ, ажъ... до самой смерти!

Любка.

Колы я жыть щаслыво буду,
Цыганъ николы не забуду!

Цыганка.

То то знай,
Памятай,
И цыганъ не забувай! (*уходитъ*).

Любка (*одна*).

Теперъ на серци легше стало,
Не такъ воно теперъ болыть,
Въ цыганъ, якъ кажуть, правды мало,
А тилько вміють ворожыть.
Якъ бы цыганка не тямуща
И по науци не могуща,
То не могла бъ сёго зробыть:
Якъ бы вона-то показала
Мени того, зъ кымъ я стояла?

(*Садится у окошка и начинаетъ шить*).

—

Явленіе 3.

Любка и приходскій дьячекъ.

Дьякъ (*кланялсь*)

И тако, безъ дальнійшыхъ словъ,
Не въ сылахъ бывъ таиться
И ощущая въ серци любовъ,
Прійдохомъ объясниться.
Едва только азъ тя узрѣхъ,
Красу необычайну,
Падохъ внезапу въ лютый грѣхъ,
И мысль познахъ печальну:
Егда во храмѣ аьъ пою,
Иль что-нибудь читаю,
Тебе вездѣ едыну зрю
И кныгу забываю.
Превозмогая вся сія,
Борохся со страстями,
Но нѣтъ силъ побѣдить себя;
Здѣсь падаю предъ вами.

(*Преклоняетъ колѣно*).

Любка.

Кажы, росказуй ты хочъ тры дни,
Яки тебе напалы злыдни,
То не могу сёго поняты.

Дьякъ.

(*Ставши на другое колѣно, прилагаетъ лѣвую руку къ сердцу, а правою показывая на Любку*).

Предвозвѣщаю все тебѣ,
Красавица премочна:
Единое блаженство мнѣ—
Ты, дѣва непорочна!

Внемли гласу, сиречъ тако
Здѣ преклонюся къ стопамъ:
Улюбихся, древле яко
Въ юну Сарру Авраамъ.
И седмь лѣтъ овцы пасохъ,
Уся тельцы соблюдая.
Того ради азъ придохъ,
Въ жену тебя пояти чая.

Любка.

Якого жъ хрина ты скрывывся
И такый мерзкый изробывся?

Дьякъ.

Служителю ли олтаря
Сію хулу зносыты!

Познай ты чувства, чимъ горя...
Позволь мнѣ тя любыты.

Любка.

Якъ то? щобъ ты мене?..
Нехай на тебе усе зле!
Къ бисамъ соби вбирайся,
До мене не чипляйся!

Дьякъ.

Припоминаты здѣ бѣсовъ
По вѣрѣ намъ не должно,
А васъ избавить отъ трудовъ
Было бы мнѣ возможно:

Я не послѣдня въ мірѣ тварь
И санъ дьячка имѣю,
Рукоположенъ во стихарь,
И въ томъ увѣрить смѣю,

Что, будучи дьячихой, вы
Трудовъ земныхъ не знали-бъ,
Благоденствуя вы бъ жылы,
Ходылы, ильновалы.

Готовенькый хлиба кусокъ,
Гаряча паныхыда, (?)
Спокойный въ школѣ уголокъ,
Отъ міра роковщина.

Позволь же тя обняты
И къ серцу моему прижаты,
За безцѣнну ручку взяты
И пламенно облобызаты!

(*Бросается къ Любкѣ и хочетъ поцѣловать. Любка вырывается, беретъ вѣникъ и начинаетъ его бить*).

Любка.

Поганый, мерзкый, брыдкый!
Видкиль узявся ты, престыдкый?
Чы ты дурный, чы ты скрутывся,—
Чого до мене прычепывся?

Дьякъ (*уходя*).

Не престану, ниже почію.

Любка.

Хочъ заразъ зломы соби шыю,
То не люблю и не пійду;
Хочъ викъ я дивоваты буду,
Опричъ ёго—ничьей не буду!

—

Явленіе 4.

Любка и маты.

Маты (*сердито*).

Ой, будешъ голову ты чухать!
Тоби сёгодня не мыне!
Не хочешъ матери ты слухать
И не шануешъ вже себе.
Якъ не кынешъ галясоваты,
То якъ прыймусь тебе таскаты,
То й замужемъ се спомянешъ!

(*Разводя руками*).

Да то жъ зовсимъ одъ рукъ одбылась!
Изъ кымъ ты зновъ розговорылась?
Чому робыть дило не йдешъ?

Любка.

Колы-бъ вы, мамо, усе знали,
То вы-бъ сердыти не булы:
Колыбъ те чудо увыдалы,
То-бъ здывувалысь и самы!

Маты.

Ну, кажы, що такее?

Любка.

То дыво, мамо, не пустее:
Нашъ дьякъ Трохымъ чы не скрутывся—

Бувъ такъ до мене прычепывся,
Що мусила по шыи гнать.
А що цыганка мни сказала!
То тилько глянула—вгадала,
И вы-бъ ёго моглы пизнать:
Такый якъ разъ, нехай здоровый,
Таки и вусы, таки й бровы,
Таки-таки, ни дать, ни взять!

Маты.

Якъ у кого?

Любка.

Якъ у його.

Маты.

Ну, такъ неможна угадать,
А колы скажешъ, буду знать.

Любка *(поетъ)*.

Той, що, кажуть люде,
Въ свити краще всихъ,
Той, що зятемъ буде
Тоби для утихъ.
Будешъ веселыться,
Матусе моя,
Покынь-же сердыться—
Одна въ тебе я.
Пры насъ будешъ жыты,
Старисть коротать,
Та Бога хвалыты,
Щобъ бувъ здоровъ зять.
Матымешъ у-волю
Що йисты и пыть,
Не будешъ по полю
Чужому ходыть.
Будешъ пануваты
Въ старости своій,
Порядокъ даваты,
Дочци молодій?

Маты.

Проку въ словахъ, дочко, мало.

Любка.

Що, мамо?

Маты.

Плохо зятю въ прыймахъ буты,
Плохо тещи въ зятя жыты—
Та и замижъ тоби рано.

Любка.

Чому старосты до людей
Не ходять рано, а ни въ день
А тилько в-вечери?

Маты *(сердыто)*.

Чи ты изъ пантелыку збылась,
Чы, може, въ кого вже влюбылась!
Зъ тобою тяжко товкуваты.
Покынь лишь все—ходимъ до хаты!
(уходятъ).

Дѣйствіе 3-е.

Явленіе 1.

(Театръ представляетъ богатый деревянный домъ Грицевого дѣда, возлѣ—большой садъ, паслька, рогатый скотъ и скирды хлѣба. Грыць, ходя въ безпокойствѣ, пасмурный, приложа руку ко лбу, останавливается).

Грыць.

Охъ!
Немае сылъ, немае мочи,
Нищо мене не веселыть;
Куды ни кынуть смутни очи,
Все мени горенько сулыть.
Нема мени ниде покою,
Зробывся свитъ мени тюрмою.
Що жъ мени, бидному, робыть?
Кого мени питы просыты
На сердци рану заличыты,
Кому свою биду одкрыть?
(*подумавши*)
Къ ногамъ упасты, дидови открыться—
Зачне крычать, зачне сердыться,
Его претяжко вговорыть:
Бо вже умовывсь зъ головою,
Щобъ въ-осены зъ ёго дочкою
Безпрéминно мене женыть.
(*Качая головою*)
И та, невирная, рудая,
Погана, коса и глухая,
Чы Любку може заминыть?
Що мни початы, що творыты?
Не въ сылахъ Любци я зминыты,
Я лучче вмру, не буду жыть!

—

Явленіе 2.

Цыганка.

Якый ты гарный, уродлывый,
Та пры багатстви нещаслывый!
Нищо тебе не веселыть;
Кругомъ ворогы обступають
И те отнять въ тебе бажають,
Чымъ серце кровію кыпыть.

Грыць (*качнувши головой*).

Вы майстерыци бабъ дурыты,
Прывыклы все брехню точыты.
Почимъ ты правду можешъ знать?

Цыганка.

Мы знаемо таку науку,
Що тилько глянемо на руку,
То заразъ можемъ одгадать,
Що напередъ изъ нымъ случыться,
И хто на кимъ хоче женыться,
И хоче хто перебывать.

Грыць (*протягивая руку, шутливо*).

Ну, на, дывысь,
Не прошыбысь;
Якъ не вгадаешъ,
То спамятаешъ
Въ другу весну;
Бо якъ пущу
Оцей кулакъ,
То заразъ такъ
Ты зъ ворожбою
Сторчъ головою
Такъ полетышъ,
Якъ зъ лавы мышъ.

Цыганка.

Кулака твого не страшуся
И, правду знавшы, не боюся,
(*Береть Грыця за руку и указывая на ладонь*)
Незовсимъ ще правду выдно...
А що-бъ було тоби не стыдно—
То треба въ руку положыть.

Грыць (*со смѣхомъ*).

Не маю жъ грошей я зъ собою.

Цыганка.

Да ну-бо, Грыцю, Богъ зъ тобою,

Тоби зо мною грихъ шутыть;
Що ты подумавъ, то я знаю,
Неправду заразъ угадаю:
Въ тебе въ кышени що лежыть?

Грыць (*съ удивленіемъ*).

Почимъ ты знаешъ, що въ кышени,
Почимъ ты знаешъ, що я Грыць?

Цыганка.

Ворожка знае все—мовчы...

Грыць (*вынимая полтинникъ*)

Але жъ тоби всёго не дамъ.

Цыганка.

Ты не захочешъ ёго й самъ.

(*Беретъ монету и потираетъ ею ладонь*).

Дай же, Боже,
Усе гоже,
Щобъ все лыхо
Було тыхо!
Въ кого сребро—
Въ того добро,
А хто немае,
Нехай скучае,
Нехай тоскуе,
Нехай горюе,
Добра не чуе;
А той, хто давъ,
Щобъ винъ узявъ
Що не постыло,
Що ёму мыло.

(*Приговаривая, прячетъ полтинникъ въ свой карманъ и спрашиваетъ*):

А чія дивка воду брала
И що вона тоби казала,
И якъ вподобалась тоби?

Грыць.

Дочка брала головыная,
А тамъ така руда, рябая!
До неи жъ не пидходывъ я.

Цыганка (*посмотря на руку*)

Ни, тебе любыть не такая:
Чепурна, гарна, молодая;
Якъ зори, очи такъ горять.
Хочъ не багата, та вродлыва,
На лычко била, чорнобрыва
А косы до колинъ высять.

Грыць.

И по руци те можна взнать?

Цыганка (*показывая на ладонь.*

Тутъ неможна обманутысь,
Да... ворогивъ тоби якъ збутысь?

Грыць.

А скажы правду: хто и якъ?

Цыганка.

Твоя ридня, и зъ нымы дякъ.

Грыць (*сердито*).

Дякъ?
Вона й дяка вже полюбыла,
А мене дурно изсушыла—
Отъ якъ дивчатамъ виры нять?

Цыганка.

Дяка не любыть, не любыла:
Учора ёго винякомъ была,

За тебе жъ ій души не жаль:
Вона зъ тобою вмерты рада,
И ты іи одна видрада,—
Іи даремно ты не лай!

Грыць.

Колы ты все на свити знаешъ,
То пойму виры, якъ вгадаешъ:
Скажы жъ мени имья іи!

Цыганка.

Любка!

Грыць.

Такъ, вона, моя голубка!
Нехай гроши за тобою,
Тилько скажы, чы за мною
Колы-небудь буде вона?

Цыганка..

Да!
Музыкы скоро тутъ заграють,
Весилья буйне загуде,
За нею дружкы заспивають,
Бояре сядуть край тебе,
А я за срибную полтыну
Прыйду, хочъ гляну изъ-за тыну,
Якъ я на неи першъ дывылась,
Якъ ворожыты ще учылась.
(*Кланяется и уходитъ*)

Грыць (*одинъ*).

Хочъ я у Любку и влюбывся,
Але жъ на серци укрывавъ,
Ходывъ сумный, журывсь, нудывся,
Никому дома не казавъ.
(*Прикладывая руку ко лбу*)
Почимъ цыганка може знаты,
Якъ по именью іи зваты,
И якъ вона любыть мене?
Тутъ не брехня, не небылыця,
Мабуть цыганка—чаривныця,
Мабуть чортяка въ носи йе.

—

Явленіе 3.

Грыць и его мать Горпына.

Горпына (*сожалительно*).

Чого ты, Грыценьку, сумуешъ?
Чого ты, сыну, зажурывсь?
Чы ты недужымъ себе чуешъ?
Чого зовсимъ переминывсь?
Бувало, ходышъ та спиваешъ,
Теперъ же стогнешъ та зитхаешъ,
А въ мене серце ажъ болыть.
Одынъ зъ дитей ты мни зостався:
Чого жъ предъ матирью таить?

Грыць.

Якъ сынъ, такъ матиръ поважаю,
Якъ люблю Бога—почытаю,
Але не въ сылахъ вамъ одкрыть.

Горпына.

И тую ты, що въ свить родыла,
Що змалку няньчыла, носыла,
Едынымъ словомъ хочешъ вбыть?

Грыць (*закрывая рукой глаза*).

Убыты матиръ! о, мій Боже!
Розсердытесь за те вы, може,
Якъ я скажу, що я люблю.

Горпына.

Нихто не въ сылахъ бороныты
И волю въ серця однимать:

Колы прыйде пора любыты,
Нихто не може удержать.
Чого жъ ты, сыну, укрываешъ,
Чого ты стогнешъ и зитхаешъ
И ничого не кажешъ мни?
Якая есть тому прычына
И котра именно дивчына
Такъ подобалася тоби?

Грыць.

На що я буду це казаты?
Вы не дасте дозволу взяты:
У неи бидная симья.

Горпына.

Дочка жъ вона чія?

Грыць.

Батько іи Бидою звався,
Ходывъ по людяхъ, нанимався,
А про матиръ що вамъ казать?
Не мають поля, ни скотыны,
Бидно жывуть, въ бидній хатыни.
Чы вже жъ позволыте такую взять?

Горпына.

Була бъ лышъ зъ доброю душою,
Вродлыва, тыхая собою,—
Худобы жъ въ насъ своеи йе.

Грыць.

Нивроку ій, нехай здорова,
Чепурна, гарна, чорноброва
И щыро любыть вже мене.

Горпына.

Я бидну Любку, сыну, знаю
И тоби сватать позволяю.

Грыць.

Да якъ до дила прыступыть?
Слово „любовъ“ для нёго жарты,
Винъ, знаешъ, въ насъ якый упартый,
Его претяжко вговорыть.
Хиба Крутія попросыть?..

Горпына.

Ну-да, се такъ:
Винъ на дило се мастакъ!

—

Явленіе 4.

Тѣ же и Крутій.

Крутій (*проворно*).

Здоровъ, кумасю! Що тутъ зъ вамы,
И Богъ васъ мылуе тутъ якъ?
Скажить мени, будьте ласкави,
Чого зъ сынкомъ надулысь такъ?

Горпына.

Колы ты, куме, не лукавый,
Хрещеный батько для нёго,
То зробы отъ що, будь ласкавый:
Уговоры свекра мого!

Крутій (*скоро*).

Въ чимъ, що, на що, про що?

Горпына (*указывая на Грыця*).

У мене винъ однымъ-едыный,
Хотила бъ я ёго женыть;
Мои лита, плохіи сылы—
Могла бъ утиху получыть.

Крутій.

Да, да, да,
И пора:
Помичъ буде для двора.

Горпына.

Надъ серцемъ воли я не маю
Вказать йому, кого любыть,
Та що початы тутъ, не знаю,—
Якъ до старого пидступыть?

Крутій.

А кого?
За кого
Ты думала бъ оженыть?

Горпына.

Въ бидну Любку винъ влюбывся
И все одъ мене укрывавъ,
Ходывъ все, мучывся, нудывся
И мни ничого не казавъ.
А ту дивчыну я вже знаю,
На сто багатыхъ не зминяю,
Тилько не знаю, що почать?
Старый на се не согласытся:
Винъ головы скоришъ лышытся,
Нижъ бидную позволыть взять.

Крутій (*съ усмѣшкой*).

Треба знать,
Якъ почать,
Пидступыть
И сказать,
Упросыть,
Вговорыть,
Одурыть—
Мене треба попросыть.

Горпына.

У-двохъ тебе просыты будемъ,
Щобъ якъ порадыты сёму,
До самой смерти не забудемъ,
Колы поможешъ ты ёму.

Крутій.

Да, се такъ, да,
Не безъ труда.—
А якъ ти гроши, що за мною?

Горпына.

Да ну вже, куме, Богъ зъ тобою,
Що намъ про гроши товковать?

Крутій (*протяжно*)

Я трыдцять бравъ,
Да симъ оддавъ—
То половына зостается?

Грыць (*съ усмѣшкой*).

Да такъ, тату, й мени здается.

Крутій.

Треба бъ роспыску прочытать
Та, що оддавъ, те замарать:
Бо порядокъ такъ велыть.

Грыць.

Про тіи гроши що казать?
Роспыску можна и порвать.
(*Разрываетъ роспыску*).

Крутій (*топнувши ногой*).

(*Поетъ*): Теперъ, кумо, не журысь,
Вже на чеснисть положысь:
Хиба бъ то немылость Божа,
Щобъ не пидвезлы диду воза! (bis).
Такъ пиддурю, якъ самъ знаю:
Ридню вывезу зъ Кытаю,
Що старый, якъ вискъ ростане

И просыты мене стане,
Щобъ то Грыця оженыты;
Та тилько треба доплатыты:
Дурень за се не бере,
А нашъ братъ и зъ батька бере
(bis).

Горпына.

Цытьте куме, дидъ иде!

Крутій.

Мени жъ треба заховаться
И дать волю накрычаться,
А тоди вже я прыйду
Та вже знаю, що зроблю.
(*Входитъ дѣдъ, а Крутій поза спиной Горпыны пробирается къ дверямъ и уходитъ*).

—

Явленіе 3.

Горпына, Грыць и дѣдъ.

Дѣдъ.

Объ чимъ се вы розговорылысь,
Що розмовляллы безъ мене?
(*Присматриваясь*).
Та вы, якъ бачу, покрывылысь,
Объ чимъ у васъ тутъ дило йде?

Горпына.

Объ тимъ, тату, що вы старіи,
Слаби здоровьямъ и плохіи,—
Пора бъ Грыцьку порядокъ дать.

Дѣдъ (*сурово*).

На шо вамъ, дурни, товковаты?
Чы то я самъ не можу знаты?
На що мени прыпомынать?

Горпына.

Старымъ недовго, кажуть, жыты,—
Йимъ часъ прыходыть умирать,—
Треба бъ то Грыця оженыты
Да и къ хозяйству пріучать.

Дѣдъ.

Я говорывъ уже зъ тобою,
Що могорычъ изъ Головою
За ёго вже давно запывъ.

Грыць.

И ту невирную, рябую,
Погану, косу и рудую
Вы хочете щобъ я любывъ?

Дѣдъ (*сурово*).

Якъ я скажу—мусышъ любыты,
И якъ прывыкнешъ—будешъ жыты.

Грыць.

А то ничого, що глуха?

Дѣдъ.

У тимъ выгоду, дурню, маешъ:
Не буде чуты, якъ налаешъ,
Ходытыме, якъ лынъ по дну.

Грыць.

На биса жъ брать таку дурну?

Дѣдъ.

Хочъ дурна,
Та не бидна!
Хочъ рудая,
Та не плохая,

Хочъ горбата
Та багата!

Овець тры сотни йе за нею,
Та й скрыни, кажуть не пусти,
Млынъ, пасика, лисъ изъ землею—
Чого жъ ище бажаешъ ты?

Грыць (*вздохнувши*).

Якъ ни статы, слова сказаты,
А ни мижъ люде показаты,
То чортъ іи заразъ визьмы!

Дѣдъ.

Ты, якъ бачу, вовсимъ дурный!
То все ничого, що глухая,
Да пасика за ней якая,
И висимъ да тры сотъ овець,
То скилько выйде накинець?
Потрывай,
Не збывай:
Пощытаю,
Якъ самъ знаю.
(*Считаетъ по пальцамъ*).
Десять, девять да одынъ—
Дмется нехай господынъ:
Одынадцять сотъ не жартъ!

Грыць.

Да сама-жъ чортякы вартъ!

Дѣдъ (*сердито*).

Якъ могорычъ запытый мною,
То хочъ объ стину головою
Ты соби быйся, а беры!

Грыць (*беретъ дѣдову руку и кладетъ на свое сердце*).

Колы бъ вы въ сылахъ прыказаты,
Любыть повынно мни кого,
Велите заразъ замовчаты,
Щобъ бильшъ не былося воно.

Дѣдъ (*вырывая руку*).

Колы дурный, то дурне й каже:
Хто туды пійде и роскаже
Не быться серцю и мовчать?

Горпына.

Для чого, тату, намъ нудыты?
Намъ зъ жинкою ёго не жыты:
Кого винъ любыть, хай бере!

Дѣдъ (*сердито*).

И ты бачъ хочешъ вчыть мене?
Якъ сынъ дурный, така и маты.
Якъ мени слово изламаты,
Изъ рукъ худобу упустыть?

Грыць.

А якъ мени изъ чортомъ жыть?

Дѣдъ.

Будешъ жыты, не крывыся,
Зъ кимъ кажу, то й оженыся,
Иншои не выбирай!

Грыць.

Якъ отакый для мене клопить,
То хай іи чортяка вхопыть!

Горпына.

Не любышъ, сыну, то й не лай:
Для неи найдутся ще люде,
А наша нашою все-жъ буде.
А ты кого въ прымити маешъ,
Соби по серцю выбираешъ?
Скажи, почуемъ одъ тебе.

Дѣдъ.

А ну, кажы, то будемъ знаты,
Свативъ до кого посылаты:
У кого вина бильшее?

Грыць.

Не въ вини щастя я шукаю,
По серцю й серце избираю:
Не въ сыли серцю запретыть.

Дѣдъ (*суровo*).

Зо мною, чуешъ, не шутыть!

Грыць.

Шутыть изъ вами я не смію,
Тилько жъ изъ серцемъ не звладію,
Колы не слухае мене.

Дѣдъ (*сердито*).

Я въ москали ёго й тебе!

Грыць.

Та лучче бъ въ війську мни служыты,
Ниж зъ демономъ такымъ отъ жыты,
Якъ вы добралы для мене.

Дѣдъ (*погрозивъ пальцемъ*).

Мене вже, чуешъ, не учить:
(*Мать начинаетъ плакать*).

Грыць.

Годи, мамо, чого плакать?
Вамъ ёго не перетакать:
(*Показывая на дѣда*).
На той винъ сьвитъ нехай зъ собою
Бере усе, а я зъ сумою,
И въ москаляхъ буду служыть,
Да якъ сержанта дослужуся,
Сюды и въ отпускъ покажуся,
То въ мене й село задрижыть!

Дѣдъ.

Тебе ничымъ не налякаешъ,
Скажы-жъ, кого ты сватать маешъ?

Грыць.

На що даремне се казаты?
Щобъ бидну ще прогналы зъ хаты!

Горпына (*до Грыця*).

Винъ и въ сели ій жыть не дасть.

Дѣдъ.

Да, мои гроши мають власть:
Пысну судьи — вона въ острози!..

Грыць.

За сее душу, якъ михъ на вози,
Чорты у пекло потащать.

Дѣдъ.

Гриха я, дурню, не боюся:
Найму молебень, помолюся,
И Богъ за те простыть мене.

Грыць.

Богъ сыхъ молытовъ не прыймае,
За крывду биднымъ Винъ карае,
Хочъ и попивъ доволи йе.

Дѣдъ.

Э, э, э!
Таки ты въ бидну улюбывся

И думаешъ, що я скрутывся
И въ двиръ голоту свій визьму?
(*Встаетъ, тупаетъ ногами, чешетъ затылокъ*).
Геть, причъ видъ мене утикайте,
Не кажить сёго, и не гадайте,
А то и зубы вамъ побью!

Горпына.

Ходимъ, ходимъ! (*уходятъ*).

Дѣдъ (*одинъ, опершись на руку*).

Оце теперъ бида прыходыть.
Що тутъ початы, що творыть
За розумъ умъ мени заходыть:
Якъ тутъ и що ёго робыть?
Якъ бидну въ двиръ мени узяты,
Тоди вже хоть втикай изъ хаты:
И куры очи просміють;
Тоди съ панамы не водыся
И на свитъ бильше не дывыся:
Паны проходу не дадуть!
(*Подумавши немного поетъ*):

Багачемъ незмирнымъ [1])
Въ повити слывусь,
Господаремъ первымъ
По волости чтусь.

Що я всёго маю, всякъ то може знаты—

Волыкивъ рогатыхъ
Маю сорокъ паръ,
Конykивъ грыватыхъ
Табунокъ не малъ;

Земли стилько маю, що и не зорать:
Якъ же мени бидну за унука взять?

Маю я ксровы,
Овець висимъ сотъ;
Абы бувъ здоровый,
То на цилый годъ.

Хлиба бы достало село годувать:
Якъ же мени бидну за унука взять? (bis)

Грошей ажъ дви скрынки,
Пасикы гудуть,
По всій Украини
Имъя мое чтуть.
Въ Крыму мене знають, знають на Дону;
Якъ же я убогу за внука визьму? (bis)

Стряпчій съ комысаромъ
Бувають въ мене:
Мабуть то не даромъ
Имъя чтуть мое?
Всимы уважаемъ, всякъ то може знать;
Якъ же мени бидну за внука узять? (bis).

Пипъ мене вважае,
Кланяется дякъ,
Жыдъ шапку знимае,—
Вже жъ я не простакъ!
Село Рыхмы знаты зъ прозвыща мого;
Якъ же бидну взяты за внука свого? (bis)

Не простъ я собою,
Знають те паны;
Бувъ я головою—
Вже жъ я не дурный! (*Показывая на лобъ*)
Що тутъ йе не клочча, всякъ то може знать;
Якъ же мени бидну за унука взять? (bis).

Що жъ громада скаже,
Якъ бы те вчынывъ?

[1]) Эта пѣсня была напечатана у насъ (см. Кіев. Стар. 1892 г., № 12-й, отд. 2-й, стр. 462).

Пальцемъ всякъ покаже,
Якъ бы оженывъ
На якій голоти унука свого.
Я жъ такы не дурень, не зроблю сёго (bis).
Бо я и розумный,
И тяжко богатъ;
А хто багатъ, мудрый,
Той биднымъ не братъ.
Узять у двиръ бидну,—стыдъ буде мени!
Ни, сёго не буде! ни, вже, ни, ни, ни!

(*Встаетъ и хочетъ уйти*).

—

Явленіе 4.

(*Дѣдъ и дьячокъ*)

Дьякъ (*кланяясь*).

Высокочтымый господыне,
Нашъ благодительный Мартыне,
Прыймите мыръ дому сёму!

Дѣдъ.

На мыръ то, дяче, не походыть,
А тутъ війна така заходыть,
Що и въ Шведчыну не було!

Дьякъ.

Скажите жъ мнѣ: что се такое
Постигло душу вашу злое
И что васъ оскорбыть могло?

Дѣдъ (*вздохнувши*).

Наставъ останній, дяче, часъ;
Мабуть, вже смерть иде по насъ;
Прыходыть, певно, страшный судъ!

Дьякъ.

Да, я слыхалъ, какъ вы спивалы,
Выну печали возвищалы
И тѣмъ пронзылы мою грудь.

Дѣдъ.

Хиба такъ жалисно?

Дьякъ.

Да, коль по истинѣ признаться,
То хто бы могъ не колебаться?
Умно,
Трогательно,
Жалостно
И ужасно!

Дѣдъ.

О?!..

Дьякъ.

Да, если бъ въ бурси вы бувалы
И книгъ громаду прочыталы—
Моглы бы іереемъ быть,
Иль въ консысторіи служыть:
У васъ глава зъ умныхъ умна!

Дѣдъ.

Твоя й пысьменна, та дурна:
Колы бъ я тамъ, де ты, учывся,
То бъ знаешъ, чымъ я изробывся?

Дьякъ.

Что истинно есть, то неложно:
На свити умнымъ все возможно.

Дѣдъ (*почесавши затылокъ*)

Да тутъ бида такая, дяче,
Що, бачтся, мыръ за мною плаче.

Дьякъ.

Извольте далѣе продлить:
Кто дерзнулъ зъ вами пошутыть?

Дѣдъ.

Унукъ у когось улюбився,
Да такъ изъ-дуру прычепився,
Що вже ніякъ не вговорыть.
А я то думавъ, щобъ риднёю
Мени зробыться зъ Головою!..

Дьякъ.

Да, тамъ бы можно получыть!
Ибо фамылія и родъ
Ничуть не есть бѣднѣе васъ;
Стыда не буде отъ господъ—
Онъ какъ помѣщикъ тутъ у насъ.

Дѣдъ.

Та се то такъ,
Да онъ бачъ якъ:
Сказать и слова не дасть мни:
„Не хочу я крычыть, іи!“

Дьякъ.

За это казни онъ довлѣетъ,
Что вамъ противорѣчить смѣетъ.

Дѣдъ.

Хиба жъ мени ёго втопыть?

Дьякъ.

Зачѣмъ топыть?
Такъ проучыть,
Что будетъ знать,
Какъ отвѣчать!
Будетъ трепетать, бояться
И вамъ впредь повиноваться.

Дѣдъ.

Подай совитъ, я слухать радъ,—
То може попадемъ на ладъ.

Дьякъ.

Богословически,
Философически,
Физически
И логически...

Дѣдъ.

Що ты кажешъ, по-якому?

Дьякъ.

То есть, сиречь, по-такому,
Чтобъ правильно,
Буквально,
И легально,
И морально...

Дѣдъ.

Що не скажешъ ты, не втну
И далеби не пойму!

Дьякъ.

Остроиомически,
Френологически,
И грамматически
Надо понять
И сказать:
Что съ вами кто сравниться смѣетъ?
Чести такой губернаторъ не имѣетъ:
Губерніи—по городамъ,
А село Рихмы—по вамъ
Свое названіе имѣетъ.
И такъ, коснувшаясь слава небесъ
И достойная въ мірѣ чудесъ,

Но мрачится вмигъ, сотлѣетъ,
Заступитъ мѣсто стыдъ, позоръ,
Когда возьмете вы у дворъ
Невѣстку, внука недостойну.
Тогда знакомы господа
Къ вамъ не заѣдутъ никогда,
Чету столь видѣвши позорну.

Дѣдъ.

Да я то, дяче, сее знаю,
Тилькы ніякъ не прыгадаю,
Щобъ якъ поставыть на своимъ:
Тутъ винъ дурный, а тутъ и маты
Не дасть и слова мни сказаты,
Отъ и робы що, хочешъ имъ!

Дьякъ.

Зналъ я это напередъ,
Что имъ доброта во вредъ:
Она, вѣдь, женщина такая,
Какъ мельница пустая;
Вы жъ за глупую сноху
Не подлежите грѣху.

Дѣдъ.

Такъ що жъ мени зъ нею робыть?

Дьякъ (*съ улыбкою*).

Въ ухо, за косы, палыцямы,
Плетью вдовжъ та кулакамы,
То будетъ знать, какъ уважать,—
Не станетъ сыну подражать?

Дѣдъ.

А зъ унукомъ що творыть?

Дьякъ.

До сохы также прывьяжите,
Порядкомъ плетью оддерите,
Щобъ жаръ любовный погасыть.
Вотъ вамъ рука моя порука,
Что плеть всему добра наука,—
Не станетъ съ вами онъ шутыть.
Подъ плетью скажетъ онъ иное,
Заговоритъ совсѣмъ другое—
Покинетъ бѣдную любыть.

Дѣдъ (*весело*).

Що то пысьменна голова!
Сёго бъ не здумавъ зъ-роду я.
Я мизкувавъ, крутывсь, ламався,
Про це жъ ніякъ не догадався,

Дьякъ.

Представте своему уму:
Онъ улюбывся здѣсь въ одну—
Бѣднѣйшая, можно сказать,
Стыжусь вамъ имени назвать.

Дѣдъ.

А ну, скажы: чія то дивка,
За се тоби половы мирка!

Дьякъ.

О, щедроты изъ щедротъ!
О, блаженнѣйшій вашъ родъ!
Мужайтеся,
Крепитеся,
Поститеся,
Молитеся,
И немощи сгоните прочь—
Она вдовы Бѣдныхы дочь!

Дѣдъ (*берется за голову*).

Дяче, дяче, рятуй мене!
Оце-бъ то та, що тамъ жыве?

Дьякъ.

Она!

Дѣдъ.

Изъ матирью миткы пряде?

Дьякъ.

Да.

Дѣдъ.

По людяхъ ходыть зажынаты?

Дьякъ.

Да!

Дѣдъ.

И мени у двиръ такую взяты?

Дьякъ.

Если не боитесь стыда.

Дѣдъ (*рветъ на себѣ платье и кричитъ*).

Ой, ой! Тривай, зроблю таке:
Вона въ мене колысь копала,—
Пойиду въ судъ, скажу, що вкрала
Багацько грошей у мене.

Дьякъ.

Отъ этого избавь васъ Богъ:
За то іи возьмуть въ острогъ!

Дѣдъ.

Нехай хочъ тамъ и зогные!

Дьякъ.

Нѣтъ, не такъ,
А вотъ какъ:
Коль пріймете мой совѣтъ,
То вы преблаго сотворите:
Чымъ попусту ѣздить въ повѣтъ,
Вы до священыка сходите;
Священыкъ въ насъ
На деньги ласъ,
Не станетъ спорыть
Храмъ отворытъ:
Бракъ совершитъ
И всё рѣшитъ.
И вы, роднёю
Изъ Головою
Тогда вчинясь,
Какъ графъ иль князь
Въ чести-бъ жылы
Въ нашимъ сели,
И въ околыци,
Какъ у столыци,—
Моглы-бы жыть
И не тужыть.
Тогда-бы къ вамъ
И гетьманъ самъ
Могъ бы зайтыть—
Васъ посѣтыть,
Къ себѣ просыть,
Чтобъ угостыть.
Преже жъ сего
Внука свого
Вы оддерите
И прыкажыте,
Щобъ подъ вѣнцемъ
И предъ отцемъ
Въ себѣ скрывалъ,
Не объявлялъ,
Что его били
И принудили,
Нодобровольно
И произвольно
У бракъ вступаетъ
И принимаетъ
Себѣ въ жену
Дочь Головыну.

Дѣдъ.

А тоби скилько треба дать,
Що будешъ ты про се мовчать?

Дьякъ.

Что до меня, то ни полслова—
Гортань моя служить готова.
Свершымъ мы бракъ
То сякъ, то такъ;
Вѣдь брачные узы такóвы,
Что какъ желѣзные оковы:
Сколько ни дуйся,—не порвешъ,
Куда не бѣгай—не уйдешъ.
Насильно можно оженить,
А онъ привыкнетъ — будетъ жить!
Что не красавица—пустое,
Да вѣдь приданое какое!

Дѣдъ.

Оце такъ!
Ой да дякъ!

—

Явленіе 6-е

Ть же и Грыць съ матерью.

Грыць (*снявши шапку кланяется*).

Уже теперъ прощайте, диду!
Иду, зложусь, и заразъ йиду.

Дѣдъ.

Куды?

Грыць.

Пойиду въ свитъ, побачу люду
И въ консысторьи въ дядька буду,
И про дяка розговорюсь.

Дьякъ.

Ну, полно, тише, усмырыся,
Такъ передъ дидомъ не несыся,
Да я тебя и не боюсь.

Грыць.

Усяке дило кинець красыть,—
Побачымъ, дружбы хто докажыть
И достанется зъ насъ кому!

Дѣдъ (*протяжно*)

Эй, Грыцьку, чуешъ, бережыся,
Ходы потыше, не дрочыся,
А то поставлю на свому.

Грыць.

Да ну-те, диду, Господь зъ вамы!
Хиба не вгоденъ я служыть?
Та ще якымъ гусаромъ буду,
Що комусь зъ носомъ вырву губу,
Щобъ добре знавъ, якъ васъ учыть.

Дьякъ (*къ дѣду*).

Извольте видѣть, якъ грубыть!

Грыць.

Та будешъ, дяче, и ты знаты
Якый совитъ диду даваты,
И чымъ тушыть любовный жаръ,
Якъ до сохы мени вьязаты!
Ты, думаешъ, велыка тварь?
Не буде такъ, якъ вамъ здается:
Ще въ консысторіи найдется
Що переробыть все не такъ!

Горпына

Пойидешъ, сыну, побуваешъ,
Розскажешъ дядьку, все, якъ знаешъ,
Що по селу нашъ робыть дьякъ,
Якъ винъ у церкви не бувае
Да якъ по улыцямъ ганяе,—
Такы щось буде изъ сёго.

Дьякъ. (*съ насмѣшкой*)

Вишь, въ консисторьи тебя нужно!
Чай, безъ тебя владыкѣ скушно?
Да чѣмъ почтенный дядько твой?
Въ какомъ онъ классѣ? гдѣ на кухнѣ?
Сапоги чинить, или туфли?
Иль сторожъ въ бурсѣ за стѣной?

Грыць.

И сее дядько буде знаты,
Не пропущу й сёго сказаты,
Якъ ты сміешся изъ ёго.

Горпына (*къ дяку*)!

Та годи, дурню, насмихаться!
Його не то—паны боятся,
Бо винъ у мылости въ когось:
Що винъ искаже, то такъ и буде,
Кого захоче, выпхне въ люде,
А схоче — то лышыть всёго.

Дьякъ.

Да неужель онъ секретарь?

Грыць.

А вже жъ що такъ, погана тварь!

Дьякъ (*почтительно*).

Охъ, Мыроновычъ, простите,
Невѣдѣнью извините:
Согрѣшихъ,
Оскорбихъ,
Прогнѣвихъ,
Озлобихъ:
Учитель исторіи,
Секретарь консисторіи!

Дѣдъ.

Да то жъ и есть, бачъ, братъ іи.

Дякъ.

Охъ, дозвольте рещи мни:
Онъ такой—пожилой,
Весь украшенъ сѣдиной?
Да продлится его вѣкъ!
Онъ предобрый человѣкъ—
Первый благодѣтель мой.

Грыць (*поетъ*).

Дай мни тилько, Боже,
Въ дядька побувать:
Тоди дякъ не зможе
Бильшъ ничого взять!
Дамо роковщыну
Не ту, що други:
Кулакамы въ спыну—
На двиръ не ходы!

Горпына (*поетъ*)

Сто рубливъ не гроши,
Зробыть можемъ такъ:
Голосъ нехорошый—
Не годыться дякъ!

Грыць (*поетъ*)

Громада пидпыше,
Стоить напоить,—
Ходы, дяче, тыше,
Зъ намы не шутыть!

Горпына (*поетъ*)

Стыхарь зъ ёго здіймуть,
Косу обстрыжуть,—
Буде дякъ нашъ гынуть,
Въ некруты визьмуть.

Дякъ.

Вы за что, про что, скажите,
Погубить меня хотите?

Грыць.

Гроши, кажуть люде,
Ирыдають ума;
Що здумаемъ—буде,
Въ тебе жъ ихъ нема!

Горпына.

Хотя жъ чести мало
Людямъ зло чынить,
Да й тежъ не прыстало
Зъ намы такъ робыть!

Грыць (*грозя рукой*)

Вже-жъ якъ не вертыся,
Зъ селомъ ты простыся,
Лоба не мынешъ.

Дякъ (*вставши на колѣни*)

Спасите, пощадите,
Не погубите!

Дѣдъ.

Розумнымъ спершу ты здавався.
Ходывъ бадёрымъ, похвалявся,
Чого жъ теперъ трясешся ты?

Дякъ

Да, почтенный господыне,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Извольте выслушать меня,
Что въ главѣ книги бытія
Начитывалъ когда то я:
Егда узриши ю,
И возлюбиши ю,
Подобаетъ пояти ю
Въ жену свою;
Аще жъ оставиши ю,
То аки убіеши ю,
Сотвориши грѣхъ зѣло,
Постиже тя въ мірѣ зло.
То, почтеннѣйшій господыне,
Нашъ благодѣтельный Мартыне,
Услышавши слово сіе,
Благословить чадо свое,
Отрите плачущу рѣсницу:
Возьмить въ сноху бидну дѣвицу.

Дѣдъ (*нахмурившись*)

Чи ты въ уми?
Чи ты въ соби?
Чи ты ума лышився,
Чи ты зовсимъ скрутився?

Дякъ (*къ дѣду сквозь слезы*)

Нѣтъ, не тее,
А другее:
Вы посудите
Такъ, напримѣръ,
Что секретарь
Презлобна тварь
И нравомъ звѣрь;
Что если онъ
Презрѣхъ законъ,
И за родныхъ
Глупыхъ своихъ
Станетъ горой,
И надо мной
Имѣя власть,
Въ солдаты сдать?..
Онъ такъ великой,
Что и съ владыкой
Говорыть смѣло
Про всяке дѣло:
То ему можно
Меня хочъ ложно
И заточыть,
Сана лышыть,
И лобъ забрыть.

Дѣдъ.

Що тамъ плетешъ—не розберу.

Дякъ.

Повѣрьте, не вру:
Что онъ страшенъ,
Зѣло ужасенъ,
Словно, какъ левъ
Пущаетъ ревъ;
Въ единый часъ,
Разинувъ пасть,
Насъ, бѣдняковъ,
Больше ста дяковъ
У михъ поглощетъ,
Егда схощетъ.

Дѣдъ (*съ удивленіемъ*)

Грыцьку, бачышъ, щось такее
Зробылося изъ дякомъ злее.
Се нечыста ёму сыла
Десь такее наробыла!

Грыць.

Его треба проводыть,
Въ школи, вкрывшы, положыть.

Дѣдъ.

Такъ возьмы жъ и проведы!

Грыць (*подходя къ дяку беретъ его подъ руку, а другой рукой бьетъ въ бокъ кулакомъ*).

Дякъ.

Ой, ой, ой!
Боже мой!

Грыць.

Богъ съ тобою,
Йды за мною.

Дякъ.

За что? про что? бить по что?

Грыць (*со смѣхомъ*)

Писля сёго здоровъ будешъ
И рукъ моихъ не забудешъ!

(*Дякъ вырывается и уходитъ*)

Дѣдъ (*къ Грыцю*)

Эй, Грыцько, побійся Бога!
Пошануй ты самъ себе:
Одно слово, що убога,
Загнать може въ гробъ мене;
Выкынь зъ головы пустее
Та надумай щось другее.
Розмиркуй соби гарненько:
Що то есть вона, й що мы?
Що есть слово Рихманенко
И кымъ славятся Рихмы?
То якъ се тоби здается,
Що ты здумавь бидну брать—
И по кимъ село зовется,
Той вчынытся бидной зять!..
А—а—а!
Не боишся ты стыда!

Грыць.

Якъ гасне лучъ, такъ слава вьяне;
Якъ колесо, вертытся свитъ:
Одынъ впаде, другый устане,
И по багатству гыне слидъ.
На що-жъ гордытысь вамъ собою,
На що гнушатысь сыротою
И волю серцю одіймать?
Богъ волю давъ ёму любыты;
Що жъ ёго мучыть и нудыты
И свое имья выхвалять?
Робить, що хочете зо мною:
Не властенъ самъ я надъ собою
Сказаты серцю не кохать.

Дѣдъ.

О—о—о!
Хиба жъ бы то не все одно?
Якъ-небудь можна полюбыть:
Чы то чорнява, чы рудая,
Чы сироока, чы глухая,—
Зъ лыця жъ, мовлявъ, воды не пыть!
А въ ридъ багатый уступывшы
И вино добре получывшы,
То можна жыты, не тужыть!

Грыць.

Якъ вы, диду, парубковалы,
Не вже жъ такы вы выбиралы,
Що гирше и въ сели нема?

Дѣдъ.

Э, стыдно, Грицю, се казаты:
Мени таку случылось взяты,—
Була багата, чепурна.

—

Явленіе 7-е.

(*Тѣ же и Наумъ*)

Наумъ.

Добрый вечиръ, пане куме!

Дѣдъ.

Покорно дякувать, Науме!
Куды ходывъ и де ты бувъ?

Наумъ.

Де вже я бувъ, теперъ немае,
Да мылость твоя щось скучае—
Чого ты бровы такъ надувъ?

Дѣдъ (*вздохнувши*)

Та якъ ёго не надыматысь?
Тоби по правди якъ прызнатысь,
То ты надмешъ ще гиршъ менé.

Наумъ.

Якъ скажешъ, куме,—буду знаты,
Яку тоби пораду даты.

Дѣдъ (*качая головой*)

И вже, и вже, и вже!

—

Явленіе 8-е.

Тѣ же и Крутій.

Крутій (*скоро*)

Всимъ хрещенымъ вечиръ добрый!
Щобъ продлывся викъ вамъ довгый!
Мартынови, хрещеныку й куми,
Всимъ добрымъ людямъ и мени.

Дѣдъ (*почесавши голову*)

Здоровъ, Терешковычъ, садыся
Да вже, будь ласкавъ, потрудыся
Насъ тутъ зъ унукомъ розсудыть.

Крутій.

Мни розсудыти—
Такъ якъ налыты
Горилку чарку,
Зробыты справку;
Пью, не скрывлюся,
Дилъ не боюся,
Бо, розумъ маю,
Порядокъ знаю,
Якъ напысаты,
Куды послаты,
Якому пану,—
Пытать не стану.
Статутъ, указы
И вси прыказы,

Пункты, страныци,
Якъ на таблыци
Бачу очыма—
Не за плечыма—
Передъ собою,
Бо зъ головою.

Наумъ.

Голова справди не дурна,—
Другои въ насъ въ сели нема!

Дѣдъ.

Овва! А я? а ось моя?

Крутій.

Якъ очеретомъ або лозамы
Выхоръ крутыть, такъ и я вамы
Кручу, верчу, якъ захочу.

Дѣдъ.

Опричъ мене.

Крутій.

Да вже про тебе що й казаты!
Колы-бъ ты вмивъ ище й пысаты,
То бъ ты тоди... *(зашкаясь)*
Мартынъ, Мартынъ!..

Наумъ.

Высоко то-то не несысь,
Бо два не дурни зибралысь:
Не вдарымось лобомъ объ тынъ.

Дѣдъ.

Да тутъ и бидного нема.

Крутій.

Хиба жъ то бидный безъ ума?

Дѣдъ.

А якъ тоби воно здается?

Видкиль у бидныхъ умъ визьметься?
Скилько ихъ йе, то все дурни.
Того розумнымъ якъ назваты,
Що не умивъ добра прыдбаты?
Одни розумни тилько мы!

Крутій.

Якъ бувъ покійныкъ въ насъ Бида,
Послать бувало хоть куда:
Той, було, може доступыть
Хоть къ губернатору, въ палату.

Дѣдъ *(показывя на горло)*

Покынь ёго, Петро, ты къ кату:
Оттутъ у мене винъ сыдыть!

Крутій.

Скажы жъ, Мартыне, чымъ и якъ
Обрыдъ тоби Бида той такъ?

Дѣдъ *(слезно)*

Унукъ въ дочку ёго влюбывся,
И такъ изъ-дуру учепывся,
Що мовъ зовсимъ ришывсь ума.

Крутій.

Але жъ бо й дивчына, сказаты!
Хочъ мижъ паннамы пошукаты,
То кращои нигде нема!

Наумъ.

Напрясты, выткаты, пошыты,
А якъ що стане говорыты—
То зъ маслечкомъ словце плыве.

Горпына.

Уже до-правды, що дытына:
Розумна, тыха и учтыва,
Якъ макивка въ дивкахъ цвите!

Дѣдъ.

Да годи чорта вамъ хвалыты!
Що тамъ за нею получыты?
Бисъ-ма ничого—лышъ душа!
Отъ якъ дочка Головыная—
Хочъ трохы, кажуть, и глухая,
Але жъ червинцивъ зъ пивковша!

Крутій.

Такъ ты на гроши уповаешъ,
А души доброй не шукаешь?
Унука хочешъ утопыть?
Та якъ полино, такъ дурная,
Глуха, коса, ряба, рудая!

Грыць.

И оттаку мени любыть?

Дѣдъ (*къ Крутію съ плачемъ*)

Ну, що мени изъ нымъ робыть?

Крутій.

Оженыть!

Дѣдъ.

Кого?

Крутій (*показуя на Грыця*)

Уже жъ його!

Дѣдъ.

На кимъ?

Крутій.

На тимъ, кого Грыць любыть.

Дѣдъ.

То и мене, и честь погубыть!

Крутій.

Фамылья дуже именыта!
Куды пакъ къ чорту, яка честь!
Що клоччамъ голова набыта,
А смальцю въ неи мало есть.
Якъ вывесты тебе у-день
Та и поставыты на пень,
Рядномъ ще голову накрыты—
То бъ дворянынъ бувъ превелыкый!

Дѣдъ.

Схаменысь, Петре, що ты кажешъ?
Та ты жъ мою худобу знаешъ:
Стыдайсь до пня мене ривнять.

Наумъ.

Да що вже, куме, говорыты!
На що пустее городыты:
Ты жъ пакъ не панъ, правду сказать.

Дѣдъ.

Хочъ самъ не панъ, зъ панамы знаюсь,
Межъ ныхъ за ривню почытаюсь:
Усюды мисце мни даютъ...

Грыць.

Якъ гроши въ позыку беруть!
А якъ прыйдется выправляты,
То и по шыи гонять зъ хаты.

Дѣдъ.

Эй, блазню, не брешы!

Крутій.

А за обидъ хочъ разъ садылы?
Якъ полумыскы пидносылы?
А ну, будь ласкавъ, роскажы!

Дѣдъ.

Сего то, правда, не бувало,
А чаю пывъ я въ ныхъ немало;
Булы до чаю й калачи.

Крутій.

Та мисце все жъ коло порога.
А Бидыха онъ бачъ убога,
Такъ и неривня вже тоби!
Ище трывай, настане часъ:
Бидыха буде лучче насъ,—
Въ порога станешъ и у неи!

Дѣдъ.

Писля чого?

Крутій.

Писля того:
Онъ якъ прыиде братъ у гости;—
Я и письмо прывизъ ій съ почты.

Дѣдъ.

Одъ кого?

Крутій.

Одъ ій брата
Киндрата.

Дѣдъ.

То бувъ въ насъ первый волоцюга,
Чужый робитныкъ и пьянюга:
Може, пидъ тыномъ десь изгнывъ!

Крутій.

Винъ въ Чорноморіи старшымъ.

Дѣдъ.

Якымъ?

Крутій.

Такымъ:
Винъ ійськовымъ тамъ старшыною,
То вже не ривня зъ головою:
За поясъ васъ обохъ заткне!

Дѣдъ.

Письмо прыславъ же винъ якее?

Крутій *(вынимая письмо)*

Кругомъ, якъ бачышъ, золотее.

Дѣдъ.

Що жъ, ты його ще не оддавъ?

Крутій.

Ни, самъ, далеби, не чытавъ.

Дѣдъ.

А ну, якъ бы то прочытаты!

Крутій.

Неможна жъ, бачъ, печать ламаты.

Грыць.

Та ну вже, тату, прочытайте!

Крутій.

(Ломаетъ печать и читаетъ):

Любезная моя сестра!
Теперъ я зъ військомъ блызъ Днипра,
Держу кордоны одъ Кыгаю,
Та жаль, що кони не пьють чаю,
А якъ по правди росказать,
То тутъ ёго стогы стоять;
А що червинцивъ—якъ вивса

Козакы роблять чудеса:
Срибло лопатами гребуть,
А пьятакивъ и не беруть;
Кармазыну штука за рубъ,
А сахарю—пивкопы пудъ.
У день у насъ прыказы строги,
Заняти вiйськомъ вси дорогы,
А ничъ—то маты усёму.
Всюды разiиздъ и филиманты,
Трещать возы видъ контрабанды,
То по сёму ты можешъ знать,
Скилько худобы мигъ набрать.
Гляды жъ, сестра, и памятай:
Дочкы ты замижъ не давай,
Бо я, зминывшыся зъ гряныци,
И йшовшы мымо до столыци,
Зайиду въ гости побувать,
И хочу васъ обохъ забрать.
Якъ я старый и нежонатый,
Худобу хочу iй оддаты.
А женыха найду такого:
Якъ не самого кошового,
То асавулу, старшыну,
Але вже буде у чыну
И соби козакъ не въ жартъ;
Тилько, чуешъ, робы такъ.
Зостаюсь твiй ридный братъ
Пархоменко Киндратъ.

Дѣдъ *(весело)*

Де жъ той Кытай?
Въ якiй винъ край?
Скажы, будь ласкавъ, рады Бога:
Яка у той Кытай дорога?
Чы винъ далеко видсиля?
Пишовъ бы, може, туды й я.

Крутiй.

Я самъ въ Кытаю не бувавъ,
А такъ скажу, якъ самъ чувавъ,
Якъ губернаторъ мни казавъ.

Дѣдъ.

Ты жъ губернатора де выдавъ?

Крутiй.

Якъ прошлый годъ некрутъ здававъ.

Дѣдъ.

А ну-жъ якъ?

Крутiй.

А отъ такъ:
Якъ видсиль,
Та зновъ видтиль,
Зъ Дону на Крымъ,
Да черезъ Рымъ,
На Цареградъ,
Та зновъ назадъ,
Мынуя двиръ,
Та зновъ видтиль
У бикъ звернуть,—
То буде путь.

Наумъ.

Ось бачъ, Мартыне, якъ далеко!

Дѣдъ.

Дойихаты туды не легко!

Крутiй.

То-то бо наша и бида,
Що винъ не близько видсиля,
А то-бъ мы вси пiйшлы туда!
Тилько жъ Киндратъ,
Кулынынъ братъ,
Нажывшысь тамъ,
Зайиде къ намъ
И навезе сёго—того
Сестри всёго;
Тоди Бидыха,
Забувшы лыха,
Губу надме
Протывъ тебе!

Дѣдъ.

Петро Терешковычъ, якъ бы?..

Крутій.

Чого?

Дѣдъ.

Ожены ты намъ його.

Крутій.

Пысьмо оце якъ ій зъясныть,
То въ поле витра йды ловыть:
Теперъ Бидыха такъ глядыть.
(*Закрываетъ пальцами глаза*).

Дѣдъ (*кланяясь*)

Петро Терешковычъ, ты жъ свій,
Хрещеный батько для ёго:
Ну, будь прыятель вично мій:
Стать въ помощь оженыть ёго!

Крутій.

Якъ?

Дѣдъ.

Такъ:
Иды,
Впады,
Просысь,
Молысь,
Хочъ тамъ и въ ногы поклонысь:
Скажы, що я свою худобу маю,
Одъ неи вина не бажаю.

Крутій.

Ты добрую натуру маешъ:
Одъ неи вина не бажаешъ;
Та що вона буде казать,
Якъ стану ій пысьмо чытать?

Дѣдъ.

Пысьма не треба ій казаты,
Можна ёго тутъ и порваты.

Крутій.

Поступокъ сей, Мартыне, важный;
Я, знаешъ, чоловикъ прысяжный:
Душею дурно грихъ крывыть.

Дѣдъ.

А хиба треба заплатыть?

Крутій.

Достанется платыть мени
Військовому старшыни,
По сыли бачъ почтовыхъ правъ,
Якъ гласыть на се уставъ:
Хто пысьмо изъ почты бравъ,
Кому треба не оддавъ,
Бумажкамы двадцять пять
Штрафу изъ ёго зодрать.

Дѣдъ.

Пьятьдесятъ я можу дать!

Крутій.

Тоди де тебе шукаты,
Якъ погонять мене зъ хаты?
Перше треба получыть
Да и къ дилу прыступыть.

Дѣдъ.

Якъ?

Крутій.

Такъ:
Що такого-то чысла,
Якъ метелыця несла,
Зъ миста йихавъ въ село я,

Та зъ-лыха соби напывшысь,
И зъ дорогы ничью збывшысь,
Трохы-трохы не пропавъ
И пысьмо, що зъ пошты бравъ,
Нехотячы потерявъ.
За що пенныхъ двадцять пять
У судъ маю честь послать.

Дѣдъ (*доставъ бумажникъ*).

Колы такъ, то на, возьмы,
Та никому не кажы.

Крутій.

Эй, Мартыне, брать боюся:
Що, якъ штрафомъ не одкуплюся!
Щобъ бачъ, мени,
За васъ въ тюрми
Та не сыдить,
Въ викно глядить.

Дѣдъ (*до Грыця*).

Чого жъ стоишъ ты, якъ той пень?
Не хочешъ бачъ просыть людей?

Грыць.

Та йдить-бо, тату, я молюся,
Бо я безъ васъ не оженюся.

Крутій.

Ну, шукайте буханця:
Пійдемъ сватать молодця.
(*Дѣдъ садится, Горпына подаетъ хлѣбъ и садится возлѣ дѣда. Грыць кланяется и, взявши отъ дѣда хлѣбъ, подаетъ Науму*).

Крутій (*поетъ*).

Теперъ, якъ хлибъ въ рукахъ мы маемъ
И рушныкивъ вже дожыдаемъ,
Годи, тату, квакать:
Ходимъ Любку сватать!

(*Наумъ и Крутій уходятъ, а за ними и Горпына*).

Дѣдъ (*одинъ, смотря на письмо*).

Такъ-то мій батько поскупывся,
Що я малымъ пысьма не вчывся;
Теперъ никого бъ не прохавъ:
Разивъ бы симъ ёго чытавъ.
(*Поетъ*) Щастье щастья бачъ шукае,
Гроши до грошей летять;
Выдно, Богъ мни помагае
Бильшъ худобы назбирать (bis).
Сватъ, вернувшись изъ гряныци,
Мни порадыть все тоди,
И не йшовши до столыци,
Все зоставыть тутъ мени. (bis)
Прывезе сюды возамы,
Що нигде буде и дивать,
Срибло, золото мишкамы,
Такъ тутъ буде и стоять. (bis)
На ти гроши мажъ чумацькыхъ
Справлю я, воливъ сто паръ,
И по тыхъ слидахъ козацькыхъ
Пошлю Грыця у Кытай. (bis)
Винъ, вернувшысь изъ Кытаю,
Прывезе мени всёго:
Кармазыну, шовку, чаю,
Не стратывшы ничого (bis).
Тоди паны зъ околыци
Рынуть гроши позычать,
Будуть купци изъ столыци
Въ Рихмахъ краму купувать (bis)
Я зъ купчыкивъ за копійку
По рублыку буду брать;
А зъ панивъ, якъ за горилку,
По дви грывни процентъ брать. (bis)

Познаёмывшысь зъ панамы,
Я добьюсь такы свого:
Грыцька выведу въ дворяне
И куплю ёму село (bis)
Стоить сотеньку втеряты,
То и въ судъ ёго прыймуть,
А якъ другу ще додаты,
То й чынокъ ёму дадуть!

(Уходитъ).

Дѣйствіе IV.

(Театръ представляетъ бѣдный домикъ Любчиной матери).

Явленіе 1.

Крутій, Наумъ, Кулына и Любка.

Кулына.

Прошу ласки васъ садытысь
И за слово не гнивытысь:
Вы знаете, я вдова,
Дивка въ мене молода,
Давать замижъ іи рано,
Рушныкивъ, хустокъ въ насъ мало;
А въ багатый двиръ оддаты,
Тамъ ій стануть дорикаты.

Наумъ.

А якъ бы була старою
И не гарная собою,
Грыць бы въ неи не влюбывся,
Я старистью бъ не трудывся.

Крутій (*къ Любкѣ*)

А ты, Любко, що намъ скажешъ?
Боронь Боже, якъ одкажешъ,
То Грыць далеби умре,
Бо такъ любыть винъ тебе!

Любка (*кланяясь*)

Що я маю вамъ казаты?
Я... я... я такъ якъ маты.

Крутій.

Що ще, Любко, говорыты?
Не матери,—тоби жыты.
Одно слово скажы мни:
Або ну-да, або хочъ ни!

Любка (*кланяясь*)

Ну-да!

Наумъ.

Зовы жъ, Любко, въ помичъ Бога,
Нашой старосты не мучъ:
Рушныкивъ шукай, небого!

Любка (*потупя глаза, кланяется*).

У матери жъ, дядьку, ключъ.

Крутій.

За се слово, що сказала,
Спасыби, Любко, тоби!
Праця, значыть, не пропала;
Ну, давай же руку мни (*протянувъ руку*)
(*Скоро*) Давай руку, и два слова:
Клянысь Грыценька кохать
И скажы вже, що готова
Дружыною ему стать.

(*Любка протягиваетъ обѣ руки*).

Кулына.

Ну-те, Терешковычъ, вже годи
Вамъ такъ до неи прыставать!
Въ дочкы моей немае воли:
Мое це дило ладъ давать.
Я за багатствомъ не гонюся
И у той двиръ давать боюся,
Де люде, бачъ, неривня намъ:
Старый Мартынъ дуже багатый,
Почне ій бидній докоряты:
Яке жъ жыття ій буде тамъ?

Наумъ.

То вже дивци такъ судылось
За багатого итыть;
Може, тоби и не снылось,
Що Грыць може полюбыть.

Крутій.

А що хлопець винъ хорошый,
То село все потвердыть;
Мае винъ доволи грошей,
Тоби може пособыть.

Наумъ.

А за бидного оддавшы,
Чимъ ты можешь надилыть?
Ничого въ себе не мавшы
Що ты будешъ зъ нымъ робыть?

Кулына.

Хиба жъ мало тыхъ найдутся,
Що кризь гроши слёзы льються,
И гиршъ бидного жыве?
Гроши щастя не прыносять;
Лучче биднисть нехай зносыть,
Нижъ клясты буде мене.

Крутій.

Мы давно вже говорылы
Изъ Мартыномъ объ сёму,
Дармо бъ сюды не ходылы,
Колы не вгодно се ему –
Уступыть въ ридню зъ тобою
На выбиръ воли ихъ виддать:
Грыць за твоей дочкою
Готовъ заразъ умирать.

Кулына (*пожимая плечами*)

Колы жъ правда, такъ и будь;
Тилько, чуешъ, не забудь:
Не стану хустокъ я давать,
Покы не прыйде сюды зять.

Крутій (*топнувши ногой, поетъ*).

Тилько бъ лыха и биды!
Эй, Грыцько, ходы сюды!
Спишы, сваха вже сокоче
Побачыты тебе хоче.

—

Явленіе 2.

Тѣ же и Грыць.

Грыць (*кланяясь*).

Добры-вечиръ! Чы здорови?
Четвергомъ витаю васъ.
Не гроши, вивци, не коровы
Завелы сюды всихъ насъ,
А лычко биле, бровы чорни
Тыха вдача, станъ моторный.
Я Любку вже давно кохаю
И одного прошу, бажаю:
Благословите зъ нею насъ!

Крутій.

Теперь бачыте, Кулыно,
Якъ Грыць любыть всей душой;
Любка буде зъ нымъ щаслыва.
Чого жъ спорыться зо мной?

Наумъ (*показуя на плечо*)

Велы вже рушныкивъ шукаты
И нымы насъ перевьязаты.

Крутій.

А я тоди вже путь найду,
Та свата й сваху прыведу.

Кулына.

Да якъ бы чого не було?

Крутій.

Писля чого?
Не бійся, титко, не журыся,
На мою совисть положыся.

Кулына.

Прошу жъ мылосты садыться,
Такъ старостамъ, якъ годытся.

Крутій.

Чого тамъ на сухо сыдиты
И на порожній стилъ глядиты?
Ставъ лышъ пляшечку горилкы,
За здоровье выпьемъ дивкы.

(*Кулына достаетъ бутылку водки, ставитъ закуску, потчуетъ старостовъ, а Любка выходитъ*).

Крутій (*тихо къ Науму*).

Я казавъ тоби, Науме:
Мене держысь, рыба буде!

Грыць.

Якъ поможе Богъ женытысь,
То пійду до васъ учытысь:
Де, що говорыть,
Якъ у старосты ходыть.

Явленіе 3.

(*Тѣ же и Любка съ дивчатами*).

Крутій.

Знайте, дивкы, що такее,
Зачимъ тепера вы у насъ?
Дило, бачыте, не пустее;
Не мынуло бъ воно й васъ.

Дѣвушки (*въ одинъ голосъ*)

Въ добрый часъ,
Щобъ се насъ
Хоть заразъ
Не мынуло.

(*Любка съ матерью уходятъ, а прочіе сидятъ молча*).

—

Явленіе 4.

Тѣ же и Любка съ матерью подносятъ на тарелкѣ рушныки. Грыць, получивши платокъ, кладетъ на тарелку нѣсколько монетъ, а Наумъ съ Крутіемъ въ одинъ голосъ:

Дай же Боже,
Усе гоже,
Дружно жыты,
Не тужыты,
Лыха и биды не знать
И волосъ сывыхъ диждать!

(*Грыць и Любка кланяются*).

Кулына.

Теперъ, Терешковычъ, сходите
Та сваху й свата попросите:
Нехай, будь ласкави, прыйдуть
Та вкупи сватання прыймуть.

(*Крутій перевязывается рушникомъ, кланяется и уходитъ*).

Наумъ (*къ Грыцю*).

Да й ты, Грыцьку, ще бъ сходывъ,
Сюды хлопцивъ попросывъ
Вечиръ сей повеселыть.
(*Кулынѣ*) Воны прыймуться гуляты,
А намъ чарку выпываты—
Веселійше буде пыть.

Грыць (*кланяется и уходитъ, а за нимъ и Любка съ дружками*).

—

Явленіе 5.

Тѣ же и дѣдъ съ Горпиною.

Дѣдъ и Горпына (*въ одинъ голосъ*),

Добрый вечиръ!

Кулына.

Покорно дякувать! (*цѣлуется*)
Въ добрый часъ!
Прошу васъ
Тутъ у насъ
Не стыдыться
И садыться.

(*Мартынъ съ Горпыною садятся*).

Дѣдъ (*осматривая сцену*).

Що давъ Богъ—
Охъ, охъ, охъ!

Крутій (*тихо къ дѣду*).

Эй, Мартыне, бережыся!
За секретъ крипко держыся:
Не спомынай про Кытай,
А то пропаде увесь чай!

Дѣдъ (*тихо Крутію*).

Ну, якъ дядько тамъ умре,
Погубыть зъ честью и мене!

Кулына.

Що? що? що?

Крутій.

То хотивъ сказать про те,
Що не думавъ такъ достаты
И рушныкы скоро взяты.

Дѣдъ.

Эге-ге!

—

Явленіе 6.

(*Тѣ же и Любка съ дивчатами. Любка подходитъ къ дѣду и цѣлуетъ*).

Дѣдъ (*облизавшись, тихо къ Науму*).

Чы вусы мои почорнилы?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

А щокы певно посьвижилы?

Наумъ.

Ни!

Дѣдъ.

Але жъ морщынъ, бачтся, нема?

Наумъ.

Чы не ришывся ты ума?

Дѣдъ.

Ни!

Наумъ.

Такъ що жъ се сталося тоби?

Дѣдъ.

А те:
Колы бъ ранишъ вона родылась,
Годивъ зъ десятокъ хочъ назадъ,
То бъ уже внуку не судылась,—
Мени достався бъ оцей кладъ.
Нема чого и говорыты!
Ну, якъ такои не любыты?
Укрутыть серця хочъ кому!
Тутъ и старый души не вчуе,
Вона безъ зилля прычаруе—
(*показавъ пальцемъ на лобъ*)
Не буде мисця тутъ уму!

Явленіе 7.

Тѣ же и Грыць съ парубками, кланяются и становятся въ углу.

Крутій.

А ну-те, хлопци, по-козацьки
Ударьте лышень гайдука,
По простому, а не по-лядськи!
А вы, дивчата, гопака!
Мы жъ будемо на те дывыться,
Якъ станете вы веселыться.

(Грыць подходитъ къ Любкѣ, беретъ ее за руку, за ними слѣдуютъ прочіе. Музыка играетъ; затѣмъ начинается пѣніе.

Хоръ.

Конецъ.

Нѣсколько разъ приходилось намъ слышать отъ старыхъ людей, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ одной изъ любимыхъ драматическихъ піесъ на домашнихъ спектакляхъ въ Лѣвобережной Малороссіи была какая-то оперетта „Любка“, которую считали принадлежащей перу И. П. Котляревскаго. Сколько мы ни пытались разыскать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой піесѣ, но ничего не могли найти ни въ печати, хотя-бы въ формѣ только упоминанія о ней, ни въ старыхъ рукописныхъ тетрадкахъ, ни даже въ изустныхъ разсказахъ. Въ настоящее время, уважаемый нашъ сотрудникъ, М. К. Чалый, доставилъ въ редакцію полный текстъ этой драматической піесы, переписанной имъ еще во времена своего студенчества, т. е. въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, и сообщилъ намъ о ней слѣдующія свѣдѣнія. „Въ 1837 году я, ученикъ 5-го класса Новгородсѣверской гимназіи—разсказываетъ М. К. Чалый—вступилъ въ семью лѣсничаго Алексѣя Алексѣевича Садовня, въ качествѣ репетитора

его трехъ сыновей, изъ коихъ Андрей—отецъ нынѣшняго профессора кіевскаго университета. Хотя, съ перемѣщеніемъ А. А. Садовня изъ Новгородсѣверска въ Остерскій уѣздъ, репетиторство мое кончилось, но, съ поступленіемъ моимъ въ студенты въ 1839 году, мои близкія отношенія къ его семейству возобновились, и я довольно часто посѣщалъ его резиденцію Сваромье, живописнѣйшее село на высокомъ берегу Днѣпра, окруженное лѣсомъ. Сколько мнѣ помнится, впервые „Любка“ появилась въ семействѣ Садовня не позже 1839 года; списалъ ее собственноручно самъ А. А. Садовень, не помню изъ какого оригинала, только знаю навѣрное, что списалъ онъ не въ Новгородсѣверскѣ, а въ Сваромьѣ. Вся семья лѣсничаго, не исключая и прислуги, знала наизустъ множество стиховъ изъ „Любки“; вообще-же, какъ я помню, она не пользовалась широкой извѣстностью, циркулируя лишь въ небольшомъ кругу знакомыхъ лѣсничаго, а именно: между чиновниками фаянсовой Межигорской фабрики“. Съ этой-то рукописи, принадлежавшей А. А. Садовню, и была въ началѣ 40 хъ годовъ переписана „Любка“ М. К. Чалымъ.

Такъ-какъ годъ назадъ мы получили мимолетное извѣстіе объ этой же піесѣ отъ П. Я. Литвиновой, то теперь, когда рукопись „Любки“ попала наконецъ въ редакцію, мы обратились съ просьбой къ П. Я. Литвиновой сообщить намъ все, что сохранилось въ ея памяти объ этой опереттѣ. Въ отвѣтъ на нашу просьбу, П. А. Литвинова любезно передала намъ слѣдующія воспоминанія, относящіяся тоже къ 40-мъ годамъ. „Свѣдѣнія мои о піесѣ „Любка“ весьма ограничены, такъ-какъ воспоминанія о ней относятся ко времени моего 10—12-тилѣтняго возраста, а именно къ 1844—46 годамъ. Ни во времени, ни въ мѣстѣ я ошибиться не могу, потому-что эти два года были временемъ, когда отецъ мой уже не находился на службѣ, и мы всей семьей жили возлѣ с. Землянки, въ 13 верстахъ отъ заштатнаго города Малаго Воронежа (переименованнаго потомъ въ мѣстечко), въ своемъ хуторѣ Теребени (глухов. у., Черниг. губ.). Въ старину и небогатые дворяне имѣли обычай „гостевать“ другъ у друга по нѣсколько дней, а такъ-какъ моя мать по

болѣзни не могла выѣзжать въ теченіе 2 лѣтъ, то у насъ часто для ея развлеченія собирались гости, и молодежь устраивала чтенія, считки и репетиціи. Спектаклей у насъ въ домѣ не бывало, а чтенія бывали очень часто, и такъ-какъ отецъ мой, Яковъ Яковлевичъ Бартошъ, былъ большой любитель литературы, поклонникъ Пушкина, а вмѣстѣ съ тѣмъ Квитки и Котляревскаго, то у насъ составлялось нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ: отецъ читалъ наизустъ отрывки изъ „Энеиды“ Котляревскаго, заставлялъ читать мою 8-лѣтнюю сестру разсказы Квитки-Основьяненка, читали „Евгенія Онѣгина“ и „Пиковую Даму“ Пушкина, и считывались, т. е. репетировали „Любку“. На такихъ-же вечерахъ случалось мнѣ бывать въ с. Черторіяхъ у Вербицкихъ. Помню, что въ с. Некрасовѣ у Лихошерстовыхъ происходили не только считки, но и спектакли, въ которыхъ принимала участіе бывавшая тамъ военная молодежь. Что именно ставили на этихъ спектакляхъ, я не помню, а считки „Любки“ хорошо помню и въ с. Некрасовѣ, присутствуя на нихъ постоянно; видѣть-же самый спектакль вблизи мнѣ не удалось за многочисленностью взрослой молодежи. Списки „Любки“ имѣлись, кромѣ моихъ родителей, у Вербицкихъ, Максимовичей, Лихошерстовыхъ, Подгаевскихъ. Въ настоящее время, насколько знаю, ни у кого изъ этихъ фамилій не сохранилось списка „Любки“.

Вотъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются пока у насъ о піесѣ „Любка“ отъ лицъ, бывшихъ современниками ея живой роли, какъ литературнаго произведенія, циркулировавшаго въ рукописяхъ болѣе полувѣка назадъ въ нашей Украинѣ. Что эта піеса составлена не позже 30-хъ годовъ, доказывается не только вышеприведенными справками М. К. Чалаго и П. Я. Литвиновой, но и нѣкоторыми мѣстами въ ней самой. Такъ напримѣръ: начальство въ уѣздѣ (повѣтѣ)—*комисаръ*, а въ волости—*голова*, т. е. точно такъ, какъ и въ повѣсти Гоголя „Майская ночь“; а должность комисаровъ существовала до 1838 г., до учрежденія Министерства Государств. Имуществъ, въ вѣдѣніе котораго отошли казенные поселяне, послѣ чего комисаровъ замѣнили *ок-*

ружные, а головъ—*старшины*. Кромѣ того, сельскій *дьякъ*, какъ видно изъ піесы, живетъ въ даровомъ помѣщеніи и получаетъ „*отъ міра роковщину*“; о казенномъ жалованіи не упоминается, а его сельскіе причты стали получать съ 1836-го года. Равнымъ образомъ, этого *дьяка* консисторское начальство можетъ сдать въ *солдаты*, а это было возможно лишь до *введенія штатовъ* для духовенства, т. е. до того-же 1836 г., когда причетники служили по найму отъ прихожанъ и часто попадали въ наборъ. Есть и еще одна черта, указывающая на приблизительное время написанія „Любки“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, *Крутій*, какъ и *Возный* въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“ Котляревскаго, ссылается на „Статутъ“, дѣйствіе котораго отмѣнено въ Малороссіи въ 1842 году. Что касается мѣста написанія піесы, то, конечно, оно—лѣвобережная Украина, такъ-какъ есть упоминанія о *бунчуковыхъ*, *вельможныхъ*, о *Шведчинѣ*.

Какъ можетъ легко замѣтить каждый, піеса „Любка“ написана не безъ вліянія музы Котляревскаго, но нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы приписать ее перу автора „Наталки-Полтавки“. Вѣрнѣе можно предположить, что эта послѣдняя послужила образцомъ для созданія первой. Прежде всего бросается въ глаза сходство въ строеніи стиха въ „Любкѣ“ и у Котляревскаго въ „Энеидѣ“; затѣмъ—обиліе русизмовъ, такъ свойственное Котляревскому, и наконецъ—сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ

„Грыць молодый и красывый,
Серцемъ добрый, неспесывый“—

очень напоминаетъ такой-же стихъ въ Наталкѣ-Полтавкѣ. Кромѣ того, вся піеса отличается большой наивностью въ своемъ построеніи, чего нельзя отрицать и въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“, и большимъ запасомъ сантиментализма, особенно въ рѣчахъ самой героини. Но не смотря на это, какъ въ піесѣ Котляревскаго, такъ и здѣсь, всѣ дѣйствующія лица изображены реально; особенно типиченъ дѣдъ *Мартынъ*, а также прекрасенъ и *Крутій*—

типъ тогдашняго мелкаго подъячаго, очевидно написанный съ натуры. Даже *дьякъ* съ его славянской рѣчью обрисованъ живо и согласно съ дѣйствительностью, а не шаржированъ, какъ это часто бывало въ старинныхъ піесахъ.

Печатая теперь піесу „Любку“ по рукописи, очевидно испорченной во многихъ мѣстахъ, мы желаемъ, во 1-хъ, сохранить для потомства одно изъ старинныхъ произведеній нашего украинскаго слова, а во 2-хъ, можетъ быть, вызвать къ опубликованію тѣ свѣдѣнія объ этой опереттѣ и авторѣ ея, которыя сохраняются пока еще въ памяти стариковъ въ нашей лѣвобережной Украинѣ и которыя могутъ пролить новый лучъ свѣта на наше, далеко еще неразъясненное, малорусское творчество въ первыя десятилѣтія заканчивающагося вѣка.

Ред

Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи?

I.

Ровно годъ назадъ на страницахъ нашего журнала мы должны были отмѣтить въ статьѣ нашей „Книжная рѣчь у малороссовъ и русиновъ“ [1]) фактъ нѣсколько неосторожнаго отношенія со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго къ вопросу о книжной рѣчи у малороссовъ и галичанъ, и особенно у послѣднихъ, благодаря тому, что мы не нашли въ критико-библіографическихъ замѣткахъ нашего ученаго слависта того чисто-академическаго пріема, на который мы вправѣ разсчитывать, когда беремъ въ руки ученое изданіе и читаемъ въ немъ строки, принадлежащія ученому профессору университета. [2]) Въ этой статьѣ нашей, мы главнымъ образомъ указываемъ на то, что вопроса о литературномъ языкѣ у даннаго народа нельзя рѣшить, стоя только на точкѣ зрѣнія филологической, т. е. опираясь на выводы науки языковнанія о томъ, представляетъ-ли рѣчь даннаго народа *языкъ*, или только *нарѣчіе*. Мы сказали тогда, что, во 1—хъ, вопросъ о *языкахъ* и *нарѣчіяхъ*, особенно въ примѣненіи къ такимъ боль-

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 1, стр. 134—142.

[2]) Университ. Извѣст. 1898 г. № 11. Т. Д. Флоринскій. «Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію.»

шимъ группамъ, какъ русская семья языковъ, далеко еще не установленъ твердо въ самой наукѣ филологіи; во 2—хъ, что исторія жизни народовъ не очень-то считается съ установленной филологами теоріей языковъ и нарѣчій и создаетъ такіе литературные языки, какъ верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, сербскій и словинскій, датскій и норвежскій, испанскій и португальскій, которые съ точки зрѣнія филолога могутъ быть признаны только *нарѣчіями*, и что поэтому, въ 3-хъ, вопросъ о правѣ народа на свою книжную рѣчь не можетъ быть рѣшенъ безъ справокъ съ науками соціальными. Исходя изъ этихъ положеній, мы, слѣдуя за проф. Т. Д. Флоринскимъ, обратились затѣмъ къ Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, чтобы показать, минуя вопросъ о языкахъ и нарѣчіяхъ, насколько справедливы тѣ упреки ученаго профессора, которые дѣлались имъ по адресу австрорусскихъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ за созданіе ими своей книжной рѣчи, и насколько осуществимы и даже основательны желанія нашего слависта видѣть тамъ русскій литературный языкъ примѣненнымъ къ ихъ культурной жизни. Эту мысль нашу, о невозможности примѣнить въ надлежащемъ видѣ книжную русскую рѣчь къ потребностямъ культурной жизни нашихъ ближайшихъ родичей въ Австріи, мы подробнѣе, опираясь на факты, развили въ другой нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи,“ [1]) гдѣ показали, что, при всемъ стараніи небольшого кружка лицъ въ Галиціи, изучающихъ русскій книжный языкъ, опыты самостоятельнаго писанія ихъ на этомъ языкѣ нужно признать очень неудачными, что̀ является вполнѣ естественнымъ, такъ-какъ исключительно книжное изученіе какого бы то ни было языка, безъ цѣлаго ряда необходимыхъ условій въ ежедневной жизни нашей, никогда не дастъ тѣхъ результатовъ, безъ которыхъ пользованіе языкомъ, не въ силу необходимости, а какъ своимъ роднымъ, будетъ только болѣзненнымъ коверканіемъ его. Опираясь на это, мы высказали положеніе, что единственно-правильный путь въ рѣшеніи австрорусами вопроса о книжномъ языкѣ есть тотъ, на который сту-

[1]) Кіевск. Стар. 1899 г., № 3, стр. 444—452.

пили они болѣе полустолѣтія назадъ, сначала довольно робко, а въ послѣднее время очень энергично, а именно—путь созданія и выработки своей книжной рѣчи, основанной на *своемъ родномъ фундаментѣ*.

Эти наши двѣ статьи вызвали цѣлый рядъ статей въ газ. „Кіевлянинъ", въ которыхъ не давалось по существу возраженій на вышеприведенныя наши положенія, а весь вопросъ сводился къ тому, что для галичанъ въ дѣлѣ созданія книжной рѣчи есть превосходный образчикъ—богатая русская литература, а они прибѣгаютъ къ какой-то *бѣдной малорусской*, при чемъ указано было, будто современная малорусская книжная рѣчь создается безъ всякихъ основъ, путемъ только выковыванія словъ и выраженій. Насколько основательны были эти замѣчанія, мы постарались указать въ нашей отвѣтной статьѣ „Подведемъ итоги" [1]).

Вотъ по какому поводу и при какихъ условіяхъ началась наша полемика по данному вопросу. Проф. Т. Д. Флоринскій долгое время прямого участія въ ней не принималъ, а за то выступили въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ возраженіями противъ насъ люди, привыкшіе къ вопросамъ серьезнымъ относиться не съ тѣмъ объективнымъ спокойствіемъ, какого требуетъ самое дѣло, а съ наскоками, ничего общаго съ наукой не имѣющими, и тѣмъ лишній разъ доказали правдивость нашихъ словъ, сказанныхъ въ нашей первой статьѣ: „Вопросъ это, съ одной стороны, чисто научнаго свойства, и казалось-бы—можетъ быть предметомъ спокойнаго, академическаго разъясненія; съ другой же стороны—слишкомъ жизненный, и вслѣдствіе этого переплетается постоянно съ тѣми теченіями жизни, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. А мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ самый глубокій интересъ къ данному вопросу неминуемо влечетъ къ ослабленію способовъ рѣшенія его, даже и въ исключительно-научной перспективѣ". Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ тотъ фактъ, который, параллельно съ этой полемикой, разыгрался совсѣмъ въ другомъ концѣ и въ которомъ принялъ посильное участіе и проф. Т. Д. Флоринскій, самъ

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 8, стр. 265—276.

признавшій это печатно. Мы имѣемъ въ виду печальной памяти инцидентъ съ рефератами галицкихъ ученыхъ на XI-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Такъ-какъ, съ одной стороны, этотъ инцидентъ очень хорошо долженъ быть извѣстенъ читателямъ, а съ другой—слишкомъ ужъ онъ непріятенъ и тяжелъ для того, чтобы на немъ опять останавливаться, то мы его совершенно не коснемся, а упоминаемъ только потому, что онъ, между прочимъ, побудилъ проф. Т. Д. Флоринскаго взяться за перо и помѣстить въ газ. „Кіевлянинъ“ рядъ обширныхъ статей, озаглавленныхъ „Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности“[1]). Статьи эти, какъ принадлежащія перу ученаго слависта, уже по одному этому представляютъ интересъ, и умолчать о нихъ мы не имѣемъ права, а кромѣ того, въ нихъ довольно часто упоминается наше имя, что́ невольно заставляетъ и насъ опять побесѣдовать публично о вопросѣ, живо насъ интересующемъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаемъ это, что вполнѣ соглашаемся съ слѣдующими словами почтеннаго слависта; „правильное, наиболѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса во всемъ его объемѣ можетъ быть достигнуто только послѣ всесторонняго, спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія его въ печати.“ Мы охотно готовы вѣрить искренности этихъ словъ, думая, что ученому профессору и не подобаетъ иначе относиться къ такимъ вопросамъ, и что тѣ мѣста въ его статьяхъ, которыя подаютъ иногда поводъ поставить знаки удивленія и подозрительнаго вопроса, есть ничто иное какъ lapsus linguae или calami.

Еще одно замѣчаніе. Такъ-какъ мы въ нашихъ статьяхъ вездѣ сторонились отъ вопроса о языкахъ и нарѣчіяхъ, считая что для даннаго спора это ровно никакого значенія не имѣетъ, а только можетъ запутывать его, то и теперь мы не будемъ его касаться, несмотря на то, что проф. Т. Д. Флоринскій много страницъ посвятилъ ему, какъ намъ кажется, для существа дѣла совершенно безплодно.

---

[1]) Кіевлянинъ, №№ 271, 272, 281, 287, 300, 304, 317, 318 331 и 332.

II.

Насколько намъ удалось понять схему разсужденій проф. Т. Д. Флоринскаго по вопросу о книжной малорусской рѣчи,—мы представляемъ себѣ ее въ слѣдующемъ видѣ: 1) вся русская семья представляетъ одну этническую единицу, раздѣляющуюся только на особи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои этнографическія отличія; 2) эта общность русской семьи выражается и въ единомъ русскомъ языкѣ (конечно—воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время), распадающемся на нарѣчія: великорусское, бѣлорусское, малорусское и *литературное русское*; [1]) 3) это литературное русское нарѣчіе создалось исторически, и въ него вошли и великорусское, и бѣлорусское, и малорусское нарѣчія; 4) въ виду этого нѣтъ надобности создавать особый литературный языкъ малорусскій; 5) нѣтъ нужды для Галицкой, Буковинской и Угорской Руси создавать свой малорусскій книжный языкъ, когда есть обще-русскій; 6) вотъ почему проф. Т. Д. Флоринскій считалъ себя въ правѣ протестовать не только методомъ научнаго спора, но и иными путями противъ *попытки пропаганды* научнаго *украинсько-руськаго* языка на XI археологическомъ съѣздѣ.

Объ этомъ послѣднемъ правѣ проф. Т. Д. Флоринскаго—повторяемъ—мы говорить не будемъ, т. к. это *право* касается вопросовъ этики, вопросовъ довольно щекотливыхъ. [2]) Относи-

---

[1]) Для того, чтобы не было недоразумѣній, приведемъ подлинныя слова автора: «подъ именемъ *русскаго языка* въ наукѣ разумѣется цѣлая группа близко родственныхъ діалектическихъ единицъ, которыя естественно назвать русскими нарѣчіями, а именно—нарѣчія великорусское, бѣлорусское, малорусское и книжное обще-русское. (Кіевл., № 272).

[2]) Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы умолчимъ объ этомъ фактѣ, что по поводу его совершенно опредѣленно высказались уже такіе два наши авторитетные журнала, какъ «Вѣстникъ Европы» (№ 11) и «Русская Мысль» (№ 12).

тельно-же всѣхъ первыхъ пунктовъ мы позволимъ себѣ побесѣдовать отдѣльно о каждомъ, но предварительно скажемъ два слова объ общей схемѣ. Повидимому, она очень логична, если не вдумываться въ детальное обоснованіе каждаго изъ отдѣльныхъ положеній. Это ясно станетъ, какъ только мы попробуемъ передвинуть эту схему нѣсколько выше, а именно: 1) вся славянская семья представляетъ тоже одну этническую единицу; 2) эта общность славянской семьи выражается и въ единомъ славянскомъ языкѣ (конечно—тоже воображаемомъ, а не дѣйствительномъ въ настоящее время, т. е. славянскомъ праязыкѣ, котораго не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій), распадающемся на многія славянскія нарѣчія: русское, польское, чешское, болгарское и пр. Но вотъ тутъ-то и точка. Казалось-бы, дальше нужно признать неосновательность созданія отдѣльныхъ славянскихъ *книжныхъ нарѣчій*, а между тѣмъ тутъ и самый упорный представитель логической прямолинейности въ настоящее время спасуетъ, т. к. вопросъ о единомъ славянскомъ языкѣ можно считать брошеннымъ навсегда. А отчего? Это мы и постараемся выяснить, перейдя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ пунктовъ въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго.

III.

Спорить противъ того, что вся русская семья представляетъ изъ себя одну этническую особь, мы не станемъ, какъ—увѣрены въ томъ—не станетъ спорить никто противъ тѣхъ истинъ, которыя стали ходячими среди людей образованныхъ. Не возражалъ противъ этого и нашъ журналъ, а равнымъ образомъ и уважаемый сотрудникъ его К. П. Михальчукъ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ и при какихъ условіяхъ распадается эта этническая особь на разныя этнографическія единицы. Дѣленіе русской семьи на три такихъ единицы—тоже общепризнанная истина: великорусская, малорусская и бѣлорусская группы русскаго народа есть три вѣтви одного дерева, изъ которыхъ каждая характеризуется, кромѣ многоразличныхъ бытовыхъ чертъ,

еще и своимъ языкомъ (нарѣчіемъ)—великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ, т. е. языками, имѣющими совершенно опредѣленную свою этнографическую физіономію. Но вотъ чего мы не можемъ понять: какъ проф. Т. Д. Флоринскій не чувствуетъ нарушенія принципа логическаго дѣленія понятія, когда въ члены дѣленія вводитъ, сверхъ этихъ трехъ группъ, еще четвертую—*книжное обще-русское нарѣчіе*. Напомнимъ почтенному профессору основныя правила логическаго дѣленія, вошедшія во всѣ элементарные учебники логики: 1) при одномъ и томъ же дѣленіи необходимо примѣнить одно и то же основаніе дѣленія; въ противномъ случаѣ дѣленіе будетъ сбивчиво; 2) члены дѣленія, вмѣстѣ взятые, должны равняться объему дѣлимаго понятія. Если мы проанализируемъ дѣленіе, предлагаемое Т. Д. Флоринскимъ, то увидимъ, что *три нарѣчія*—великорусское, малорусское и бѣлорусское—являются членами дѣлимаго понятія (русскій языкъ) по одному принципу дѣленія—*по этнографическимъ языковымъ отличіямъ*, подобно тому, какъ дѣленіе русскихъ людей *по сословіямъ* даетъ въ результатѣ опредѣленныя сословныя группы: дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и пр; если мы возьмемъ сумму этихъ трехъ нарѣчій, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе — русскій языкъ, какъ равно—если возьмемъ сумму отдѣльныхъ сословныхъ единицъ, то получимъ цѣлое дѣлимое понятіе—русскіе люди. Но если бы мы попробовали сказать, что русскіе люди дѣлятся на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ... и *богачей*, то сразу станетъ яснымъ, что здѣсь нарушено правило дѣленія введеніемъ въ члены его одной группы, выдѣляющейся совсѣмъ по другому основанію. Совершенно такой же логическій промахъ допускаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, вводя четвертый членъ дѣленія—*общерусскій книжный языкъ*, принадлежащій совсѣмъ къ иной категоріи. Въ чемъ-же однако здѣсь дѣло? Объяснимся.

Сложная этническая единица, распадающаяся на отдѣльныя вѣтви, какъ обще-этнографическія, такъ въ частности и языковыя, при извѣстныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, можетъ создать постепеннымъ ходомъ развитія своей

культуры *единый для всѣхъ книжный языкъ*, разрабатывающійся при равномѣрномъ участіи въ созданіи своемъ всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей,—и тогда мы получимъ *искусственно созданный языкъ*, который никакъ не можетъ считаться *новымъ членомъ дѣленія* въ понятіи этой этнической единицы, т. к. каждый говорящій этимъ языкомъ не перестаетъ называться именемъ той этнографической вѣтви, къ которой онъ принадлежитъ. На томъ основаніи, напримѣръ, что создался обще-французскій книжный языкъ, не установилось названія, параллельно съ провансалецъ, *книжный французъ*, какъ представитель новой этнографической вѣтви; если-же и существуетъ вообще терминъ *французъ*, то какъ родовое понятіе, безотносительно къ книжному французскому языку. Но если мы сказали выше, что *можетъ создаться*, единый для всѣхъ группъ книжный языкъ, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что онъ *долженъ создаться*, такъ-какъ, при всей искусственности этого созданія, играютъ громадную роль тѣ условія, въ которыхъ живетъ каждая изъ отдѣльныхъ вѣтвей, благодаря чему мы видимъ, что наравнѣ съ *испанскимъ* создался *португальскій* книжный языкъ, наравнѣ съ *датскимъ* создался *норвежскій*, наравнѣ съ *сѣверно-русскимъ* въ XVI и XVII вѣкахъ создался *юго-западно-русскій*, да и теперь—наравнѣ съ *русскимъ книжнымъ* создался (преимущественно въ Галиціи) *малорусскій книжный языкъ*. Этотъ послѣдній, съ точки зрѣнія проф. Т. Д. Флоринскаго, можетъ быть и очень плохъ, но все-же онъ есть, а въ такомъ случаѣ нашъ ученый славистъ сдѣлалъ-бы меньшую логическую ошибку, если-бы прибавилъ еще и пятый членъ дѣленія—*книжный малорусскій языкъ*. Мы пока не говоримъ о томъ, на законномъ-ли основаніи это дѣлается, или нѣтъ, хорошо это или скверно, а говоримъ только, что фактъ такой существуетъ, а разъ онъ существуетъ, считаться съ нимъ нужно.

Этимъ мы и считаемъ возможнымъ покончить въ нашемъ спорѣ съ путанымъ вопросомъ о нарѣчіяхъ, такъ-какъ совсѣмъ другія стороны затронуты самимъ профессоромъ Т. Д. Флоринскимъ, а онѣ намъ кажутся болѣе существенными для дѣла. Пока что, выводъ нашъ таковъ: *единый русскій языкъ*

распадается *этнографически* на три нарѣчія (языка)—*великорусскій*, *малорусскій и бѣлорусскій*; жизнь въ этихъ трехъ вѣтвяхъ создала пока *два книжныхъ* языка—*русскій* и *малорусскій*. Надо теперь разсмотрѣть, какъ она ихъ создала.

IV.

Много мѣста удѣлено въ статьяхъ проф. Т. Д. Флоринскаго выясненію того, что такое *общерусскій литературный языкъ* и кикъ онъ образовался. Мы сразу отбросимъ всѣ тѣ строки, въ которыхъ очень воодушевленно авторъ трактуетъ о величіи этого языка, о его распространенности, о его извѣстности и уваженіи у величайшихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, и пр. Отбросимъ мы ихъ не потому, что не раздѣляемъ мнѣнія автора, а именно потому, что считаемъ ихъ борьбой съ вѣтряными мельницами: никогда и никто не отрицалъ всего этого, а лично о себѣ мы можемъ сказать, что эти-же взгляды мы совершенно опредѣленно высказали въ нашихъ прошлыхъ статьяхъ, когда, между прочимъ, совѣтовали галичанамъ изучать блистательно разработанный русскими писателями книжный языкъ, что̀ поможетъ имъ поставить и свою культурную рѣчь на надлежащую высоту. Правда, проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ удобнымъ для себя заподозрить насъ въ искренности сказанныхъ нами словъ, но мы, оставляя на совѣсти ученаго профессора эту подозрительность, скажемъ опять, что совѣтъ такой идетъ у насъ отъ чистаго сердца, такъ-какъ мы убѣждены вообще въ пользѣ изученія галичанами русскаго книжнаго языка, главнымъ образомъ не въ видахъ усвоенія его себѣ, что мы считаемъ невозможнымъ, а съ цѣлью болѣе гармоничнаго развитія своей книжной рѣчи. Скажемъ болѣе того: настолько-же искренно желаемъ галичанамъ изучать русскій языкъ, насколько искренно посовѣтовали-бы и нашему ученому слависту получше изучить малорусскій народный и книжный языкъ, чтобы не впадать въ тѣ ошибки, на которыя намъ придется указывать ему впереди.

Итакъ, споръ о достоинствахъ русскаго литературнаго языка мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, лишнимъ. Но признаніе этихъ достоинствъ совсѣмъ не ведетъ къ тому выводу, который категорически поставленъ проф. Т. Д. Флоринскимъ: „фактъ этническаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа самъ по себѣ, независимо отъ политическихъ причинъ и обстоятельствъ, предполагаетъ единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ литературномъ и образованномъ языкѣ". Мы понимаемъ, что можно высказывать желательность такого единенія, хотя и это вопросъ спорный, какъ мы сказали и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ; но отъ желательности до возможности, при томъ при условіи полной естественности такого единства, остается громадный шагъ. Для того, чтобы эта желательность стала осуществимой, нужно имѣть три условія: 1) чтобы слишкомъ незначительны были какъ лексическія, такъ, главнымъ образомъ, фонетическія и морфологическія отличія въ языкахъ каждой этнографической единицы; 2) чтобы создаваемый единый книжный языкъ по возможности равномѣрно воспринималъ въ себя всѣ характерныя черты въ языкѣ каждой такой единицы; 3) чтобы всѣ формы государственной, общественной и домашней бытовой обстановки были приблизительно однородными, но не искусственно или даже насильно привитыми, а вполнѣ естественно, такъ-сказать по природѣ. Проф. Т. Д. Флоринскій кое-что изъ этихъ положеній пытается доказывать, но, какъ намъ кажется, методомъ далеко не научнымъ, а скорѣе—пріемомъ гостинныхъ разговоровъ. Къ чему, напримѣръ, ученому профессору понадобилось очень сжатое изложеніе тысячелѣтней исторіи въ развитіи русскаго языка, съ перечисленіемъ тѣхъ фактовъ, которые въ любомъ гимназическомъ учебникѣ можно найти гораздо болѣе разъясненными? А исключительно къ тому, чтобы на основѣ этихъ общихъ фразъ построить слѣдующій выводъ: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ *нужно считать* плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа; онъ созданъ общими усиліями всѣхъ его вѣтвей и потому составляетъ для всѣхъ ихъ одинаково дра-

тоцѣнное достоинство". А между тѣмъ то, что должно было-бы составить гвоздь въ разъясненіи вопроса о русскомъ литературномъ языкѣ для данного случая, обойдено у ученаго слависта слѣдующей фразой: „доказывать вѣрность этихъ положеній путемъ анализа самого литературнаго языка и въ частности опредѣлить удѣльный вѣсъ вошедшихъ въ него стихій, малорусской и бѣлорусской—едва-ли удобно въ настоящей статьѣ общаго характера". Безспорно, мы соглашаемся съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, что въ газетныхъ статьяхъ неудобно подымать такую тяжелую артилерію, какъ доказательство вышеназванныхъ пунктовъ, но, во 1-хъ, для ученаго слависта открыты тѣ научныя изданія, въ которыхъ удобнѣе вести споръ по подобнымъ вопросамъ, а во 2-хъ—безъ доказательства этихъ пунктовъ, ссылки даже на такой авторитетъ, какъ проф. В. И. Ламанскій, все-же не могутъ быть настолько убѣдительными, насколько убѣждаютъ насъ факты. Вотъ къ этимъ-то фактамъ мы и обратимся, исходя изъ трехъ положеній, поставленныхъ нами выше.

Можно-ли признать, что отличія лексическія, фонетическія и морфологическія въ малорусскомъ нарѣчіи сравнительно съ великорусскимъ слишкомъ незначительны для того, чтобы имъ удобно было сойтись въ единомъ книжномъ языкѣ? Напередъ оговариваемся, что сразу устраняемъ тотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, воторый такъ излюбленъ многими, и между прочимъ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а именно: не смотря на многія существенныя отличія въ нихъ, все-же оба эти языка есть вѣтви одного *общаго русскаго языка*. Какъ видѣлъ уже читатель, мы этого не отрицаемъ, но вращаться въ этой только области —значитъ повторять сказку про бѣлаго бычка. Для насъ важно, что, при этой общности, существуетъ громадная масса отличій, и отличій существенныхъ, особенно въ фонетикѣ и морфологіи, а—повторяю еще одинъ разъ—на нихъ то и устанавливается основной камертонъ искусственно вырабатываемаго книжнаго языка. Лексика здѣсь не такъ важна, потому-что, при употребленіи одного и того-же слова въ двухъ языкахъ, основа его окажется совершенно тождественной, а фонетическія и морфо-

логическія частности разойдутся въ разныя стороны. Такъ напр: слово *горохъ* одинаково употребительно въ обоихъ нарѣчіяхъ, но въ великорусскомъ оно при склоненіи вездѣ сохранитъ гортанный звукъ *х—въ горохѣ*, въ малорусскомъ-же обратитъ этотъ гортанный *х* въ *с—въ гороси*; слово *рѣчка* даетъ тоже формы различныя: *въ рѣчкѣ*—великорус., *въ ричци*—малорус.; на чемъ-же сойдутся эти двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга формы при созданіи единаго книжнаго языка? Естественно, что одна другой должна уступить; а будетъ-ли въ такомъ случаѣ равномѣрное сліяніе двухъ вѣтвей одного дерева въ искусственно созданномъ книжномъ языкѣ? Мы взяли для иллюстраціи одинъ мелкій фактъ; но вѣдь такихъ фактовъ сотни, и всѣ они хорошо извѣстны не только проф. Т. Д. Флоринскому, какъ ученому слависту, но всѣмъ маломальски знакомымъ съ особенностями русскихъ основныхъ нарѣчій. Перечислять ихъ здѣсь—значило-бы повторять весь курсъ науки русской филологіи, чего, конечно, мы не станемъ дѣлать. Если же проф. Т. Д. Флоринскій по поводу этихъ фактовъ найдетъ какой-нибудь естественный выходъ изъ затрудненія при созданіи единаго книжнаго языка, и мы увидимъ всю возможность осуществленія его, то охотно признаемъ теорію единаго книжнаго языка не только для русскихъ нарѣчій, но и для всѣхъ славянскихъ, а пожалуй даже и для всего человѣчества. Мы предвидимъ возраженіе, что всегда при созданіи единаго книжнаго языка одно изъ нарѣчій беретъ перевѣсъ надъ другими, какъ этого не отрицаетъ и проф. Т. Д. Флоринскій, говоря, что при созданіи русскаго книжнаго языка великорусская стихія возобладала; но мы спросимъ далѣе: если въ одномъ пунктѣ одно нарѣчіе уступило другому, въ другомъ, третьемъ и т. д. включительно до сотаго,—то въ результатѣ какой-же, значитъ, получится книжный языкъ? Мы могли-бы понять общность книжнаго языка, если-бы увидѣли, что одно нарѣчіе уступило другому въ одномъ пунктѣ, но за то получило уступку въ другомъ, и это пошло-бы во всѣхъ частяхъ равномѣрно,—тогда, дѣйствительно получился-бы *искусственный средній книжный языкъ*, да только этотъ языкъ сталъ-бы такимъ

разношерстнымъ, съ такимъ отсутствіемъ единой гармоніи, что все величіе и значеніе его стало-бы очень сомнительнымъ. Къ чести русскаго книжнаго языка нужно сказать, что онъ не пошелъ по этой разношерстной дорогѣ, а начиная съ конца прошлаго столѣтія все болѣе и болѣе стремится къ принятію единой своей физіономіи, понемногу устраняя изъ себя и цѣлый, громадный пока еще, запасъ варваризмовъ.

Разсмотримъ теперь второе изъ высказанныхъ нами положеній при созданіи единаго книжнаго языка, т. е. *создаваемый единый книжный языкъ долженъ по возможности равномѣрно воспринять въ себя всѣ характерныя черты изъ языковъ каждой отдѣльной единицы.* Что въ этомъ случаѣ представляетъ собой литературный русскій языкъ? Проф. Т. Д. Флоринскій, отвѣчая на этотъ вопросъ, ограничивается, какъ мы уже сказали, только указаніемъ тѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, что, начиная съ Петровской эпохи, идетъ постепенное сліяніе двухъ книжныхъ русскихъ языковъ, называемыхъ имъ *восточно-русскимъ* и *западно-русскимъ*, въ одинъ обще-государственный русскій языкъ, поводомъ къ чему послужило политическое единеніе двухъ русскихъ областей при Алексѣѣ Михайловичѣ (этого факта забывать никакъ нельзя). Сліяніе это закончилось—говоритъ авторъ—тѣмъ, что „великорусское нарѣчіе (преимущественно московскій его говоръ) заняло первенствующее положеніе въ ново-русскомъ образованномъ языкѣ, опредѣливъ его типъ главнѣйше въ звуковомъ отношеніи". Но—прибавляетъ далѣе авторъ—„помимо основной великорусской стихіи, нашъ образованный языкъ принялъ въ себя не мало стихій изъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ". Вмѣсто указанія дѣйствительныхъ фактовъ этого воспринятія, проф. Т. Д. Флоринскій далѣе приводитъ имена тѣхъ ученыхъ и поэтовъ, которые, будучи лицами южнорусскаго происхожденія, писали на этомъ новообразовывавшемся языкѣ. И вотъ это послѣднее, какъ уже нами подчеркнуто выше, даетъ ему право сказать: „такимъ образомъ, современный русскій литературный и образованный языкъ нужно считать плодомъ многовѣковой культурной работы передовыхъ людей всего русскаго народа".

Но бросимъ, многоуважаемый профессоръ, говорить избитыми гостинными фразами, а поговоримъ лучше фактами!

Много лѣтъ тому назадъ одна личность, занимавшая высокое административное положеніе, обратилась лично къ намъ съ такимъ вопросомъ: „вѣдь не правда-ли, современный русскій литературный языкъ заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ русскихъ нарѣчій, и въ него вошли въ большомъ количествѣ и особенности малорусскія?“. На такой вопросъ обыкновенно ограничиваются отвѣтомъ, ровно ничего не означающимъ: „да, конечно! вѣдь и Гоголь, и Гнѣдичъ, и Гребенка принимали участіе въ созданіи русской литературы!“ Къ счастію, особа, о которой мы говоримъ, немедленно, не ожидая нашего отвѣта, предложила намъ дальнѣйшій вопросъ: „не можете-ли указать какихъ-нибудь примѣровъ малорусской стихіи въ русскомъ книжномъ языкѣ?“ Вопросъ этотъ, поставленный такъ опредѣленно, не далъ намъ возможности отдѣлаться общефразіемъ, и мы принуждены были поискать иного отвѣта. Вотъ онъ: если большая рѣка принимаетъ въ себя воды своихъ притоковъ, то непремѣнно въ составѣ ея воды есть элементы приточные, которые, путемъ тщательнаго анализа, пожалуй можно и отыскать; но книжная русская рѣчь до такой степени поглотила въ себѣ особенности частныхъ малорусскихъ элементовъ, что мы отказываемся отыскать, что именно малорусское, кромѣ участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ созданіи литературнаго направленія, сохраняется въ теперешней русской рѣчи. Позвольте-же, многоуважаемый профессоръ, и намъ теперь предложить такой-же точно вопросъ, разбивши его для удобства отвѣта по частямъ: 1) какія фонетическія черты малорусской рѣчи отразились въ книжномъ русскомъ языкѣ, и въ какой степени? 2) какія морфологическія черты этой рѣчи имѣются тамъ? 3) много-ли спеціальныхъ малорусскихъ словъ вошло въ составъ книжнаго русскаго языка? Мы утверждаемъ, что все характерное въ малорусской фонетикѣ, морфологіи и лексикѣ отсутствуетъ въ книжномъ русскомъ языкѣ—и прибавимъ даже, что это совершилось къ несомнѣнной пользѣ для русской лите-

ратурной рѣчи. Что-же касается участія талантливыхъ писателей изъ малороссовъ въ русской литературѣ, то фактъ этотъ, какъ отлично долженъ знать проф. Т. Д. Флоринскій, ничего общаго не имѣетъ съ созданіемъ книжнаго языка: вѣдь всѣ эти лица проходили государственную школу, въ которой изучали общегосударственный языкъ, при чемъ эта школа стремилась всѣми средствами уничтожить въ ихъ говорѣ мѣстныя черты малорусской рѣчи; и вотъ, будучи отъ природы талантами, съ запасомъ русской книжной рѣчи, они пошли далѣе по пути творчества литературнаго, иногда даже на свои родныя темы, но исключительно на языкѣ не своемъ, а обще-государственномъ. Какъ все это происходило еще въ 18-мъ вѣкѣ, проф. Т. Д. Флоринскому должно быть извѣстно; если-же онъ позабылъ дѣйствительную картину постепенной утраты малороссами-писателями своей малорусской рѣчи, то пусть онъ прочтетъ печатаемыя теперь въ нашемъ журналѣ статьи П. И. Житецкаго подъ заглавіемъ „Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея“, особенно-же главы, помѣщенныя въ №№ 11 и 12 минувшаго года.

Если даже при вышеуказанныхъ условіяхъ создается книжный языкъ съ исключительнымъ перевѣсомъ одной изъ языковыхъ группъ, но остальныя группы входятъ вмѣстѣ съ ней въ составъ одного государства, то мы совершенно понимаемъ тенденцію существованія одного общаго государственнаго языка, которому рѣшительно ничѣмъ не можетъ вредить существованіе и отдѣльныхъ книжныхъ языковъ, тѣмъ болѣе, когда они имѣютъ свою многовѣковую традицію. Такіе языки, удовлетворяя нуждамъ частнымъ для каждой отдѣльной этнографической особи, нисколько не уничтожаютъ возможности знанія и языка государственнаго, для чего свою службу должна сослужить правильно организованная школа. Впрочемъ, этого вопроса мы не будемъ разсматривать въ подробностяхъ, такъ-какъ онъ не вызывается сущностью нашей полемики съ проф. Т. Д. Флоринскимъ, а оставляемъ за собой право поговорить о немъ отдѣльно, преимущественно въ связи съ школьнымъ дѣломъ. Для насъ теперь

важно указать на этотъ пунктъ для того, чтобы естественнымъ явился переходъ къ третьему изъ высказанныхъ нами положеній относительно созданія единаго книжнаго языка, а именно: *всѣ формы государственной, общественной и домашней-бытовой жизни должны быть приблизительно однородными.* Но раньше чѣмъ перейти къ этому третьему пункту, мы должны еще сказать нѣсколько словъ по поводу замѣчаній проф. Т. Д. Флоринскаго, направленныхъ противъ участниковъ въ созданіи книжнаго малорусскаго языка и лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу вообще, а въ частности противъ насъ лично.

Проф. Т. Д. Флоринскому для его цѣлей понадобилось (см. № 287) разобрать въ частности вопросъ о малорусской литературѣ прежде и теперь, при чемъ онъ указываетъ, что прежде эта литература играла только роль *подлитературы* русскаго языка, а въ послѣднее время стремится „усвоить себѣ роль органа науки и высшей образованности для всего двадцатимилліоннаго малорусскаго или южно-русскаго народа". Послѣ этого въ статьѣ идетъ цѣлый перечень того, что, по мнѣнію нашего ученаго профессора, нужно признать чуть-ли не криминаломъ, какъ-то: „поборники этой литературы стремятся сдѣлать малорусскій языкъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшей, но даже въ средней и высшей школахъ, собираются деньги и предпринимаются другія хлопоты для основанія малорусскаго университета, въ которомъ всѣ науки должны преподаваться на этомъ-же языкѣ; еще энергичнѣе ведутся приготовленія по открытію украинсько-руською академіи наукъ; на малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ; развивается и малорусская публицистика", и пр., и пр. Мы не сомнѣваемся ни одной минуты въ томъ, что весь этотъ перечень сталъ извѣстенъ проф. Т. Д. Флоринскому, также какъ и намъ самимъ, изъ печатныхъ источниковъ и касается исключительно Галиціи, Угорщины и Буковины. Можно, конечно, быть различныхъ воззрѣній на эти явленія въ австро-русской жизни: можно быть и сторонникомъ ихъ, и противникомъ—это дѣло

убѣжденій. Проф. Т. Д. Флоринскій, исходя изъ своего, какъ мы старались доказать—ложнаго, положенія объ общерусскомъ языкѣ, сконцентрировавшемъ будто-бы въ себѣ всѣ русскія нарѣчія, настаиваетъ на томъ, что всѣ эти стремленія галичанъ къ созданію своего книжнаго языка не только не необходимы, но прямо таки вредны, величая въ этомъ случаѣ галицкихъ народниковъ за что-то *сепаратистами* (отъ кого? отъ чего?); мы же, опираясь на указанныя нами раньше сужденія о русскомъ литературномъ языкѣ и будучи убѣжденными въ невозможности примѣненія его къ галицкой жизни, отъ души радуемся, видя эту работу галичанъ, и тоже готовы ихъ назвать сепаратистами, но только примѣняя это слово болѣе логично, чѣмъ нашъ ученый славистъ, а именно—мы считаемъ ихъ сепаратистами отъ польскаго режима въ Галиціи, нѣмецкаго и румынскаго—въ Буковинѣ, и мадьярскаго—въ Угорщинѣ, режима, несомнѣнно могущаго оказать самое пагубное дѣйствіе на рѣшеніе тамъ русскаго національнаго вопроса. Отчего мы такъ думаемъ, мы постараемся разъяснить въ слѣдующей главѣ.

V.

Прекрасно въ общихъ чертахъ разсказано проф. Т. Д. Флоринскимъ положеніе малорусскаго населенія въ Австріи въ трехъ областяхъ—въ Галиціи, Угорской Руси и Буковинѣ (см. № 300), изъ чего видно, какая существуетъ въ этихъ областяхъ настоятельная надобность въ политикѣ борьбы за сохраненіе своихъ національныхъ правъ отъ притязаній сосѣдей, болѣе сильныхъ и численно, и по своему экономическому положенію. Прекрасный выводъ дѣлаетъ авторъ изъ этихъ нарисованныхъ имъ картинъ въ слѣдующихъ словахъ: „при такомъ положеніи дѣла, литературное единеніе Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ важнѣйшее средство защиты малорусской народности противъ господства чужеземныхъ началъ, должно опираться на возможно болѣе прочныхъ основаніяхъ, на хорошо выработанномъ, богатомъ литературномъ и образованномъ языкѣ, который съ

полнымъ правомъ можно было-бы противопоставить иноземнымъ образованнымъ языкамъ, заявляющимъ притязаніе на господство на территоріи малорусскаго народа". Только остается подписаться подъ этими строками и начать искать такого книжнаго языка, который, съ одной стороны, удовлетворялъ-бы этимъ требованіямъ по своей качественности, а съ другой — былъ-бы дѣйствительно возможнымъ въ примѣненіи къ дѣлу. Въ прежнихъ нашихъ статьяхъ мы доказывали фактами, что русскій книжный языкъ въ этомъ случаѣ сыграть такой роли въ Австріи не можетъ, благодаря многимъ причинамъ, повторять которыхъ мы не будемъ, а потому весьма естественно австро-руссы задались мыслію создать свой книжный языкъ, каковая работа и ведется ими нѣсколько десятковъ лѣтъ, и ведется—скажемъ мимоходомъ — хотя въ общемъ и успѣшно, но еще далеко не удовлетворительно.

Проф. Т. Д. Флоринскій находитъ, что, во 1-хъ, эти три русско-австрійскія области имѣютъ всѣ данныя для того, чтобы воспользоваться книжнымъ русскимъ языкомъ, а во 2-хъ— въ разработкѣ своего книжнаго малорусскаго языка совсѣмъ не нуждаются, и если дѣлаютъ это, то дѣлаютъ плохо. Пойдемъ вслѣдъ за проф. Т. Д. Флоринскимъ и разсмотримъ каждый изъ этихъ пунктовъ отдѣльно.

Совершенно вѣрно авторъ указываетъ на то, что въ Австріи есть двѣ партіи, изъ которыхъ одна держится народнаго направленія во всѣхъ вопросахъ тамошней жизни, а между прочимъ и въ вопросѣ о разработкѣ книжнаго языка, почему и называется *народовской партіей*, а другая стоитъ за обще-русскій языкъ и называется *старо-русской или москалефильской*. Далѣе авторъ указываетъ, что эта послѣдняя партія имѣетъ и свои газеты и журналы, и свои учрежденія, и своихъ ученыхъ, и поэтовъ, и публицистовъ; называетъ онъ даже имена ихъ. Рядомъ съ этимъ онъ не умалчиваетъ и о томъ, что народовская партія также представлена довольно сильно, какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ наукѣ и литературѣ. Взвѣшивая силы этихъ обѣихъ партій, проф. Т. Д. Флоринскій признаетъ, что народовская партія сильнѣе старорусской, но объясняетъ это тѣмъ,

что „она стоитъ близко къ правительству и господствующей въ Галичинѣ польской партіи"—что „она бойчѣе и исправнѣе ведетъ свои изданія, получая для многихъ изъ нихъ поддержку отъ сейма и правительства и частью изъ нашей Украины". По поводу-же старо-русской партіи имъ высказываются очень лирическія слова, въ которыхъ отмѣчаются великія заслуги ея, и говорится, что „въ своей дѣятельности она не получаетъ ни откуда помощи и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ". Относительно матеріальныхъ средствъ обѣихъ партій мы скажемъ, что не наше дѣло рыться въ чужихъ карманахъ; можетъ-быть, проф. Т. Д. Флоринскому не только изъ печатныхъ источниковъ извѣстны многіе факты, но мы пользуемся исключительно тѣмъ, что опубликовано, и думаемъ, что для споровъ о научныхъ сюжетахъ едва-ли и прилично прибѣгать къ другимъ матеріаламъ. Что-же касается нравственнаго достоинства обѣихъ партій, то мы останавливаться на этомъ пунктѣ, подобно проф. Т. Д. Флоринскому, не будемъ, такъ-какъ наша задача проще: разсмотрѣть качественность двухъ книжныхъ языковъ, примѣняемыхъ въ своей дѣятельности каждой изъ этихъ партій.

Къ сожалѣнію, проф. Т. Д. Флоринскій не попробовалъ сдѣлать анализа того языка, на которомъ пишутъ представители старо-русской партіи, а ограничился только такими фразами: „языкъ этотъ, правда, не такой чистый, какимъ онъ является въ нашей литературѣ, употребляется какъ частью образованнаго малорусскаго общества, такъ и въ мѣстной печати"; далѣе: „допускаемыя малорусскими писателями Галичины, Буковины и Угорской Руси нѣкоторыя отступленія отъ нашего литературнаго языка, выражающіяся въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и формъ, нисколько не мѣняютъ основного фона усвоеннаго ими общерусскаго языка и нисколько не умаляютъ значенія трудовъ на этомъ языкѣ." Вотъ и все. Но за то ученый славистъ подробно попробовалъ остановиться на анализѣ языка народовской партіи, и какъ онъ это сдѣлалъ—увидимъ дальше. Видя такой неравномѣрный пріемъ въ научномъ спорѣ со стороны проф. Т. Д. Флоринскаго, мы съ особеннымъ удивленіемъ читаемъ у него слѣ-

дующія строки: „ученые публицисты „Кіевской Старины", разбирая вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галичинѣ, почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о галицкомъ литературномъ спорѣ и довольствуются нѣсколькими язвительными замѣчаніями по адресу сторонниковъ обще-русскаго языка; но такое отношеніе ихъ къ дѣлу лишаетъ ихъ изложеніе той объективности и безпристрастія, которыхъ въ правѣ можно было-бы ожидать отъ академическаго обсужденія важнаго вопроса на страницахъ ученаго изданія". По этому поводу только и можемъ воскликнуть: „врачу, исцѣлися самъ!" Вѣдь мы, какъ было сказано въ началѣ, посвятили цѣлую статью анализу, правда краткому, языка самыхъ отборныхъ и умѣлыхъ представителей этой партіи, [1]) а теперь, такъ-какъ къ этому вынуждаетъ насъ содержаніе нашего спора, мы обратимся къ краткому анализу рѣчи и другихъ писателей изъ этой-же партіи.

Чтобы дать оцѣнку такъ называемому русскому книжному языку у галицкихъ писателей, мы имѣемъ возможность взять за единицу сравненія блистательно разработанный русскими писателями въ Россіи литературный языкъ, чѣмъ значительно облегчается наша задача. Въ упомянутой нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи" мы указали цѣлый рядъ фактовъ коверканія русскаго литературнаго языка въ галицкомъ журналѣ „Живое Слово", и при этомъ сказали, что если-бы даже этого уродованія въ журналѣ не было, то все-же мы считали-бы вопросъ о возможности распространенія русскаго литературнаго языка среди галичанъ немыслимымъ, т. к. какой-нибудь десятокъ-другой лицъ, успѣвшихъ изучить хорошо русскій языкъ, ровно ничего не доказываетъ въ этомъ случаѣ; а мы знаемъ, что лучшій по языку органъ старо-русской партіи „Живое Слово" никакого распространенія въ Галиціи не имѣетъ, да и сомнительно—выходитъ-ли онъ теперь, т. к. получили только 6 книгъ его, а, судя по [illegible]хъ что-то не слышно. Но

[1]) Ревнители русскаго языка въ Галиціи, «Кіев. Ст.», № 3-й 1899 г.

не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что лучше всего познается степень обладанія даннымъ языкомъ на опытахъ поэзіи: если говорить о томъ, чтобы въ Галиціи книжнымъ языкомъ сталъ русскій литературный, то надо справиться съ тѣмъ, насколько галицкіе писатели въ силахъ сохранить художественность въ стилѣ, безъ чего все прочее прахомъ разлетится, такъ-какъ сформируется суконная рѣчь, при которой не ждите ни Пушкиныхъ, ни Лермонтовыхъ, ни Гоголей, ни Тургеневыхъ. Проф. Т. Д. Флоринскій потрудился назвать нѣсколько именъ видныхъ дѣятелей старо-русской партіи; мы и спросимъ его, кто-же изъ нихъ есть выразитель художественнаго творчества на обще-русскомъ языкѣ? Въ отвѣтъ получимъ, конечно, имя Богдана Дѣдицкаго. Извольте; вотъ образчикъ его поэзіи „Буй-туръ Всеволодъ. Повѣсть основана на тлѣ историческомъ“:

Былъ князь на Руси хоробрый, славный,
Въ Курску имѣлъ онъ престолъ державный;
Въ книгахъ писался онъ Всеволодомъ,
Но слылъ иначе межи народомъ:
Бо що былъ грозный, буйный якъ звѣрь
И борецъ крѣпкій на цѣлый міръ,
Въ войнахъ за Русь всю стоялъ ей муромъ,—
Люди назвали его Буй-Туромъ“.

Кажется, довольно! Если-бы это писано было въ прошломъ столѣтіи, то и въ такомъ случаѣ это былъ-бы языкъ отсталый, даже хуже Тредьяковскаго; но писать такъ въ 60-хъ годахъ 19-го вѣка, послѣ Пушкина и Лермонтова, и называть это русскимъ языкомъ—это значитъ, многоуважаемый профессоръ, не уважать русскаго языка!

Назвалъ намъ еще проф. Т. Д. Флоринскій Николая Устіановича, какъ поэта; процитируемъ и изъ его произведенія „Ужасъ на Руси“:

Ой зле, сусѣде! горе намъ, горе!
Солнце за три дни въ кровавомъ мори

Бродитъ съ полудня, а въ дворцу луны
Слѣдно отъ давна могилы три.
То гонцы лиха,—ой зле, сусѣды!
Спадутъ на землю ужасны бѣды;
Ой бѣды, бѣды спадутъ на мiръ,
Князямъ готуесь кровавый пиръ.

Тоже, должно быть, достаточно!

Упомянутъ еще и Іоаннъ Гушалевичъ; вотъ начальныя строки его думы „Сонъ князя Льва“:

Въ Галичѣ-градѣ при княжихъ палатахъ
Замолкли гусли,—все вокругъ молчитъ,
Лишь стары вербы шепчутся на чатахъ,
Скоро въ ихъ листяхъ вѣтрецъ зашумитъ.
Куда-жъ подѣлась вѣрная дружина
И конь вороный, и другъ-соколъ быстръ?
Чи ихъ позвала на помочь родина,
Чи князь повелъ ихъ въ новый бой за Днѣстръ?

Право, поэзіи уже довольно! Попробуемъ лучше посмотрѣть, какова рѣчь у представителей науки, названныхъ проф. Т. Д. Флоринскимъ. Начнемъ съ Адольфа Добрянскаго, доблестнаго защитника правъ угро-русской народности, какъ характеризуетъ его авторъ, и приведемъ начальныя строки изъ его научной статьи „Короткіи записки историческіи о мѣстѣ Самборѣ“:

„Именемъ Самбо́ръ звалося первоначально нынѣшное „Старое Мѣсто“, лежащое на лѣво́мъ березѣ Днѣстра у самого подножія го́ръ Карпатскихъ. Назву тую „Самбо́ръ“ получило мѣсто о́тъ неизмѣримыхъ лѣсо́въ, якіи ту въ старинѣ всю окрестность покрывали, и якіи и нынѣ еще, хотя не въ тако́мъ уже розмѣрѣ, всюда въ тѣхъ сторонахъ видѣти можно“.

А вотъ выдержка и изъ статьи того самаго историка Антонія Петрушевича, котораго называетъ среди другихъ проф. Т. Д. Флоринскій и о которомъ анекдотъ со словъ газ. „Русланъ“ переданъ въ настоящей книжкѣ журнала (см. Текущія извѣстія),

какъ онъ признавался самъ, что пишетъ *прарусскимъ языкомъ*. Посмотримъ образчикъ этого по истинѣ прарусскаго языка:

„Передъ нѣсколькими годами, посѣтилъ я обитель чину Св. Василія въ Подгорцяхъ, Золочевскаго округа, осматрывалъ достопамятности монастырскія, особенно же церковныя книги древней печати въ тамошной библіотецѣ".

Вотъ этотъ языкъ мы готовы признать среднимъ между русскими нарѣчіями, но едва-ли на немъ помирится проф. Т. Д. Флоринскій, т. к. мы не сомнѣваемся въ присутствіи у него чутья художественности рѣчи. Если-же онъ взялъ подъ свою опеку языкъ только-что приведенныхъ писателей, то это можно объяснить или тѣмъ, что онъ, подъ вліяніемъ тенденціи, готовъ заглушить въ себѣ чувство справедливости, или-же тѣмъ, что не потрудился ознакомиться хоть немножко съ характеромъ писанія этихъ образцовыхъ старо-руссовъ. Но такъ-какъ послѣдняго мы не имѣемъ права предполагать у ученаго слависта, то остается признать первое.

Пусть не подумаетъ читатель, что мы нарочно выбрали для цитатъ мѣста изъ неудачниковъ-писателей; смѣемъ увѣрить, что взяли тѣ имена, которыя названы были проф. Т. Д. Флоринскимъ. Все эти люди старые, а иныхъ уже нѣтъ и на свѣтѣ; что-же касается новыхъ, то повторяться не будемъ, а отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ „Ревнители русскаго языка въ Галиціи", гдѣ онъ увидитъ не меньшіе языковые перлы.

Пусть теперь сколько хочетъ увѣряетъ всѣхъ проф. Т. Д. Флоринскій, что русскій литературный языкъ вполнѣ возможенъ въ Галиціи, что для него тамъ почва есть (а этому доказательству, или лучше сказать—этой лирикѣ, у него посвящена цѣлая статья въ № 304),—все же мы думаемъ, что безпристрастный читатель, по меньшей мѣрѣ, усомнится въ этомъ. Всю бѣду неуспѣшности распространенія книжнаго русскаго языка въ Галиціи нашъ ученый профессоръ видитъ въ фактѣ разростанія тамъ другого книжнаго языка—малорусскаго, представителями котораго являются лица изъ народовской партіи. Къ этому-то языку мы теперь и обратимся.

VI.

Проф. Т. Д. Флоринскій, посвятившій разсужденіямъ объ этомъ языкѣ большую главу (см. №№ 317 и 318), очень долго останавливается на томъ, какую роль играетъ въ этомъ дѣлѣ „Товариство імени Шевченка“ и въ частности одинъ изъ видныхъ представителей его, проф. М. Грушевскій. Опять много лирическихъ отступленій встрѣчаемъ мы здѣсь, особенно брошенныхъ по адресу М. Грушевскаго, много соболѣзнованій о его совращенности съ пути истины, но мы останавливаться на этомъ не будемъ, такъ-какъ не наша обязанность брать подъ свою защиту уважаемаго профессора Львовскаго университета, тѣмъ болѣе, что едва-ли онъ въ этой защитѣ нуждается. Можемъ только сказать проф. Т. Д. Флоринскому по поводу его „душевной горечи и обиды“, что если проф. М. Грушевскій такъ поступаетъ, то, конечно, будучи убѣжденнымъ въ истинѣ своего пути; мало-ли мы видимъ случаевъ, когда невольно является въ душѣ горечь и обида, при сознаніи, что иной ученый пошелъ не по надлежащему пути, подобающему для ученаго, но вѣримъ, что сдѣлано это имъ согласно съ его убѣжденіями, и примиряемся съ необходимостью,—такова ужъ сила убѣжденій! Но бросимъ эти лирическія отступленія и обратимся къ дѣлу.

Находитъ проф. Т. Д. Флоринскій, что дѣятельность, научная и литературная, народовской партіи вообще, а въ частности „Товариства имени Шевченка“, мало пока еще результатна. Пусть такъ! но вѣдь все познается сравненіемъ, а если сравнить продуктивность работы народовской и старо-русской партій, то и самъ проф. Т. Д. Флоринскій признаетъ, что первая сильнѣе второй, а мы прибавимъ—неизмѣримо сильнѣе, т. к. сами имена и въ наукѣ, и въ беллетристикѣ, и въ публицистикѣ есть лучшіе свидѣтели этого. Пусть нашъ ученый славистъ покажетъ намъ въ старо-русской партіи кого-нибудь равнаго по силѣ научнаго таланта И. Франку, М. Грушевскому, А. Колессѣ, Смаль-Стоцкому, Коцовскому и пр.; пусть въ области беллетристики укажетъ намъ имена, равносильныя съ тѣмъ-же И. Франкомъ,

Н. Кобринской, О. Кобылянской; пусть отмѣтитъ намъ хоть одно изданіе, сколько-нибудь приближающееся къ „Запискамъ Наукового Товариства імени Шевченка“ или къ „Галицкому Літературно-Науковому Вістнику“,—и тогда мы поведемъ споръ дальше, а теперь пока обратимся къ главному пункту—къ разсмотрѣнію тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчаются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ книжномъ малорусскомъ языкѣ народовцевъ. Для оцѣнки этого языка нужно тоже имѣть единицу сравненія, подобно тому, какъ мы имѣли ее для языка старо-русской партіи. Тутъ, къ сожалѣнію, такой опредѣленной готовой единицы нѣтъ, какъ и не бываетъ ея для отдѣльныхъ самостоятельно формируемыхъ языковъ. Въ статьѣ нашей „Подведемъ итоги“ мы высказали мысль, что нельзя при оцѣнкѣ чужого языка руководствоваться той мѣркой чутья языка, какая сложилась для своей родной рѣчи; не повторяя теперь всего сказаннаго нами раньше, мы сошлемся еще на прекрасную статью Д. Мордовцева „Нѣтъ, не оставляютъ“ въ „С.-Петербургск. Вѣдомост.“ (№ 330), гдѣ авторъ отмѣтилъ ту слабость людскую, благодаря которой каждый чужой языкъ можно назвать отвратительнымъ. Поэтому, скажемъ мы, мѣрку для оцѣнки чужого языка нужно искать въ знаніи той основы, на которой онъ создается, и въ провѣркѣ того, насколько вновь создаваемое не отклоняется отъ первоисточника. Мы сказали уже въ прежнихъ статьяхъ, что много находимъ неудовлетворяющаго насъ въ галицкомъ книжномъ языкѣ, и потому не удивились-бы, если-бы и проф. Т. Д. Флоринскій, какъ ученый славистъ, указалъ цѣлый рядъ такихъ недостатковъ, конечно, для пользы самихъ галичанъ. Но увы! мы въ статьѣ его увидѣли это осужденіе галицкаго языка, только съ такими для насъ неожиданностями, какихъ никакъ ужъ не ожидали отъ ученаго профессора-слависта.

Начнемъ съ того, что проф. Т. Д. Флоринскій возмущается противъ способа фонетическаго правописанія, установленнаго народовской партіей въ послѣднее время, и вмѣсто того, чтобы объяснить этотъ методъ правописанія естественнымъ желаніемъ приблизить графику къ произношенію, ищетъ какихъ-то злоумы-

шленныхъ тенденцій со стороны партіи. Но любопытнѣе всего тѣ примѣры, которые приводятся ученымъ славистомъ. Онъ говоритъ: „сущность фонетическаго правописанія состоитъ въ томъ, что слова пишутся такъ, какъ произносятся, напр.: общерусск. *входъ, отецъ, звѣзды, конь* передаются по малорусски фонетическимъ правописаніемъ слѣдующимъ образомъ: *вхід, вітець*, (?), *звізди, кінь;* слѣдовательно получается внѣшнее несходство между одинаковыми обще-русскими и украинсько-руськими словами". Во 1-хъ, что значитъ *обще-русскія* слова, когда, какъ ни напишите ихъ, а разница въ произношеніи все таки будетъ: *входъ—вхо̂дъ* (старо-русск. правописаніе или Максимовичевское)—*вхидъ* (какъ установлено писать въ Россіи)—*вхід* (какъ принято народовцами). Если мы знаемъ, что старо-русская партія дѣлаетъ изъ *фонетики* чуть-ли не кардинальный вопросъ и готова чуть-ли не *во криминалъ* тащить своихъ противниковъ, то имъ и Богъ проститъ, но ученому слависту, знакомому съ славянскими правописаніями во всѣхъ славянскихъ литературахъ, едва-ли подобаетъ тоже дѣлать изъ этого вопросъ. Во 2-хъ, не подобаетъ ученому слависту смѣшивать формы косвенныхъ падежей въ словѣ *отецъ* съ именит. падежемъ; онъ производитъ этотъ именит. падежъ *вітецъ*, какового слова нѣтъ и въ словарѣ Желеховскаго, а есть слово *отецъ*, которое, на основаніи фонетическихъ законовъ малорусской рѣчи, въ косвенныхъ падежахъ и въ производныхъ словахъ можетъ обратиться въ *вітця, вітцю, вітчина*, и пр., такъ точно, какъ отъ именит. падежа *вівця* получится родит. пад. множ. числа не *вівець*, а *овець*. Напомнимъ ученому слависту теорію секундарнаго *і* изъ *о* и *е* въ зависимости отъ положенія его въ данномъ словѣ (*кінь—коня*, но не *кіня*). Мы знаемъ, впрочемъ, что въ говорахъ можно встрѣтить и форму *вітéць*, но думаемъ, что въ „Запискахъ Наукового Товариства", которыя главнымъ образомъ цитируются проф. Т. Д. Флоринскимъ, этой формы нѣтъ.

Попечалуемся и мы вмѣстѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ о томъ, что до сихъ поръ ни галицкая, ни наша малорусская жизнь не дали такого большого таланта, какъ Пушкинъ, который

опредѣлилъ-бы общій характеръ литературнаго языка, благодаря чему нѣтъ еще установленнаго вполнѣ типа книжной малорусской рѣчи. Попечалуемся и о томъ, что въ галицкомъ книжномъ языкѣ много чужихъ словъ, преимущественно польскихъ, берется для выраженія понятій, отсутствующихъ въ народномъ языкѣ; но въ тоже время не можемъ не поискать иного объясненія этому факту, сравнительно съ проф. Т. Д. Флоринскимъ: онъ видитъ въ этомъ какое-то злоумышленіе, а мы видимъ естественное вліяніе польской культуры въ Галиціи, подобно тому, какъ видѣли вліяніе французской и нѣмецкой культуры въ образованіи книжнаго русскаго языка въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благодаря чему въ русскомъ литературномъ языкѣ была масса иностранныхъ словъ, да и теперь остается еще ихъ не мало. Отчего-же вліяетъ тамъ польская культура въ языкѣ, а не русская, объясняется очень просто тѣмъ, что русская книжная рѣчь тамъ совершенно посторонняя, а польская, не говоря о недавномъ прошломъ, но еще и теперь для галичанъ есть почти то-же, что langue parlée. Утѣшать-же можно себя тѣмъ, что пройдутъ года продуктивной работы надъ выработкой своего языка, и все наносное отпадетъ, какъ отпало оно въ значительный долѣ въ русскомъ книжномъ языкѣ, но для этого нужна усиленная работа всѣхъ культурныхъ силъ націи, безъ дробленія на какія-то партіи, ведущія борьбу другъ съ другомъ въ ущербъ той борьбѣ, которая должна быть направлена въ другую сторону, и потеря времени при которой можетъ быть непоправимой ошибкой для самаго существеннаго въ жизни галичанъ—для созданія себѣ самостоятельнаго положенія націи, окруженной со всѣхъ сторонъ „ищущими поглотити ихъ“.

Обращаясь теперь къ тѣмъ словамъ, которыя инкриминируются проф. Т. Д. Флоринскимъ въ языкѣ галичанъ, мы положительно удивляемся пріему ученаго слависта. Когда мы слышимъ отъ простого смертнаго, никакой науки филологіи никогда не изучавшаго, незнакомаго съ исторіей образованія книжныхъ языковъ у разныхъ народовъ, когда мы слышимъ—говорю—отъ

такого человѣка сужденія: „да вѣдь это польское слово!“,—то мы не удивляемся этому нисколько; но если-же къ такому пріему прибѣгаетъ проф. Т. Д. Флоринскій, то намъ это кажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нѣсколькихъ десятковъ словъ, указанныхъ имъ съ отмѣткой, будто они польскія, мы беремся фактически доказать, что слова это чисто народныя малорусскія, или образованныя отъ обще-славянскихъ корней по типу народныхъ словъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ, а если проф. Т. Д. Флоринскому будетъ угодно, то мы укажемъ ему впослѣдствіи и остальныя.

Святкованнѧ—совершенно въ духѣ народномъ образовавшееся слово отъ глагола *святковати*, а глаголъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: „Оттакъ я, друже мій, *святкую* оттутъ недиленьку святую (Шевч.). Если проф. Т. Д. Флоринскій нашелъ слово *святкованнѧ* въ польскомъ языкѣ, то онъ найдетъ это-же слово и въ Словарѣ *Даля*, чего, къ сожалѣнію, ученый славистъ не потрудился поискать.

Рахуючысь — дѣеприч. форма отъ глагола *рахуватыся*: „любимося якъ браты, а рахуймося якъ жыды—(Номисъ. Пословицы).

На-решти—отъ слова *решта*—остатокъ:

Колыхалы мене хлопци
То въ колысци, то въ коробци,
То рукамы, то ногамы,
А *на-решти* кулакамы. (Чубин.)

Часопысъ—слово, употребительное не только въ польской литературѣ, но и въ другихъ славянскихъ; при этомъ надо замѣтить, что оно чисто славянскаго образованія въ замѣнъ иностранныхъ *журналъ, газета*.

Мусити—глаголъ, постоянно употребляемый въ народной рѣчи: Не рада коза торгу, а куры весиллю, та *мусять* (Номисъ. Пословицы). Полюбыла козаченька, не *мушу* забуты (Метлин.).

Якъ день, якъ ничъ—то рве душу,
Я до тебе прыйты *мушу* (Сборн. Лысенка).

Мова—очень распространенное въ народной рѣчи слово: Ни зъ губы *мовы*, ни зъ носу витру (Номисъ. Пословицы). У гости прыйшла, щей *мову* найшла (Метлин.). Выпывъ чарку—и *мова* найшлася (Нов.-Волынск. у.).

Выпадокъ—тоже довольно распространенное слово въ народной рѣчи на Правобережьи: Пишло паніи старій на *выпадокъ* (Номисъ). А щобъ ему *выпадкомъ* выпало! (Номисъ)=А чтобъ у тебя все пошло прахомъ!

Друкарня—слово, конечно перешедшее изъ польскаго языка, но, во 1-хъ, оно нѣмецкое, а во 2-хъ, переходъ этотъ совершился очень давно, т. к. въ юго-западной литературѣ оно постоянно употреблялось еще въ 16 вѣкѣ, въ томъ-же значеніи *типографія*, равно и какъ глаголъ *друковаты*.

Справа—въ смыслѣ *дѣло, дѣйствіе* нѣтъ никакихъ основаній считать польскимъ, такъ-какъ оно употребительно въ народной рѣчи: Въ той часъ була честь-слава, військовая *справа* (Максимовичъ).

Даже слово *урядныкъ* попало у проф. Т. Д. Флоринскаго въ разрядъ польскихъ словъ; туда же отнесено имъ и слово *кныгарня* на томъ основаніи, что въ польскомъ языкѣ есть księgarnia; но онъ позабылъ, что слово *книга* очень распространено во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Засягаты—въ смыслѣ *захватывать*; произошло это слово отъ *сягаты*:

Бреде старый, назадъ ся оглядае,
А ёму вода вже по шыю *сягае* (Чубинск.)

Праця—дѣло, работа. Тутъ ужъ положительно не знаешь, какіе и примѣры давать, т. к. слово это чуть не на каждомъ шагу встрѣчается; но для большей убѣдительности сошлюсь на пѣсню „На бережку у ставка,“ помѣщенную въ собраніи матеріаловъ Чубинскаго, а также извѣстную въ печати еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ изданную въ Москвѣ въ 1794 году и ранѣе исполненную въ 1791 году на знаменитомъ Потемкинскомъ праздникѣ:

„Каже, що за *працю* тую
И дивчыну подарую.

Но перломъ въ доказательствахъ присутствія польскаго вліянія въ новомъ книжномъ малорусскомъ языкѣ служатъ, конечно, слова: *товарыство*, *вага*, *хвыля*, *шановаты*, *намалюваты*, *паперъ*. Приводить-ли примѣры въ доказательство того, что всѣ эти слова бытуютъ въ малорусской рѣчи съ очень давнихъ поръ? Думаемъ, что излишне, такъ-какъ всякому, хоть немного знакомому съ этой рѣчью, слишкомъ хорошо извѣстно ихъ всеобщее употребленіе.

Попробовалъ еще проф. Т. Д. Флоринскій остановиться и на вырабатываемой галичанами своей терминологіи, преимущественно *грамматической*, *математической* и *медицинской*, и тоже оказался неудовлетвореннымъ ею. Но вѣдь уважаемому слависту должно быть хорошо извѣстно, что въ этой области во всѣхъ языкахъ замѣчается одно и то же явленіе—полная условность въ качествѣ терминовъ, условность, стоящая въ прямой зависимости отъ привычки: мы въ Россіи привыкли къ своей терминологіи (иногда положительно безобразной), и намъ она не рѣжетъ уха.

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ о характерѣ формируемаго книжнаго малорусскаго языка въ Галиціи, мы еще разъ повторимъ, что признаемъ вполнѣ многіе недостатки въ немъ, но думаемъ, что не методомъ проф. Т. Д. Флоринскаго нужно опредѣлять ихъ, т. к. съ такимъ-же успѣхомъ можно доказать и заимствованность изъ польской рѣчи языка Пушкина, напр: буря (burza), мглою (mgła), небо (niebo), кроетъ (kryć), вихри (wicher), снѣжные (śnieżny), крутя (kręcić). Какимъ методомъ и что исправлять надо, мы теперь указывать не будемъ, надѣясь поговорить объ этомъ въ другой разъ.

Вотъ все, что мы хотѣли разъяснить въ нашемъ спорѣ съ проф. Т. Д. Флоринскимъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что, ведя этотъ споръ, мы заинтересованы больше всего отысканіемъ наилучшаго во всѣхъ отношеніяхъ отвѣта на тотъ неопорѣшенный въ наукѣ и въ жизни вопросъ, который много уже десятковъ лѣтъ является вопросомъ болѣзненнымъ, обостреннымъ и потому лишающимъ возможности въ мирѣ и въ спокойствіи протекать нашей общественной жизни. Единственный выходъ изъ этого положенія—перейти въ рѣшеніи его исключительно на почву спокойнаго, академическаго разъясненія, въ чемъ, конечно, большую службу могли-бы сослужить представители науки. Къ сожалѣнію, мы должны признаться, что проф. Т. Д. Флоринскій, являясь именно такимъ представителемъ науки, далекъ отъ тѣхъ пріемовъ разъясненія и отъ того академическаго тона, какіе были-бы желательны. Скажемъ больше того: разсматриваемыя нами статьи его, ровно никакого рѣшенія вопроса не давая по существу, только способны усиливать и безъ того удручающую остроту въ отношеніяхъ разныхъ партій, какъ въ Галиціи, такъ и у насъ, а едва-ли это можно признать желательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Золотые пятаки въ 60-хъ годахъ.* Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, въ предѣлахъ Кіевской и Подольской губерніи, евреи принялись было съ особеннымъ рвеніемъ скупать мѣдные пятаки, цѣна коихъ мѣстами поднялась до 1 рубля за штуку (были случаи въ Чигиринскомъ уѣздѣ).

Губернская администрація смежныхъ губерній отнеслась къ сему явленію различно: въ то время, когда одинъ изъ губернаторовъ принялъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію торговли мѣдными деньгами, другой остался въ выжидательномъ положеніи, находя, что роль его начнется лишь тогда, когда будетъ установлено, что монета портится (плавится).

Оказалось, что, въ погонѣ за легкой наживой, евреи сдѣлались жертвою кѣмъ-то пущеннаго слуха, будто одинъ изъ чиновъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, родомъ полякъ, сочувствуя дѣлу, начатому мятежниками, въ видахъ доставленія имъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, прибавилъ значительное количество золота къ мѣди, предназначавшейся къ выпуску въ обращеніе въ 1862 году. Единомышленники его должны были принять мѣры къ тому, чтобы изготовленная такимъ образомъ мѣдная монета была своевременно изъята, для выплавки изъ нея золота на нужды повстанья.

2) *Колдовство въ 1863 г.* Въ 1863 году, въ самый разгаръ мятежа, въ одной корчмѣ расходившійся подъ вліяніемъ хмѣля крестьянинъ ругательски ругалъ поляковъ.

Когда слухъ о томъ дошелъ до окрестныхъ пановъ, они воздвигли противъ дерзкаго хлопа гоненіе. Предстояло найти вину, что было, очевидно, не легко, такъ какъ пришлось прибѣгнуть къ обвиненію въ *колдовствѣ*.

Дѣло разбиралось въ уѣздномъ судѣ, который призналъ обвиненіе доказаннымъ и постановилъ: за колдовство сослать въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Но Палата Уголовнаго Суда перерѣшила дѣло и освободила узника, успѣвшаго, въ ожиданіи рѣшенія своей участи, просидѣть въ тюрьмѣ цѣлый годъ.

3) *Городское ополченіе въ Кіевѣ 1863 г.* Въ іюнѣ 1863 года православные обыватели города Кіева и кіевскіе дворяне возбуждаютъ предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ образовать городское ополченіе для охраны общественной безопасности на случай выступленія изъ города войскъ.

Выработка особыхъ для ополченія правилъ поручена образованной въ іюлѣ того же года коммиссіи.

Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложеніе сіе отклонило, признавъ жертвы несообразными съ возможной отъ нихъ пользою.

4) *Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій.* Въ 1859 г. крестьянскія поля деревни Яланцы, Ямпольскаго уѣзда, сильно страдали отъ засухи.

Поселяне приходили въ отчаяніе; но нашелся бывалый добрый человѣкъ, указавшій безошибочный, по его мнѣнію, пріемъ для того, чтобы вызвать дождь: надлежало разыскать могилы двухъ висѣльниковъ (удавленниковъ), вырыть трупы и усердно поливать ихъ водою...

Земскій Судъ отнесся къ обвиняемымъ снисходительно и, не усматривая «неблаговиднаго намѣренія», заключилъ, что учинено сіе «по простотѣ, въ пьяномъ видѣ, съ одного лишь суевѣрія»... На этомъ, повидимому, дѣло и остановилось.

5) Въ 1860 г. въ одномъ селеніи Староконстантиновскаго уѣзда имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: нѣкій крестьянинъ сдѣлалъ попытку попользоваться кое-чѣмъ съ господскаго гумна; его изловили и наказали.

Сознавая свое безсиліе передъ искушеніемъ повторить неудавшійся опытъ, поселянинъ, не долго думая, взялъ топоръ... и разрубилъ себѣ руку!..

6) Въ 1859 году въ д. Константиновкѣ, Бердичевскаго уѣзда, у бабы заболѣла корова. Домашнія средства не помогали,—пришлось обратиться по сосѣдству къ знахаркѣ, которая взялась помочь бѣдѣ, наказавъ хозяйкѣ натаскать въ мужниномъ сапогѣ воды изъ трехъ колодцевъ и слить ту воду на желѣзную косу...

Каково было дѣйствіе знахаркина средства—не извѣстно.

Сообщилъ **А. Мёрдеръ.**

Изъ Полтавской рукописной литературы. Въ дни ранней юности моей—во второй половинѣ 50-хъ годовъ и послѣ того,—много ходило по рукамъ разныхъ рукописей на малорусскомъ языкѣ, преимущественно въ стихотворной формѣ. Произведенія подобнаго рода охотно переписывались, въ особенности тогдашнею молодежью, которая дѣлилась ими съ своими сверстниками, и такимъ образомъ данное произведеніе расходилось въ публикѣ въ многочисленныхъ спискахъ. Помню, была и у меня тетрадка съ рождественскими и воскресенскими виршами и друг. стихотворными произведеніями, но, къ сожалѣнію, давно уже утрачена, а между тѣмъ нѣкоторыхъ виршъ я не встрѣчалъ до сихъ поръ въ печати, но изъ памяти онѣ изгладились на столько, что я не рѣшаюсь напечатать хотя-бы отрывки ихъ. Вспоминаю, что послѣ отмѣны крѣпостного права и при введеніи земства и судебныхъ мировыхъ учрежденій, туземные непризнанные поэты, или лучше сказать версификаторы, такъ или иначе выражали свои впечатлѣнія въ стихотворной формѣ, часто съ юморомъ и сарказмомъ. Въ Хорольскомъ уѣздѣ я зналъ Михаила Никифоровича Семенова, который не лишенъ былъ поэтическихъ способностей и читалъ весьма часто остроумныя, иногда ѣдкія сатиры по поводу мѣстныхъ общественныхъ явленій, но декламировалъ онъ на память и, изъ осторожности, никогда не диктовалъ своихъ виршей людямъ, не принадлежавшимъ къ его интимному кружку. Очень жаль, если у друзей-пріятелей Семенова и другихъ подобныхъ стихотворцевъ не сохранилось письменныхъ записей. Теперь лишь изрѣдка случается

найти плоды украинской музы безвѣстныхъ пѣтъ. Случайно раздобылъ я въ настоящее время помѣщаемыя ниже стихотворныя произведенія. По поводу перваго изъ нихъ, озаглавленнаго «*Одчетъ гласного*», напомнимъ нашимъ читателямъ, что на ту-же тему въ 1865 г. было написано стихотвореніе помѣщикомъ В. И. Лизогубомъ, подъ впечатлѣніемъ перваго земскаго собранія въ Черниговѣ [1]). Печатаемое теперь стихотвореніе далеко уступаетъ по достоинству черниговскому творчеству. Не болѣе удачно и другое стихотвореніе „Абы-що", въ которомъ не сразу даже можно опредѣлить аллегорическій смыслъ его. Несомнѣнно, что оба они относятся къ 1865 г., когда въ Полтавской губерніи состоялось первое губернское земское собраніе и выборы предсѣдателя и шести членовъ губернской земской управы. Это выясняется изъ сдѣланнаго мною сопоставленія фамилій губернскихъ гласныхъ съ помѣщеннымъ въ «Систематическомъ сводѣ постановленій Полтавскаго губ. земства» спискомъ дѣятелей губернской земской управы перваго трехлѣтія, подъ предсѣдательствомъ И. Г. Милорадовича.

Третье стихотвореніе «Мова сирка» нашлось въ переплетенной тетради. озаглавленной «Альбомъ». Здѣсь переписано немало стихотвореній на русскомъ языкѣ разныхъ авторовъ, а изъ малорусскихъ—есть Шевченка «Холодный яръ», «Розрыта могыла», «Якъ умру», а также помѣщаемая «Мова сирка», какъ видно, подражаніе извѣстному стихотв. П. Гулака-Артемовскаго «Панъ та собака». Къ сожалѣнію, можно думать, что прошедшее чрезъ много рукъ переписчиковъ, произведеніе потерпѣло уклоненія отъ подлинника.

I.

Одчотъ гласного.

Бувъ я въ Полтави въ земській громади,
Чувъ я багато въ тій розумній ради,
Слухавъ и думавъ: що це настало?
Крычыть усякый, кому що попало...
Я до того крыку тилько прыслухався,
Де-чому навчывся, де-чого жахався...
Що-жъ зъ того крыку выйде та буде—
Скоро побачымъ; ждуть добри люде!

[1]) „См. Кіев. Стар. 1895 г. № 1, отд. 2-ой, стр. 1—5.

Панъ Лукьяновычъ, панъ Кочубей,
Панъ Забарынськiй, панъ Гамалей,
Слипый Самыйловъ и Богдановычъ,
Панъ Мазарака и Стефановычъ,
Тыхый Тымченко, лысый Захаровъ
Въ нашiй громади сыдять не даромъ.
Панъ Остроградськый, Маркевычъ, Кумме,
Панъ Мылорадовичъ—думають думы;
Глухый Высоцькый, князь Довгорукый—
Люде розумни и все зъ науки,
Все розбираютъ—якъ чому буты;
А якъ що зроблять—будемо чуты.
Й нашого брата було тамъ не мало:
Булы козакы й куцы,
Було два сывыхъ панъ-отци,
Тилькы москаливъ не доставало..
И я «просывъ слова», де що й говорывъ,
Та трохы спиткнувся, замовчавъ та й сивъ.
Треба нашыхъ дитокъ грамоти учыты,
Щобъ воны умилы добре говорыты.
Чесная громада и вы вси, панове,
Земская управа—дило сее нове,
Вважлывее дило и для писарivъ;
Неможно зробыты його безъ панивъ;
Треба надъ сымъ диломъ голову ламаты,
Добре говорыты та добре й писаты...
Не вси й мижъ панамы розбираютъ вмило,
Часто те городять, що зовсимъ не въ-дило,
Я ихъ и назвавъ-бы—та гниву боюся,
На цей разъ громади нызько поклонюся.—

II.

Абы-що.

Въ народи пронеслася мова—
Явылася повынность нова;
Хочъ рада, хочъ не рада—
Зiйшлась на раду вся громада.

Отъ, выйшовъ пысарь, поклонывся,
На прявый трошкы бикъ схылывся,
Указъ громади прочытавъ
И до народу загукавъ:
«Намъ треба коней шестырыкъ,
Щобъ до йизды уже прывыкъ,
Щобъ не побылы брычкы пану,
Якъ часомъ запряже погану,
Да щобъ NN погонычъ бувъ».
Пишла громада у табунъ,
Понакыдала наобумъ...
До збирни коней прытяглы,
И заразъ ихъ и запряглы,
И розійшлыся добри люде,
Не бачывшы—що зъ того буде...
Погонычъ сивъ пиджавшы нижкы,
Не пидобравшы мабуть вижкы,
Изъ миста крыкнувъ: «ну, ну, ну!,»
А може й батогомъ махнувъ.
Хвостамы кони замахалы,
Брыкалысь, прыскалы, скакалы.
Одынъ изъ ныхъ потягъ ту брычку,
Бо ся вага йому въ прывычку;
Маненькый—ни на-що дывыться,
А добрый—хочъ и побожыться;
И тягне конькъ потыхеньку;
Ёму хочъ де-де и важкенько,—
Винъ замотае головою,
Пишовъ прывычною ходою,
Не горячыться, не брыкае,
На прыстяжныхъ винъ поглядае,
То ту, то ту хвостомъ торкне,
А де калюжка—обмыне...
А прыстажни все гарцюють,
Артачатся, задамы бьють,
На мисти де-яки тупцюють,
Зовсимъ не доладу везуть...
Погонычъ голову скребе,

Клене громаду й самъ себе,
Та знай на сонце поглядае,
(На сій дорозѣ верстъ немае),
Сміявся-бъ винъ—дакъ не до смиху,
Бо бачышъ—довго треба йихать;
Давай винъ коней поганять,
А кони почалы брыкать...

Ш.

Розмова Сирка.

У панському двори, у будци
Сирко на прывьязу лежавъ,
И такъ въ своій собачій думци
Винъ самъ зъ собою розмовлявъ:
„Ой люде, люде!
Не знаю дальшъ, що зъ вамы буде?
Теперъ-же бачу—що-сь не такъ!
Чортъ ма въ васъ жалю до другого,
Ни мылосердія святого!
Якъ-бы собакамъ даты рукы,
А хвистъ видрызаты на часъ,
Та вдаты въ школы до наукы,
Та дать языкъ такый якъ въ васъ;
Та ще навчыты и пысаты,
Щобъ вмилы мысли выражаты
И вамъ видъ часъ перецаваты,
Та щобъ по паньски похожаты,
Паны якъ вміють похожать;
Щобъ у штаны ховалы лапы,
А голову зъ ухамы въ шляпы,
На шыю шовковый платокъ
Моталы-бъ гарно въ узелокъ;
Ходылы-бъ въ фракахъ и жупанахъ—
Якъ то колысь я бачывъ разъ;
На нисъ очвы щобъ надивалы,
Цыпокъ гнучкый у рукы бралы,
Жилетъ пьялылы на показъ;

Въ кышеню клалы-бъ табатырьку,
Часы на всякій имъ кинець;
Хуствы для носовои втырки,
И грошей повный гаманець—
Та дать имъ волю и слободу,
Не на багацько—на пивъ-году
Або на тридцять тилькы днивъ,
Безъ страху жыть щобъ у панивъ,—
Тогди-бъ весь свитъ перевернувся,
И весь порядокъ-бы змынывсь:
Ученый дурнемъ-бы очпувся,
А дурень умнымъ-бы зробывсь.
Тогди-бъ перевертни—собакы
Усихъ навчылы жыты якъ,
Далы-бъ понюхаты табакы,
Такои, що зачхавъ-бы всякъ.
Воны изъ васъ знялы-бъ лычыну,
Далы-бъ заслужене свое
И показалы—хто вы йе,
Всихъ повернулы-бъ у звирыну:
Того въ ведмидя и тхоря,
Того, хытрывъ хто—у лысыцю,
Того—въ вивцю, того—въ вола,
А иншихъ въ зайця и куныцю.
Того-жъ, хто честь безбожно рвавъ
И хто зйидавъ брать брата—
У вовка; всимъ була-бъ заплата,
Яку для себе хто прыдбавъ.
Уси-бъ вы звиромъ поробылысь,
Собакою-жъ дакъ ридко хто;
А чоловикомъ—якъ родылысь,
Не ставъ на свити жыть нихто.
Бо чоловикомъ щобъ то буты
И жыть небеснымъ на земли,
Якъ Богъ въ закони повеливъ—
У тимъ, що давъ, якъ бувъ мижъ вами.
А вы-жъ сами жывете якъ?
Та гирше, далеби,собакъ"!...

И тутъ винъ добре загарчавъ,
Прыщулывъ вуха, хвистъ пиджавъ
И дальше поплазавъ въ кануру,
Бо знавъ псаря Хомы натуру,
Що коло ёго тамъ стоявъ,
Що якъ почуе, що казавъ—
То батогомъ попоре шкуру...

В. Василенко.

Разведеніе козъ въ старой Малороссіи. Современный малорусскій селянинъ, какъ извѣстно, не любитъ держать козъ, считая это животное малоприбыльнымъ въ хозяйствѣ и въ тоже время требующимъ постояннаго надзора во избѣжаніе потравъ. Лишь при большихъ овечьихъ „отарахъ“ держатъ иногда нѣсколько штукъ козъ, назначеніе которыхъ, кажется, въ томъ и состоитъ, чтобы вести за собою стадо. И въ прежніе вѣка въ Малороссіи овецъ всегда предпочитали козамъ, но изрѣдка упоминаются и цѣлыя козьи стада, которыя даже при тогдашнемъ земельномъ привольѣ, своей прожорливостью причиняли хозяйствамъ большія „турбаціи“. Такое именно дѣло встрѣтилось намъ въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда подъ 1688 годомъ. Въ маѣ этого года мѣстный полковый судья Петро Буцкій заявилъ полковнику Ѳедору Жученку и бывшему при немъ «на тотъ часъ товариству войсковому» такую „скаргу“: «Пасько Матѣенко, житель Рыбчанский, не вѣдаю, з чиимъ дозволеннямъ, козы свои на зимовлю в кгрунтъ мой отцевский, в ровняхъ Коломацкихъ будучий, угналъ и кошару зарубалъ на тые ж козы». Стоявшій тутъ же передъ судомъ отвѣтчикъ, козакъ Матѣенко, не отрицалъ, что онъ вогналъ въ чужой лѣсъ на зимовлю своихъ козъ, «которыхъ было лѣкомъ (счетомъ) двѣстѣ», и такъ наивно оправдывался передъ истцомъ: «Я для того угналемся с козами, розумѣючи, же кгди (когда) тобѣ оповѣмъ о томъ, не гнѣватимешся на мене». Панъ Петро Буцкій отвѣтилъ Матѣенку: «Я на тебе не гнѣваюся, тилко абы-сь заразъ, и години з козами своими не стоячи, выступилъ и оние козы з кгрунту моего вигналъ. А если тежъ мѣл би еси який часъ в кгрунтѣ моемъ бути с козами своими, и кривда мнѣ якая мѣла дѣятися, теды при оповѣсти сей моей ручу тобѣ тисячу талярей до

шкатули войсковои, которие повиненъ будешъ дати пану полковникови абы мнѣ от тебе в кгрунтах моих отчизних жадная не дѣялася кривда». Судъ утвердилъ эту «заруку» на Паська и «для певнѣйшои слушности» велѣлъ записать это въ судовыя книги.

Но легкомысленный Пасько не воспользовался великодушіемъ пана судьи: онъ продолжалъ травить его грунтъ своими козами, впалъ въ утвержденную декретомъ «заруку» и, чтобы не платить столь значительной суммы штрафа, вошелъ въ мировую сдѣлку съ п. Буцкимъ и въ концѣ того же мая заявилъ предъ полковымъ судомъ: „Панове, самъ ся до того знаю, же-мъ (что я) и в прошломъ року 1687 не меншую шкоду вчинилъ пану Петру Буцкому, значному козаку полтавскому, в его кгрунтахъ лѣсъ зрубавши зимою для покорменя козъ, и не вдаючися в бо̀лшие правние речи, едналемъ и погодилемъ пана Петра: за спустошеня мною тих его лѣсних Коломацких кгрунтовъ далемъ ему готовыхъ грошей сто золотих“ и сверхъ того уступилъ ему и его потомкамъ два лѣсныхъ участка. Судъ, „слишачи от устъ Пасковых Матѣенковых угоду сыю, велѣлъ «в книги мѣские полтавские вписати».

Такъ недешево обошлась Матѣенку зимовля козъ въ чужомъ лѣсу.

О. Л.

Малорусская ода 1807 года. Въ нашемъ журналѣ (№ 1, 1886 г). были помѣщены двѣ малорусскія оды, вызванныя событіями войнъ Россіи съ Наполеономъ. Одна изъ нихъ озаглавлена такъ: «Ода на случай выгранной Бенигсгеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа». Здѣсь идетъ рѣчь о сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау.] Списокъ, по которому была у насъ напечатана эта ода, не отличался исправностью и даже полнотой. Теперь мы получили отъ В. И. Срезневскаго болѣе исправный списокъ той же оды, оказавшійся въ бумагахъ его покойнаго отца. Рукопись этого списка писана на листѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1806 г. Она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что, кромѣ текста, писаннаго однимъ почеркомъ, даетъ поправки къ тексту, сдѣланныя другою рукою. Поправки эти, заключающіяся въ перестановкѣ словъ, въ замѣнѣ однихъ другими и въ исправленіи правописанія, частью вошли

въ тотъ списокъ, по которому ода помѣщена была въ нашемъ журналѣ. Тѣмъ не менѣе между обоими списками все-таки оказывается незначительная разница. Не находя нужнымъ вторично печатать полный текстъ оды, ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ варіантовъ. Въ началѣ 3-й строфы, послѣ стиховъ:

Та и що тоби казаты!
Ты й самъ теперъ схаменувсь,—

слѣдуетъ прибавить пропущенныя у насъ строки:

Бо вже вмієшъ и втикаты,
Якъ съ Бениксгеномъ стовкнувсь.

Конецъ 5-й строфы и начало 6-й въ спискѣ Срезневскаго немного иначе:

А якъ прыбижышъ икъ жинци,
Скажы, щобъ, взявшы чырвонци,
Швыдче курнула (чкурнула?) назадъ.

—

Скажы, що такіи жарты
Москаль задавъ теперъ намъ,
Що, далебигъ, отъ пивкварты
Не бувъ ще я такый пьянъ.
Катъ-ёго зна, що й робыты:
Хлопци мои вси розбыти—
Отъ теперъ же я пропавъ!
А ще Кулишъ якый-сь явывся,
Ризавъ, бывъ да и пробывся,
Потымъ всимъ намъ думать давъ.

Пѣсни, записанныя въ Волынской губерніи. Не смотря на болѣе, чѣмъ тридцатилѣтній періодъ, прошедшій со времени освобожденія и воли, духъ нашего крестьянина-малоросса все еще находится какъ-бы подъ гнетомъ этого тяжелаго прошлаго. Часто и теперь, въ лихія годины горькой нужды и несчастій нашъ крестьянинъ изливаетъ свою наболѣвшую душу въ пѣснях, сложенныхъ имъ подъ впечатлѣніемъ былыхъ тяжелыхъ временъ въ его жизни: крѣпостной зависимости и тяжелой двадцатипятилѣтней военной службы.

Много въ пѣсняхъ нашего народа однообразнаго, много есть пѣсенъ, которыя варіируются на всевозможные лады, смотря по тому, гдѣ, въ какой губерніи или-же уѣздѣ онѣ передѣланы примѣнительно къ быту своей мѣстности, но всѣмъ этимъ варіантамъ нельзя отказать въ извѣстнаго рода самобытномъ творчествѣ, давно выношеномъ въ душѣ и только ожидавшемъ толчка, чтобы вылиться въ пѣснѣ.

Предлагаемыя пѣсни записаны въ Вылынской губ. Острожск. у. въ д. Нараевкѣ со словъ „лирникивъ".

Двѣ первыя пѣсни характеризуютъ былую 25-юю службу солдатскую, въ нихъ слышится та безнадежная тоска, которую испытывалъ рекрутъ, уходя на службу, а также его родители и родственники.

Третья пѣсня, сложеная подъ впечатлѣніемъ освобожденія и воли, уже не дышетъ тою безнадежностью, которой пропитаны первыя двѣ, здѣсь уже слышится возрожденіе малоросса изъ подъ крѣпостного ига, слышится просыпающаяся его сила, часто проскальзываетъ, присущій ему юморъ къ своимъ притѣснителямъ—полякамъ и глубокая благодарность Царю-Освободителю, который почему-то названъ «Царивною»—должно быть для риѳмы. А также время воли приписывается къ сентябрю, (не потому-ли, что въ 60-хъ годахъ сообщеніе почтовое было очень медленно, и воля въ глухіе уголки «пріѣхала» гораздо позже, чѣмъ она была объявлена).

Въ четвертой пѣснѣ безжалостно осмѣянъ польскій воинъ, возвращающійся въ неудачнаго похода.

I.

Заревили волы, стоячи въ ярми
Чують витеръ изъ пивночи;
Закованы у колодахъ рекрутоньки
Заплакалы свои ясны очи.
Не такъ тіи холостіи
Якъ тіи жиночи,
Що кидають малихъ дитокъ дома
И молодыхъ жинокъ чорни очи.
Молодая рекрутонька плаче,
Капитана просыть:
«Капитане, ты мій пане! вчыны мою волю:
Пусты мого мыленького изъ рекрутъ до дому!»

«Стопть вода у коновци,
Промый соби чорни очи!
Якъ я вчыню тоби цее,
Кожный сего схоче».

II.

Нема добра и не буде,
Поки война въ свити буде!
Маты сына годувала,
Денька ночи не доспала,
Щастя долп не вгадала
Тай у військо высылала:
«Иды, иды сыну, иды пречъ видъ мене,
Нема тоби счастя долп въ мене,
А ни въ поли, ни въ дорози,
Ни въ купецькимъ перевози!»
Старша сестра коня веде,
Середульша збрую несе,
А найменьша выражае
До сырои прыпадае:
«Ой братыку Иваночку,
Ходы змыю головочку,
Та дамъ тобп на дорожку
Билую сорочку!»
„Не плачъ, не журыся, сестро, мною,
Есть Господь по надо мною:
Випъ змые мою головочку
И одине въ билую сорочку".
„Сыну мій, сыну Иваночку,
Прыбудь, прыбудь въ гостыночку!
Прыбудь, прыбудь хочъ разъ въ гости
Прошу тебе по щырости!"
«Радъ-бы, маты,
Въ гости прыбуваты,
Колы рекрутъ звидтель
Не велять пускаты».
А въ недилю, дуже рано,
Во вси дзвоны задзвоняно

И всихъ рекрутъ розгоняно,
Та до полкивъ прыдиляно, та до муштривъ зоставляно.
Визьмы, неню, писку въ жменю,
Посій его на каменю,
Якъ той писокъ въ гору зійде—
Сынъ твій тогди зъ війська прыйде.
Не слыхала, не выдала,
Щобъ той писокъ въ гору зійшовъ;
Не було прыкладу,
Щобъ той рекрутъ зъ війська прыйшовъ.

III.

Ой литала зозуленька черезъ нови села
Тай прынесла новыноньку панамъ невеселу.
Сила соби край виконьця, тай стала куваты:
Збирайтеся вся громада, щось маю казаты!
Ой казала, ой казала й говорыты буду,
Що вже панамъ-голодрыгамъ
Панщыны не буде!
Прылытила посьмитюха
Тай спивае съ гука,
Панъ окоманъ за дверыма
Все-то тее слуха.
«Ой ходимо, пане братця,
Теи птыци быты,
Нехай вона перестане
Изъ насъ панивъ кпыты.
Ой кпыла я, ой кпыла я,
Тай ще кпыты буду,
Що вже панамъ голодрыгамъ
Панщыны не буде».
Ходыть, ходыть панъ окоманъ
«Що то зъ цего буде?
Бидна жъ моя голивонька—
Не слухають люде!»
Ходывъ, ходывъ панъ окоманъ
Биля меи хаты:
«Ницъ тому не поможе,

Тра два злоты даты».
«Щожъ мы, пане-братця, будемъ робыты-діяты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки жаты?
Хиба пидемъ у темный лисъ
Пидъ сосну згинаты.
Що мы будемъ, пане-братця, робыты-гныты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки шыты,
Що не вміемъ мы косыты, наши жинки прясты,
Хиба пидемъ у Гощыньци [1])—научымось красты».
«Бо колысь була паньщына,
А теперъ не стала,
У мисяци Сентябри
Паньщына пропала».
Выйшла, выйшла стара пани,
Беззубая, безгубая, на затыльни дверы:
«Вернысь, вернысь, паньщыноньку,
Хочь намъ до вечеры!»
«Не вернуся, не вернуся—
Я съ того не выння,
Що царя ты прогнивыла
Я тому невчыння».
Выйшовъ, выйшовъ панъ окоманъ
На новыи дверци,
Колыбъ зловывъ мужыка»,
То бывъ-бы по серци.
Дай-же Боже та здоровье
Нашій Царивни,
Що вона насъ поривняла
Зъ панамы наривни.

IV.

Бувъ ляшокъ морковьяный,
Конякъ буряковый,
Шапка зъ маку,
Жупанъ лопуховый.

---

[1]) Должно быть м. Гоща, отстоящее въ 20 вер. отъ д. Нараевки.

Кунтушына огуркова,
Поясъ зъ кукурузы,
Чоботята ему зъ рыпы,
Шидвязь гарбузова.
Пистолеты зъ качана,
Пули зъ бараболи,
За плечыма пика
Изъ тычокъ насоли.
А сидельце конопляне
Стремя изъ березы,
Иде ляшокъ изъ Варшавы
Пьяный не тверезый.
«Помогай Бигъ, була гусь,
Научыла ваша Русь—
Якъ шапочку зняты,
Помагай Бигъ, Русью даты»!
Иде ляшокъ изъ Варшавы,
Шидъ нымъ конькъ пляше;
Свыни его перестрилы:
„Зачыкай-но, ляше!“
Вынявъ ляшокъ пистолетъ
Тай начавъ стреляты,
Свыни пули похапалы—
Ничымъ воюваты.
Вынявъ ляшокъ шамбелечку,
Тай почавъ рубаты;
Шабля ему зломылася—
Ничымъ воюваты.
Обступылы свыни,
Зовсимъ пана зъилы,—
Осталыся лышъ стремена
Зъ березоньки цилы.

Сообщ. **Вл. Корниловичъ.**

Заговоръ отъ скарлатины. Въ Сквирскомъ уѣздѣ все лѣто свирѣпствовала эпидемія скарлатины. Во избавленіе отъ послѣдней,

мѣстныя шептухи сочинили слѣдующій заговоръ, спеціально отъ данной болѣзни:

Сотворы, Господы, болящому мылостыню,
Нехай пресвятый архангелъ визьме хворостыну
Изъ пресьвитлого золотого райського тыну,
Да прожене одъ дытыны злую шкарлятыну,
Одъ раба божого у купели хрещеного,
Одъ усихъ грихивъ Хрыстомъ Богомъ одпущеного.
Попрошу я святу Матиръ Божую Гыдильску,
Щобъ прогнала шкарлятыну, злу хоробу дитську.
Святый Хрестытелю Иване, славный Предтече,
Очысть одъ шкарлятыны груды, шыю й плечи.
А вы вси святи угодныкы Божіи многи,
Очыстить слабенькому одъ пухлятыны ногы,
Нехай рабъ Божый болящый, въ купели хрещеный
Пиде у храмъ Божій, молытвамы освященый,
И тамъ нехай винъ щыро Господа Бога молыть,
Да на викъ Господь того одъ болисти уволыть.

Одна баба разсказывала, что собственными ушами слышала разговоръ грибовъ. Старый грибъ разсказывалъ молодымъ, что въ этомъ (минувшемъ 1899) году будетъ огромное количество «грыбивъ по лисахъ, та гробивъ по селахъ». (Сынъ Отечества, № 245).

Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ «Днѣпровской Молвѣ» (№ 47-й 1899 года) небольшая статья, посвященная указанію заслугъ въ дѣлѣ этнографическаго изученія Малороссіи одного изъ этнографовъ ея, *Григорія Антоновича Залюбовскаго*, скончавшагося въ минувшемъ году.

Дѣятельность покойнаго въ этомъ направленіи, начинаясь, насколько это можно прослѣдить по имѣющемуся подъ руками матеріалу, съ 1861—62 г., т. е. со времени студенческихъ годовъ, непрерывно продолжалась до самой кончины. Въ этотъ періодъ времени собрался огромный матеріалъ, и вотъ въ 1864 г. часть этого матеріала, собраннаго и записаннаго въ предѣлахъ одного Новомосковскаго уѣзда, въ количествѣ слишкомъ 700 «прыказокъ», «поговорокъ», «загадокъ», и т. д., помѣщается въ сборникѣ Номиса: «Українські приказки, прислівья і

таке инше» (см. л. I). Въ началѣ 70-хъ годовъ, съ открытіемъ такъ много сдѣлавшаго для этнографіи, Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, покойный дѣлается ревностнымъ членомъ этого учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ участникомъ въ капитальныхъ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ Ю.-З. край» Чубинскаго (см. предисловіе, стр. XVI). Здѣсь, на протяженіи семи томовъ, можно увидѣть огромное количество записей сказокъ, игръ и другого этнографическаго матеріала, собраннаго и записаннаго трудами и стараніемъ Григорія Антоновича. Наконецъ, въ «Чытанкѣ» Хуторного, изд. 1883 г., также помѣщено нѣсколько интересныхъ записей покойнаго. Но особенной любовью Григорія Антоновича пользовалось живое народное слово, какъ матеріалъ для словаря южно-русскаго. Какъ видно изъ переписки, въ 1861 г. онъ участвуетъ въ изданіи словаря Шейковскаго, а затѣмъ, послѣ пожара, пощадившаго изъ этого словаря, кажется, только два выпуска, собираетъ словарный матеріалъ съ цѣлью издать его лично. Но этому желанію не суждено было сбыться: смерть унесла въ могилу этого полезнаго дѣятеля, и любителямъ живого слова, въ видѣ духовнаго наслѣдія, остался въ память лексическій матеріалъ, представляющій собой до 1000 словъ, записанныхъ изъ устъ народныхъ во время дѣятельности покойнаго въ качествѣ судебнаго слѣдователя и позднѣе въ качествѣ предсѣдательствующаго члена суда въ выѣздныхъ сессіяхъ. Матеріалъ этотъ представляется цѣннымъ и заслуживающимъ вниманія, ибо каждое слово представляетъ и запись, и выдержку изъ рѣчи, въ коей оно употреблено, и такимъ образомъ извѣстному слову, особенно малоупотребительному, всегда будетъ присвоено значеніе не гадательное, а строго ему соотвѣтствующее. Записи предыдущихъ годовъ были отосланы имъ какъ матеріалъ для готовящагося къ печати малорусскаго словаря въ нашей редакціи. Покойный, будучи по образованію филологомъ и любя свой родной край, не могъ не относиться къ родному слову, какъ къ высшему проявленію духа народнаго, иначе, какъ съ особенною возвышенною любовью и уваженіемъ. Нужно было видѣть, какъ освѣщалось чудной неуловимой улыбкой безстрастное лицо Григорія Антоновича, въ качествѣ предсѣдателя-судьи, когда ему при допросѣ попадалось какое-либо выраженіе или слово, достойное, по его мнѣнію, записи. Постороннему наблюдателю и въ голову не приходило бы и прійти не могло, чтобы этотъ, съ виду такой ровный и спокойный судья, могъ хоть на минуту

увлечься простымъ словомъ простого человѣка. А между тѣмъ это было такъ, и та самая рука, которая нѣсколько минутъ тому назадъ писала, быть можетъ и суровый, но основанный на народной совѣсти и законѣ, приговоръ, объявляемый всенародно, въ то-же время, незамѣтно для посторонняго наблюдателя, заносила на маленькій четвероугольный кусочекъ бумажки лучшее проявленіе психологической дѣятельности человѣка—его живое слово. Изъ предыдущаго перечня изданій этнографическаго содержанія видно, какая масса трудовъ была выслана покойнымъ въ различныя изданія, а изъ характера записей и пріемовъ можно заключить объ энергіи покойнаго, научной его подготовкѣ и безпримѣрной скромности. И въ самомъ дѣлѣ, въ малорусской этнографіи вы не найдете ни одного изданія, на коемъ бы красовалась надпись покойнаго, но внутри почти каждаго сборника, подъ отдѣльными записями, скромное: «сообщилъ Залюбовскій» —не рѣдкость. И записей и сообщеній этихъ огромное количество! А между тѣмъ возьмите любое литературно-этнографическое изслѣдованіе по приводимому вопросу, напримѣръ—капитальный трудъ: Исторію этнографіи Пыпина (I, III т. т. Малор. Этногр.). Исторію литературы пр. Огоновскаго, Исторію литературы Украинской проф. Петрова—и вы не встрѣтите среди перечня этнографовъ и собирателей народнаго слова имени Залюбовскаго. За то спросите о немъ любого ученаго-этнографа и любителя этнографіи Украйны, и имя его будетъ произнесено послѣдними съ видимымъ уваженіемъ. Устно оно прекрасно извѣстно, а переписка покойнаго свидѣтельствуетъ, что почти ни одно изъ малорусскихъ изданій по этнографіи не обходилось безъ его участія. Но пока живы соратники покойнаго, сохранится и устная память о немъ. А сойдутъ съ житейской сцены послѣдніе ревнители музы народной, и можетъ заглохнуть невнесенное въ списки лѣтописи прекрасное имя покойнаго, какъ этнографа.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ дополненіе къ суммѣ *1612 руб 33 коп.*, поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 11-й 1899 года), вновь пожертвовано въ теченіе декабря мѣсяца слѣдующими лицами: М. Е. Ленчикомъ—3 руб., и изъ Могилева (губерн.) И. И. Гудзовенкомъ, Каминскимъ, Мироненкомъ, Пивоваровымъ

и Коніттомъ—18 руб., а *всего* вмѣстѣ съ прежними—*1633 руб. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

Старая икона, поднесенная въ даръ херсонскому археолог. музею. Газета «Югъ» сообщаетъ, что предсѣдателемъ херсонской ученой архивной коммиссіи Г. Л. Скадовскимъ принесены въ даръ губернскому археологическому музею восемь частей большой иконы, писанной на полотнѣ, изображающей Страсти Христовы, а именно: 1) «тайная вечера»; 2) «молтся ісъ вертогради»; 3) «привидоша іиса ко пилату»; 4) «бютъ іиса у слупа» (столба); 5) «коронуютъ іса терновымъ венцемъ»; 6) «несеніе крта на гору голъгофтвъ»; 7) распятіе съ предстоящими (надпись отрѣзана); 8) «воскресеніе Христово». Икона эта долгіе годы висѣла на стѣнѣ церкви въ с. Бѣлозеркѣ, имѣніи г. Скадовскаго, принадлежавшемъ нѣкогда строителю Херсона Ивану Абрамовичу Ганнибалу, который и соорудилъ эту церковь. Судя по живописи, икона современна самой церкви, а писавшій ее художникъ былъ, очевидно, малороссъ, руководствовавшійся наивными традиціями южно-русскаго пошиба иконописи. Особенно характерна часть иконы подъ № 2: Пилатъ возсѣдаетъ на креслѣ, какія были во всеобщемъ употребленіи въ прошломъ столѣтіи, съ изогнутой деревянной спинкой; Спасителя подводятъ къ нему три человѣка: на двухъ изъ нихъ, долженствующихъ изображать воиновъ, надѣты шлемы, а третій—типичный козакъ въ зеленой свиткѣ, подпоясанной широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ, въ красныхъ шароварахъ и въ высокой смушковой шапкѣ. Двухъ частей этой иконы недостаетъ; кажется, ихъ слѣдуетъ искать въ с. Кисляковкѣ, куда онѣ были подарены о. настоятелемъ бѣлозерской церкви.

Лекція А. Я. Ефименко о Котляревскомъ. 22 ноября въ Харьковѣ состоялась публичная лекція *А. Я. Ефименко* на тему «Авторъ Энеиды и Наталки-Полтавки въ исторической обстановкѣ». Публика, слушавшая лекцію, наградила лекторшу дружными аплодисментами не только ради прекраснаго содержанія лекціи, но и ради пламеннаго

одушевленія, съ какимъ лекторша говорила о быломъ укладѣ жизни Малороссіи, предшествующемъ эпохѣ Екатерины II, и объ отрицательномъ отношеніи южно-русскаго общества къ преобразовательнымъ планамъ этой государыни.

Съ неменьшимъ воодушевленіемъ лекторша коснулась наклонности малорусскаго народа къ просвѣщенію, роли дьяка—простого и «мандрованаго»—въ этомъ просвѣщеніи и демократическаго характера высшаго образованія въ южной Россіи до-екатерининскаго времени.

Рѣчь лекторши звучала негодованіемъ, когда ей пришлось перейти къ времени, когда укладъ жизни Малой Россіи и типъ развитія долженъ былъ пойти въ новомъ направленіи, когда крѣпостное право отдѣлило верхній слой общества отъ нижняго.

Г-жа Ефименко говорила затѣмъ о Котляревскомъ, какъ иниціаторѣ возбужденія симпатій верхняго слоя къ нижнему, взявшемъ на себя эту задачу въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Наталкѣ Полтавкѣ».

Какъ выразителю народнаго самосознанія, народной стихіи въ поэтическихъ сознаніяхъ, Полтава ставитъ Котляревскому памятникъ, какъ мѣсто его родины, и это обстоятельство дало поводъ г-жѣ Ефименко выступить съ своей лекціей.—(Днѣпров. Молва, № 48)

Отношеніе Святѣйшаго Синода къ малорусскому языку. Мнѣніе нѣкоторыхъ, что Святѣйшій Синодъ принципіально считаетъ невозможнымъ допустить малорусскій языкъ въ цѣляхъ просвѣтительно-образовательныхъ,—какъ указываетъ «Руслан» (№ 265), совершенно неосновательно, доказательствомъ чего служитъ документальное свидѣтельство на первой страницѣ каждаго № американской газеты «Свѣтъ»: «Увага. Издавать газету «Свѣтъ» *на малорусскомъ нарѣчіи* разрѣшено указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода за № 6570, каковый указъ данъ на имя Преосвященнѣйшаго Николая, епископа Алеутскаго". Такимъ образомъ не Святѣйшій Синодъ относится отрицательно къ употребленію малорусскаго языка въ цѣляхъ просвѣтительныхъ, а тѣ пастыри, которые не сознаютъ этой настоятельной потребности въ послѣднемъ, каковую несомнѣнно сознаетъ преосвященный Николай Алеутскій.

Въ № 45 «Днѣпровской Молвы» помѣщено весьма интересное письмо изъ Черниговской губерніи о „Нерѣшенномъ вопросѣ народнаго образованія.“—Авторъ вспоминаетъ о заявленіи въ Черниговскомъ уѣздномъ земск. собраніи, еще въ 1880 г., гласнаго Н. А. Константиновича о необходимости ходатайствовать *о правахъ мѣстнаго нарѣчія при преподаваніи въ школѣ*. Подобное же предложеніе, въ формѣ обстоятельнаго доклада, было представлено въ декабрѣ 1893 г. губернскимъ гласнымъ И. Л. Шрагомъ. Губернская Управа вполнѣ сочувственно отнеслась къ предложеніямъ гл. Шрага и по поводу предложенія его (о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ) особенно подчеркнула необходимость изданія на малорусскомъ языкѣ книгъ Св. Писанія, «которое,—писала Управа въ своемъ заключеніи,—распространено въ настоящее время между разными націями и во всѣхъ частяхъ Россійской имперіи на 70 языкахъ и нарѣчіяхъ,—нѣтъ только его на малорусскомъ (украинскомъ) языкѣ. Казалось бы, что доступъ къ такой великой всемірной книгѣ, какъ Евангеліе, долженъ быть только облегчаемъ всѣми способами».

Переходя къ вопросу о необходимости преподаванія въ школѣ на малорусскомъ языкѣ, авторъ, подобно г. Шрагу и губернской Управѣ, признаетъ тотъ безспорный принципъ, который требуетъ при всякомъ обученіи постепенности въ переходѣ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго къ трудному. Если кто-либо сомнѣвается въ томъ, что языкъ школьной книжки и языкъ, употребляемый населеніемъ дома, въ семьѣ, не такъ ужъ близки между собою, если кто-либо вообще отрицаетъ крупное различіе между языками великорусскимъ и малорусскимъ, тотъ глубоко заблуждается: достаточно обратить вниманіе на огромное количество омонимовъ (въ отдѣльныхъ словахъ), какъ напр.: люлька, нытать, родына, ось, вино, быть, наглый, шумъ, деревня, рожа; если же брать связныя фразы, то такихъ омонимовъ, благодаря общности большинства корней въ обоихъ языкахъ, получается безконечное количество; затѣмъ есть огромное количество русскихъ словъ, которыя переводятся по-малорусски совсѣмъ непохожими словами: изба—хата, лѣстница—драбына, рожь—жыто, крыльцо—ганокъ, пуговица—кгудзыкъ, шляпа—брыль, ухватъ—рогачъ, стропило—кроква. А вѣдь все это самыя общеупотребительныя и необходимыя слова. Неудивительно поэтому, что почти все время въ малорусской школѣ тратится лишь на усвоеніе русскаго языка, усвоеніе же познаній отодвигается на второй планъ. Поэтому, если бы

произвести реформы, которыя предлагаетъ гласный И. Л. Шрагъ и Борзенское земство (сдѣлавшее постановленіе въ прошломъ году по вопросу о народномъ языкѣ въ школѣ), то школа давала бы совершенно иные результаты, а теперь затраты земства на народное образованіе непроизводительны, и народнаго просвѣщенія не спасутъ ни подробно выработанныя программы, ни гигіеническія школьныя помѣщенія, разъ языкъ преподаванія не будетъ достигать цѣлей просвѣщенія.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что до сихъ поръ только одно черниговское губернское земство возбуждаетъ вопросъ о введеніи въ школахъ народнаго языка, а земства другихъ малорусскихъ губерній такъ и продолжаютъ спокойно не замѣчать слона въ близкомъ имъ дѣлѣ народнаго образованія.

Вещи принадлежащія Т. Г. Шевченку. Д. С. Лазаревскій въ Симбирской губ. предлагаетъ желающимъ пріобрѣсть у него слѣдующія вещи, принадлежащія Т. Г Шевченку:

1) Портретъ Ш—ка, до пояса, въ кожухѣ и въ смушевой шапкѣ, нарисованный (въ 1860 г.) самимъ поэтомъ. Стоимость 400 р.

2) Медальонъ изъ двухъ платиновыхъ монетъ, въ золотой оправѣ, съ фотографіей поэта и прядью волосъ послѣдняго,—стоимость 100 руб.

3) Автографъ разсказа «Старая погудка на новый ладъ»;—это первая часть разсказа, извѣстнаго въ печати подъ загл. «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали». Написано на тонкой, in folio, бумагѣ, оправленной въ сафьянъ; стоитъ 40 р.

4) Путевой альбомъ Ш—ка съ 14-ю пейзажами, исполненными тушью и перомъ; 75 руб.

5) Двѣ сепіи: а) Киргизъ грѣетъ спину около огня и б) Киргизка мелетъ на жерновахъ.

6) Семь сепій «Похожденія блуднаго сына»—300 р.

7) Бумаги, относящіяся къ Шевченку (черновыя его писемъ, списки вещей, оставшихся послѣ его смерти, счетъ расходовъ при его похоронахъ и т. п.), а также носовой платокъ поэта,—25 р. (Літерат. Науковый Вістник. кн. 12).

Владѣлецъ перечисленныхъ предметовъ очень дорого оцѣнилъ ихъ, вѣроятно *изъ уваженія къ памяти поэта.*

Борьба изъ-за Шевченка. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Золочевской (въ Галиціи) гимназіи польская молодежь чествовала Мицкевича. Въ устройствѣ вечера принимала энергическое участіе и русинская молодежь; даже одинъ изъ учениковъ декламировалъ по-украински. Когда же ученики-русины чествовали память Шевченка или, въ минувшемъ году, Котляревскаго,—то ученики поляки не отказывали имъ въ своемъ содѣйствіи и декламировали по-польски. Это былъ обмѣнъ любезностей и имѣлъ ту хорошую сторону, что и поляки и русины проникались чувствами солидарности и взаимнаго уваженія. Но въ этомъ году вышло иначе. Когда ученики—русины, задумавшіе устроить въ январѣ буд. года вечеръ Шевченка, пригласили къ участію товарищей-поляковъ, послѣдніе не могли принять предложенія, такъ какъ послѣдовало на это запрещеніе со стороны учителя польскаго языка Сендзиміра. Интересно отмѣтить тѣ мотивы, которыми руководствовался г. Сендзиміръ. «Шевченка не слѣдуетъ чтить вечерами, съ точки зрѣнія абсолютныхъ достоинствъ его, какъ поэта. *Шевченко не народный* поэтъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ сталъ бы наравнѣ съ Мицкевичомъ, *чего не было, нѣтъ и не будетъ.* Онъ подъ конецъ жизни впалъ не въ мессіанизмъ, а въ кощунство. Кромѣ того, онъ насквозь *гайдамака*, такъ какъ онъ упивается гайдамачествомъ и идеализируетъ его. Если онъ направляетъ противъ поляковъ ложь, плевки, кидаетъ въ нихъ грязью, то просить поляковъ принимать участіе въ чествованіи такого человѣка было бы варварствомъ. Я радовался, что въ прошломъ году вы не праздновали памяти Шевченка (въ прошломъ году гимназисты чествовали память Котляревскаго), и думалъ, что золочевскіе гимназисты, съ точки зрѣнія цивилизаціи, сдѣлали шагъ впередъ, но оказалось, что я ошибся». (Дѣло, ч. 272).

Ясно изъ этого, что пока не переведутся педагоги, подобные г. Сендзиміру, антагонизмъ между галицкими русинами и поляками не скоро исчезнетъ.

Народные спектакли въ Харьковѣ. На праздникахъ Рождества Христова въ циркѣ братьевъ Никитина будутъ даваться русско-мало-

русской труппой спектакли, которые начнутся съ 25 декабря; плата за входъ на спектакли будетъ назначена самая скромная. Предполагаютъ поставить нѣсколько новыхъ пьесъ малорусскаго репертуара, не игранныхъ еще въ Харьковѣ.

Военный хоръ въ Полтавѣ. Подвизающійся съ нѣкоторыхъ поръ во время народныхъ чтеній военный хоръ любителей начинаетъ пріобрѣтать симпатіи публики, посѣщающей чтенія, и служить однимъ изъ средствъ для привлеченія ея по воскресеньямъ въ залъ городской управы. Хоръ этотъ состоитъ изъ 15 пѣвцовъ, обладающихъ свѣжими голосами, и уже теперь весьма недурно справляется съ своимъ довольно разнообразнымъ репертуаромъ; особенно хорошо выходятъ въ исполненіи хора малорусскія пѣсни.

Польская пресса по поводу основанія украинскаго Университета во Львовѣ. По поводу проекта основанія Украинскаго Университета «Słowo Polskie» помѣстило двѣ статьи, — въ №№ отъ 22 и 25 ноября. н. ст. Авторъ первой, К. С., отмѣтивъ тотъ фактъ, что русинскія стремленія къ равноправію съ поляками въ области народнаго образованія съ каждымъ днемъ все больше и больше осуществляются, обращается съ предостереженіемъ къ польскому обществу: «если есть еще время, то надо сдерживать стремленія сейчасъ же, а если нѣтъ,—то придется готовиться къ принятію новаго гостя. Caveant consules, ибо капли долбятъ камень все чаще и регулярнѣе».

Въ другой статьѣ, авторъ, за подписью S. M., говоритъ совершенно обратное,—онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «неужели будемъ употреблять наши силы на то, чтобы тормозить развитіе братняго народа. Напротивъ, мы должны горячо желать развитія и поднятія русскаго (русинскаго) духа, принять русиновъ какъ братьевъ, а не отталкивать, какъ враговъ... «Гость» этотъ лишь тогда будетъ для насъ страшенъ, когда мы будемъ съ нимъ недостойно обращаться».

Трудно согласить то и другое. Тѣмъ не менѣе, мы охотно вѣримъ, что и въ галицкомъ польскомъ обществѣ найдется не мало лицъ, сочувствующихъ галицко-русинскому движенію, и что значительный процентъ противниковъ послѣдняго можетъ быть объясненъ неточнымъ представленіемъ о галицко-русскихъ отношеніяхъ.

Результатъ конференціи русинскихъ епископовъ во Львовѣ по вопросу объ оффиціальномъ языкѣ для переписки съ властями. «Галичанинъ» напечаталъ результаты конференціи русскихъ (русинскихъ) епископовъ во Львовѣ. Газета сообщаетъ, что на состоявшейся конференціи русинскихъ епископовъ постановлено выступить въ защиту русинскаго духовенства, ведущаго борьбу въ пользу переписки съ властями на родномъ языкѣ. Рѣшеніе это основано на распоряженіи Львовскаго митрополита, повелѣвшаго, чтобы только съ русскими приходскими общинами и вообще русскими учрежденіями переписывались на русскомъ (малорусскомъ) языкѣ.

Общее собраніе членовъ «Народного Дому» во Львовѣ. 8 декабря (н. ст.) состоялось, послѣ трехлѣтняго промежутка, общее собраніе членовъ одной изъ довольно крупныхъ галицко-русскихъ научно-просвѣтительныхъ институцій, «Народного Дому».

Заимствуемъ изъ отчета о дѣятельности «Народного Дому» за послѣднее трехлѣтіе наиболѣе интересныя подробности. Оказывается, всѣхъ членовъ состоитъ теперь 461. Имущество институціи заключается въ 4-хъ домахъ во Львовѣ,—на сумму до 280000 рублей. Затѣмъ еще есть библіотека, состоящая изъ 60449 томовъ, музей и села: Бѣлка, и Костеново—на сумму до 72000. Чистаго дохода ежегодно получается до 5—6 тыс., которые отпущены были на постройку Преображенской церкви во Львовѣ. Долга остается еще до 70000.

«Народный Домъ» содержитъ двѣ «бурсы» (пансіоны): гимназическую и ремесленную (около 35 учен. въ каждой); болѣе успѣвающіе ученики (20) посѣщаютъ нѣмецкую гимназію, а остальные — «русскую» (русинскую) гимназію и реальное училище. Въ недалекомъ будущемъ, «Народный Домъ» предполагаетъ издавать «русскую» народную газету, а также назначить преміи за наилучшія *русскія литературныя* сочиненія въ Галичинѣ».

На собраніи докторъ Черлюнчакевичъ (изъ Перемышля) обратилъ вниманіе собранія на то, что «Народный Домъ» долженъ поддерживать «русскую» литературу и помогать частнымъ лицамъ издавать литературныя произведенія, написанныя «правильнымъ русскимъ языкомъ», а не язычіемъ и не фонетикою». (Дѣло», ч. 270).

Эмиграція изъ Галиціи. Въ послѣдніе четыре года изъ Галиціи эмигрировало въ Америку, согласно данныхъ галицкаго намѣстничества, 33571 чел., въ томъ числѣ изъ восточныхъ уѣздовъ 23529 чел., а изъ западныхъ—10932. Болѣе всего эмигрировало изъ восточныхъ (русинскихъ) уѣздовъ въ 1896 г., а изъ западныхъ въ 1898 г.; менѣе всего: изъ восточныхъ—въ 1898 г., изъ западныхъ—въ 1897 г. Если принять во вниманіе, что изъ восточной Галиціи эмигрировалъ преимущественно русскій (русинскій) элементъ, а изъ западной—польскій, съ значительной примѣсью русиновъ изъ горныхъ уѣздовъ, то можно съ вѣроятностью предположить, что всѣхъ русиновъ эмигрировало minimum $^3/_4$ всего вышеприведеннаго количества. («Літерат.-Науковий Вістник, кн. XII»).

Русины въ Бразиліи. Русины, которыхъ судьба загнала за океанъ, въ Бразилію (въ Парану), въ количествѣ до 30000 чел., начинаютъ пробуждаться къ народной жизни. Такъ напр., въ колоніяхъ—Ріо-Кларо и Прудентополисъ, гдѣ наиболѣе сгруппировано семействъ русиновъ, благодаря неусыпнымъ стараніямъ священника Роздольскаго, построены 4 церкви. Затѣмъ, въ главномъ городѣ Куритыбѣ, гдѣ имѣется также до 200 душъ русиновъ, преимущественно ремесленниковъ, основалось недавно русинское общество «Руска читальня въ Куритыби», цѣлью котораго служитъ сплотить всѣхъ здѣшнихъ русиновъ, на сколько возможно, въ одну «Громаду» для общей народной работы. Въ цѣляхъ сохраненія чистоты языка и вѣры, распространенія образованія, общество основало библіотеку, выписало нѣкоторыя русинскія газеты: «Дѣло» (Діло), «Свободу», но незначительныя средства не позволяютъ производить болѣе крупныя затраты на пріобрѣтеніе желательнаго количества книгъ и періодическихъ изданій. Поэтому «Руская Читальня» въ Куритыбѣ обращается съ просьбой ко всѣмъ землякамъ и редакціямъ газетъ не отказать въ своемъ содѣйствіи. Всякія пожертвованія (книжки и проч.) просятъ присылать по адресу секретаря общества: Antonio Tymcio, *Curityba*, Rua Comandatore Aranio en casa de Sr. Emanuel Miró Iuniot.

Число подписчиковъ на галицкія изданія. Какъ сообщается въ № 24 «Громадського голосу», число подписчиковъ на галицкія мало-

русскія изданія выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: «Дѣло» —1456, «Галичанинъ» —около 1000 экземп., Русское Слово—1852 экз.; «Громадський голос» расходится въ количествѣ около 780, «Свобода» — 1305, «Руслан» —317.

Прарусскій языкъ (!) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ кіевскій ученый посѣтилъ съ научн. цѣлью австрійскіе университетскіе города и по пути остановился во Львовѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ А. Петрушевичемъ [1]), который жаловался ему на то, что онъ трудится много лѣтъ на поприщѣ исторической и археологической наукъ, издалъ огромное количество своихъ произведеній, но они мало расходятся, и рѣдко кто читаетъ ихъ. На это кіевскій ученый замѣтилъ, что причиной этому обстоятельству, по всей вѣроятности, служитъ тотъ языкъ, на которомъ г. Петрушевичъ излагаетъ свои ученыя изслѣдованія, который одинаково неудобопонятенъ и для малороссовъ, и для великороссовъ.—«Бо я пишу *прарускимъ* языкомъ»— послѣдовалъ на это отвѣтъ г. Петрушевича. («Руслан», ч. 260).

---

[1]) Одинъ изъ видныхъ дѣятелей старорусской партіи въ Галиціи.

Библіографія.

Современные фотографо-этнографическіе альбомы. *(Издательство типовъ и видовъ Малороссіи. Х. Я. Парфененка. Кіевъ, 1899 г.).*

Въ Кіевѣ появилось „Издательство типовъ и видовъ Малороссіи Х. Я. Парфененко". Передо мной лежитъ альбомъ этого издательства, состоящій изъ 135 снимковъ формата цѣлой фотографической пластинки. Какъ нельзя болѣе во-время предпринялъ свое издательство г. Парфененко: повинуясь общему закону, въ Украйнѣ, какъ и всюду въ настоящее время, вслѣдствіе экономическихъ и иныхъ причинъ, идетъ быстрое исчезаніе внѣшнихъ оригинальныхъ этнографическихъ особенностей костюма, утвари, предметовъ домашняго обихода и отчасти даже построекъ. Дешевыя фабричныя матеріи, гнилые ситцы бумазея и вата всюду замѣняютъ теперь прочныя, красивыя, а потому и дорогія домашнія ткани, сукна, холсты, запаски, плахты, всевозможныя ручныя вышивки, рушники, хустки и т. п. Этнографія стыдливо прячется въ музеи и даетъ мѣсто грядущему безцвѣтному, антихудожественному, космополитическому костюму, который всѣхъ подводитъ подъ одинъ сѣрый, унылый шаблонъ. Путешественникъ, прозжающій по желѣзной дорогѣ города и села Малороссіи, естественно ищетъ глазами особенностей края, оригинальности костюма и часто очень мало ихъ находитъ; тѣмъ болѣе грустно художнику, видящему, что интересный и весьма живописный костюмъ украинскихъ дѣвушекъ и женщинъ обезличивается. Художники, впрочемъ, жалуются, что даже въ Италіи оригинальные народные костюмы почти ушли изъ деревень, и даже знаменитый италіанскій пастухъ, котораго за

его живописное одѣяніе писали чуть ли не всѣ посѣщающіе Италію художники,—и тотъ бросилъ свой прежній красивый костюмъ, и его всюду можно видѣть въ старомъ, выгорѣвшемъ, повидимому выброшенномъ кѣмъ-нибудь изъ туристовъ, котелкѣ, въ рваномъ пиджачишкѣ, въ дырявыхъ, недоходящихъ до выкривленныхъ и истрепанныхъ ботинокъ узенькихъ брючкахъ. Подобный видъ однако не мѣшаетъ ему чувствовать себя совсѣмъ культурнымъ человѣкомъ и съ презрѣніемъ отворачиваться отъ своихъ собратій, почему либо еще неуспѣвшихъ принять такой же культурный видъ, какъ и у него. Въ Украинѣ еще до этого не дошло, и потому я думаю, что г. Парфененко предпринялъ свое издательство во-время. Фотографія сохранитъ кое-что еще уцѣлѣвшее и удержавшееся и сдѣлаетъ его достояніемъ исторіи; она дастъ цѣнный и разнообразнѣйшій матеріалъ не только разнымъ любителямъ альбомовъ, коллекціонерамъ, диллетантамъ, но и серьезнымъ художникамъ и даже ученымъ.

Попытаемся же выяснить, какимъ условіямъ должны удовлетворять работы вновь появившагося издательства, да и современныя фотографо-этнографическія работы вообще, чтобы имѣть прочный успѣхъ у публики, у любителей альбомовъ, коллекціонеровъ-этнографовъ, художниковъ, въ художественныхъ отдѣлахъ библіотекъ, музеяхъ, рисовальныхъ школахъ и т. д., и т. д.

Удивительнѣйшіе успѣхи современной фотографіи и въ смыслѣ техники, обнимающей все производство дѣла отъ момента сниманія до напечатанія включительно, и въ смыслѣ новизны и смѣлости сниманія съ натуры цѣлыхъ изящныхъ композицій и картинъ, отъ миѳологическаго до историческаго жанра включительно,—все это вмѣстѣ дало поводъ и право настоящимъ художникамъ фотографіи поставить совершенно смѣло вопросъ—искусство ли фотографія? По отношенію къ отдѣльнымъ работамъ опытныхъ, рѣдкихъ фотографовъ-художниковъ приходится, вопреки держащемуся еще противоположному мнѣнію, сказать—да! Стоитъ вспомнить только работы нашихъ мастеровъ—Деньера, Карелина, Вишнякова, снимавшаго свои удивительные пейзажи вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ И. И. Шишкинымъ, и работы нынѣ здравствующаго любителя Шульца... Да и въ самомъ дѣлѣ, къ фотографіи вѣдь непремѣнно прикасается индивидуальность творчества художника; не говоря о самомъ выборѣ сюжета, замыслѣ внутренняго выраженія, тутъ есть еще наличность композиціи картины, а это черта внутренняго я художника, его вы-

раженіе любви къ своему художественному дѣтищу. Разумѣется, все это не въ той степени, какъ въ картинѣ, гдѣ ее выражаетъ каждый штрихъ и каждый мазокъ, но все же въ такой степени, что всегда можно узнать автора самой работы, а это-то и указываетъ на нѣчто гораздо большее, чѣмъ обыкновенное любительское или даже профессіональное щелканье фотографическимъ затворомъ. Говорятъ и пишутъ даже, что каждый фотографъ, при соблюденіи совершенно одинаковыхъ условій, дастъ совершенно одинаковые результаты. Этого не скажетъ ни одинъ опытный фотографъ, ибо этихъ условій не бываетъ въ натурѣ—одну и ту же фигуру, или портретъ, каждый сниметъ иначе, и это «иначе» будетъ и въ экспозиціи, и въ проявленіи, и въ ретушированіи, и наконецъ въ отпечаткѣ и его окрашиваніи. Да оно и понятно: всѣ художественные пріемы возникаютъ изъ мыслей, фантазіи и вкуса художника, всѣ техническіе—изъ личнаго опыта, изученія и исканія милой ему правды, вся же совокупность факторовъ служитъ объясненію, раскрытію идеи снимающаго. Можно смѣло сказать, что художникъ, снимающій фотографію съ собственной композиціи, только ускоряетъ свой творческій трудъ и иногда дѣлаетъ дѣйствительно «моментальные» кроки задуманныхъ, хотя бы и фотографическихъ лишь картинъ. Несмотря однако на быстроту съемки, въ этихъ краскахъ все же есть и выборъ свѣтотѣни, и укладка драпировокъ, осмысленное приспособленіе аксесуаровъ—выдѣленіе однихъ, затемнѣніе другихъ—все то же, что и въ настоящихъ работахъ художника, и все это, опять-таки, даетъ поводъ гг. фотографамъ иногда спрашивать не искусство ли фотографія? А не такъ давно Робертъ де-ла-Сизеранъ издалъ цѣлую любопытную монографію съ превосходнѣйшими фототипическими приложеніями «La Photographie est elle un art?» Разсматривая эти чудныя приложенія со снимковъ Кюйо, Демаши, Лебега, Крегъ-Аннана Реймона, не колеблясь скажешь, что и фотографія можетъ быть искусствомъ. Для насъ впрочемъ не важно рѣшать вопросъ, искусство-ли фотографія, но очень важно, что къ фотографіи уже давно предъявляются требованія, какъ къ искусству, и удивительно то, что этой простой истины не понимаютъ только господа издатели всякихъ псевдо-этнографическихъ «альбомовъ, видовъ, воспоминаній, типовъ Россіи» и т. п. Этимъ непониманіемъ только и можно объяснить ихъ постоянные провалы и то, что сравнительно не очень ужъ плохой «альбомъ Малороссіи» Кордыша—и тотъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть какъ слѣдуетъ. Но нѣтъ правилъ безъ исклю-

ченій; они несомнѣнно есть, а изъ нихъ есть одно блестящее и примѣра неимущее,—я говорю о работахъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ умершаго петербургскаго художника фотографа Каррика; его снимки типовъ, сценъ и видовъ изъ приволжскихъ губерній русскаго и инородческаго населенія имѣли огромный успѣхъ, причина котораго, прежде всего, лежала въ той необыкновенной любви къ дѣлу, которая заставляла талантливаго художника составлять изъ своихъ малокультурныхъ, а зачастую и полудикихъ, натурщиковъ цѣлыя осмысленныя сцены и картины, а большинство одинокихъ фигуръ его—это прекрасные художественные этюды. Любовь этого энергичнаго художника къ своему дѣлу заставила его побывать въ невѣроятныхъ захолустьяхъ и нетронутыхъ еще мѣстахъ, искать вездѣ оригинальности, красоты, и въ то же время, правдивости и естественности, избѣгать, слѣдовательно, всего пошлаго и надоѣвшаго, всего, что увидишь, куда ни повернешься, и что въ снимкахъ, просматривая, только перелистываешь. Каррикъ пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность не только въ Россіи, но его фотографіями наполнялась масса иностранныхъ журналовъ, не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Изъза границы отработавшія клише съ его фотографій покупались издателями русскихъ иллюстрированныхъ изданій, которыя, уже хотя и въ изуродованномъ видѣ, но все же знакомили Россію съ работами единственнаго въ своемъ родѣ художника-этнографа. Каррика использовала масса иллюстраторовъ и даже большихъ нашихъ художниковъ,—это фактъ всѣмъ извѣстный. Каррикъ наполняетъ альбомы любителей, этнографическіе музеи и коллекціи, а также художественные отдѣлы библіотекъ; его можно видѣть на разныхъ лукутинскихъ и т. п. издѣліяхъ, въ скульптурныхъ серебряныхъ вещахъ, разныхъ хромолитографіяхъ, «приложеніяхъ» и народныхъ лубочныхъ картинахъ и т. д., и т. д. Надо помнить, что онъ снималъ еще мокрымъ способомъ, слѣдовательно, какую бездну трудностей приходилось ему преодолѣвать, снимая, напр., на полѣ и въ жаркую погоду, когда облитая пластинка сохла черезъ минуту,—и несмотря на это, онъ все же, четверть вѣка еще назадъ, указалъ дѣйствительный путь всѣмъ послѣдующимъ художникамъ, этнографамъ и фотографамъ любителямъ.. Наградой за его труды былъ не только нравственный, но и матеріальный успѣхъ: сей послѣдній, въ нѣкоторой долѣ и теперь еще получаетъ вдова художника. Но матеріальный успѣхъ его дѣла былъ бы огромный, если бы онъ самъ имѣлъ, кромѣ таланта этнографа-художника, еще и та-

лантъ коммерческій, а то вышло такъ, что эксплоатировалъ дѣло *нѣкто*, а Каррикъ получалъ *нѣчто*.

Обращаясь къ коллекціи Парфененко, прежде всего, слѣдуетъ сказать, что въ ней имѣются положительно хорошіе снимки, и хотя такихъ снимковъ и не такъ много, какъ бы хотѣлось видѣть, но они такъ интересны и художественны, что возбуждаемый ими интересъ переносится отчасти и на всю коллекцію и во всякомъ случаѣ, обязываетъ отмѣтить издательство г. Парфененка, какъ симпатичное начинаніе. Что касается недостатковъ коллекціи, то они, разумѣется, таковы, что въ будущемъ могутъ быть исправлены или по возможности уменьшены.

1. Прежде всего бросается въ глаза масса совершенно случайныхъ снимковъ, какихъ-то не то горничныхъ, не то мѣщанокъ, но во всякомъ случаѣ, особъ совершенно не типичныхъ ни по костюму, ни по лицамъ. Много есть и мужчинъ въ такомъ же родѣ; это и даетъ коллекціи какой-то однообразный пригородно-сѣрый видъ.

2. Непріятно поражаетъ, что всѣ натурщики и натурщицы, въ какихъ бы позахъ они ни стояли, какимъ бы дѣломъ они ни занимались,—непремѣнно смотрятъ на зрителя. Эта театральная рутина, эта дѣланность, а потому и неестественность позъ вызываетъ крайне досадное чувство.

3. Составленныя сцены не выдержаны, и часто между дѣйствующими фигурами нѣтъ внутренняго соотвѣтствія—каждое лицо сцены играетъ свою особую роль и при этомъ, что называется, «изъ другой оперы»; это заставляетъ подобные снимки перелистывать съ особой быстротой.

4. Удивляетъ отсутствіе типичныхъ костюмовъ: изъ 135 снимковъ нѣтъ ни единой дѣвушки или женщины въ плахтѣ или даже запаскѣ; почти отсутствуютъ и головныя повязки. Снята преимущественно молодежь, и при этомъ каждое лицо по нѣсколько разъ, хотя бы оно и не заслуживало подобнаго интереса.

5. Почти всѣ лица чрезвычайно сильно ретушированы, а потому и выглядятъ какими-то фарфоровыми. Для художниковъ они, разумѣется, совершенно непригодны, да и обыкновенному зрителю внушаютъ подозрѣніе.

6. Желаніе снимать фигуры возможно большаго размѣра ведетъ въ нѣкоторыхъ снимкахъ къ весьма непріятному перспективному уродованію ихъ.

7. Большинство снимковъ черны; очевидно, что фотографъ пренебрегаетъ какъ свѣтофильтрами, такъ ортохроматическими и изохроматическими стеклами, а эти предосторожности позволяютъ передавать довольно правильно отношенія свѣтотѣни независимо отъ окраски предмета.

8. Удивляетъ обиліе сценъ питія водки, что и въ натурѣ-то часто бываетъ противно, а въ фотографіи, да еще съ дѣланными, неестественными позами, и притомъ уставленными на зрителя глазами, и того хуже.

9. Отсутствіе подписей, что снято и гдѣ снято, также не мало вредитъ достоинству коллекціи.

Пожалуй есть и еще одинъ недостатокъ—это дороговизна снимковъ, что, прежде всего, невыгодно самому же издателю, ибо закрываетъ путь къ широкому распространенію коллекціи. Извѣстно, что прочный успѣхъ торговыхъ предпріятій зиждется не на высокой цѣнѣ сбываемаго товара, а только на количествѣ его. Вотъ для примѣра недурной обращикъ: въ Америкѣ есть издательство фотографическихъ снимковъ—типовъ, видовъ и сценъ—не только изъ американской жизни, но изъ всѣхъ частей свѣта—это компанія Underwood & Underwood, имѣющая представительство во всѣхъ частяхъ свѣта и главныя отдѣленія въ Нью-Іоркѣ, Торонто (Канзасъ), Оттовѣ (Канада) и Лондонѣ. За 10 лѣтъ гг. Бертъ и Ельмеръ Ундервуды развили свое издательство до колоссальныхъ размѣровъ; такъ, за 1898-й годъ ими продано 1.250.000 снимковъ! Въ печатной для русскихъ агентовъ инструкціи есть много интереснаго, между прочимъ и наставленій, слѣдуя которымъ, по утвержденію руководства, агенты сбываютъ въ 10—100 разъ больше товара, чѣмъ безъ рекомендуемыхъ пріемовъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ руководство, заказчикъ покупаетъ болѣе, чѣмъ онъ думалъ; бывали многочисленные случаи, когда намѣревавшійся купить 12 видовъ, при сдачѣ товара покупалъ 60, 72, 120 и болѣе». Снимковъ компаніи Ундервудовъ нельзя пріобрѣсти ни въ какихъ магазинахъ (во избѣжаніе перепечатокъ и конкуренціи); ихъ развозятъ спеціалисты агенты, обрабатывающіе каждый городъ черезъ каждые два года, и притомъ все съ большимъ и большимъ успѣхомъ. Теперь оборотный капиталъ равенъ 1,000,000 рублей. Превосходные снимки Ундервудовъ очень дешевы, а потому приступаешь къ выбору ихъ совсѣмъ спокойно и въ концѣ концовъ берешь дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ предполагалъ.

Что же касается техники, художественнаго выполненія всевозможнѣйшихъ задачъ и эффектовъ и внѣшняго изящества работы, то не мѣшало бы всѣмъ нашимъ издателямъ «альбомовъ» серьезно ознакомиться хотя бы, напр., съ первымъ альбомомъ Парижскаго фото-клуба, изд. въ память 1-й фотографической выставки въ 1894 г.—«Premiére, Exposition d' art photographique Paris 1894». Тамъ бы они увидѣли, чего можно достигнуть, любя свое дѣло: какія дивныя марины, какіе изумительные пейзажи (здѣсь не могу умолчать, что одинъ изъ самыхъ лучшихъ принадлежитъ нашему же соотечественнику М. Н. Кочубею снятый въ окрестностяхъ Бобровицы), какія жанровыя картины, историческіе, всевозможнѣйшіе этюды a la Рембрантъ, картины во вкусѣ старыхъ голландцевъ и мастеровъ разныхъ школъ, наконецъ картины, этюды и головки въ современномъ жанрѣ. Вотъ гдѣ поучиться, какъ надо снимать, а потомъ не слѣдуетъ забывать, что художественно-этнографическіе альбомы не могутъ игнорировать и духовную сторону снимаемаго народа.—Въ селахъ исполняются всевозможные обряды, игры, обрядовые танцы, пѣсни, весенніе танки, вожденіе короля, русалочныя свята, морена, бросаніе вѣнковъ, купало. По Деснѣ и теперь еще можно видѣть Троицкую Щоглу съ надѣтымъ наверху ея колесомъ, всю убранную зеленью и лентами; возлѣ этой Щоглы всѣ святки играетъ и веселится молодежь. Въ тѣхъ же мѣстахъ на Рождественскихъ святкахъ водятъ «козу и бусла»; эти игры сопровождаются лицедѣйствомъ, сценами и обрядовыми пѣснями и танцами. Одна свадьба (весилля) сколько могла бы дать матеріалу для сниманія. Наконецъ кромѣ сценъ и типовъ, встрѣчаются иногда старинные костюмы или части ихъ, оружіе, оригинальное шитье, разные хозяйственные предметы, украшенные рѣзьбой, наконецъ древнія деревянныя церкви и рѣзные иконостасы въ нихъ. А гг. издатели, желая дать въ своихъ альбомахъ представленіе о странѣ, ничего этого не видятъ и не ищутъ. Они предовольны, если имъ удастся пять, десять разъ подъ рядъ снять одну и ту же горничную или проходящаго мимо ихъ деревенскаго «перевертня», печатаютъ въ сотняхъ экземпляровъ свои «типы», назначаютъ цѣну немножко только выше высокой и удивляются, что никто ихъ «типовъ» покупать не хочетъ. Итакъ, мы видимъ, что издавать художественно-этнографическіе альбомы—дѣло совсѣмъ не такое простое и легкое, какимъ его, очевидно, представляютъ себѣ многіе изъ господъ предпринимателей. Далеко нѣтъ; для этого надо имѣть, кромѣ дѣйствительной любви къ своему дѣлу, еще

и настоящее художественное развитіе и вкусъ и прямо-таки спеціальный талантъ. Къ нему надо серьезно и разносторонне готовиться, ознакомившись предварительно со всѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи. Нужно большое умѣніе обходиться съ народомъ, умѣть расположить его къ согласію позировать, т. к. большинство къ фотографированію относится съ предубѣжденіемъ, а особенно старые и пожилые люди, смотрящіе на сниманіе портретовъ, какъ на суетную и даже вредную забаву праздныхъ людей. Нужна ясная, опредѣленная программа для своихъ работъ, осмысленная задача произвести впечатлѣніе извѣстной законченности, цѣльности идеи коллекціи; короче—коллекція, кромѣ своихъ художественныхъ достоинствъ, должна удовлетворять еще и научнымъ этнографическимъ требованіямъ; безъ этихъ условій судьба подобныхъ изданій всегда будетъ одинаково печальна.

О. Сластіонъ.

Памятки українсько-руської мови и літератури. Видає комісия археографична наукового товариства імени Шевченка. Т. I. *Апокріфи старозавітни, зібрани з рукописів українськоруських. У Львові 1896 г. Т. II. Апокріфи новозавітни. А Апокріфічні евангелия У Львові 1899. Накладом Наукового Товариства імени Шевченка.*

Съ большимъ удовольствіемъ можно отмѣтить появленіе этого цѣннаго изданія, предпринятаго Археографическою Коммиссіей имени Тараса Шевченка. Извѣстный собиратель памятниковъ апокрифическаго содержанія, д-ръ Иванъ Франко, приложилъ очень много усердія къ обнародованію цѣнныхъ памятниковъ, которыми пробавлялись южно-руссы въ старину, а у угро-руссовъ эти памятники и понынѣ продолжаютъ бытовать и занимать умы досужихъ читателей.

Собраніе подобныхъ памятниковъ изъ южно-русскихъ рукописей можетъ служить показателемъ обращенія среди малороссовъ тѣхъ, а не иныхъ произведеній, вліяніе которыхъ должно было такъ или иначе отразиться на народныхъ вѣрованіяхъ. Изслѣдователь малорусскаго фольклора отнынѣ долженъ почаще заглядывать въ это собраніе для показанія связи между малорусскими преданіями и этими апокрифическими сказаніями.

Собиратель имѣлъ подъ руками очень цѣнныя рукописи. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести Крехивскую Палею XVI в., принадлежавшую гетману Яну Жолкевскому (1623 г.), какъ гласитъ подпись на стр. 1132—1133. Рукопись эта не имѣетъ слѣдовъ вліянія болгарскаго, а есть чисто русская. Составитель этой Палеи оказалъ особенное вниманіе къ славянскимъ землямъ и смежнымъ съ нимъ странамъ. Говоря про Афета, онъ отмѣчаетъ: «Афѣту же ꙗша сѧ полунощныа и западныа страны: Мидиꙗ, Ливаніа, Словенескъ ꙗзык» (стр. 120). Перечисляя затѣмъ рѣки въ краяхъ Афетова колѣна, составитель упоминаетъ только р. Тигръ, а больше перечисляетъ славянскія рѣки: Дунай, Днѣпръ, Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга. Славянскій языкъ признается языкомъ Афета: «мы же глаголемь по речи ꙗзыка своєго, иже отъ Афета ꙗзыци изыдоша и въ части его седять:

а҃. варѧзьскъ, в҃. ꙗзык словенскъ, г҃. Ꙋюд, д҃. Ꙗмь, є҃. Лопъ, ѕ҃. Перма, з҃. Корела, и҃. Печора, ѳ҃. Угра, і҃. Литва, аі҃. Ꙗтвѧзи, ві҃. Пруси, гі҃. Недрова, ді҃. Мерѧ, єі҃. Мордва, ѕі҃. Мещера, зі. Мурома, н. Корсь, ѳі҃ Зимьгола, к҃. Либъ (127—128).

Объ изобрѣтеніи славянской азбуки Константиномъ (Кирилломъ) философомъ этотъ памятникъ говоритъ такъ:

„Въ лѣто ҂ѕ҃т҃і҃ (=6303=795) Констѧнтина философа, нарицаемый Кѵриллъ—створилъ грамоту словеньскым ꙗзыком глаголемую литицу (т. е. глаголицу) въ дн҃и Михаила царѧ греческаго і въ дни кнѧзѧ Рюрика новгородскаго, егоже сыномь рускаѧ землѧ прейде“ (стр. 1020—1021, т I, стр. LX).

Нѣсколько ниже (стр, 1130—1132) объ этомъ вопросѣ читаемъ: «сеже буди вѣдомо всѣми ꙗзыкы и всѣми людми, яко рускіи языкъ ни откудуже прія вѣры святоꙗ сеѧ, і грамота руская никимь же явлена, но токмо самѣмь Богомь . . . . . и грамота рускаѧ явихсѧ Богомь дана в Корсунѣ Русину, отъ нея же научися философъ Констѧнтинъ, оттуду сложивъ и написавъ книги рускымь гласомь... Тъ же мужь Русинъ бѧше благовѣренъ, постомь и добродѣтелью, въ чистѣи вѣрѣ единъ оуединивсѧ. И тъ єдинъ отъ руска ꙗзыка явисѧ преже христіанъ сыи, и невѣдомъ никимь же, откуду єсть».

Въ краткомъ библіографическомъ обзорѣ невозможно отмѣтить все значеніе этого цѣннаго изданія; содержаніе же его видно отчасти изъ самаго заглавія обоихъ этихъ томовъ.

Собиратель мало изслѣдовалъ эти памятники; въ своихъ вводныхъ статьяхъ къ каждому тому онъ даетъ общій обзоръ (хотя и невполнѣ полный) прежнихъ изслѣдованій апокрифической литературы у русскихъ и славянъ. Иногда ему приходится признавать чужія мнѣнія, безъ провѣрки ихъ достовѣрности. Такъ, на стр. XX (т. II) онъ признаетъ вѣрнымъ мнѣніе А. Н. Попова, повторенное затѣмъ проф. М. Н. Сперанскимъ, что первоевангеліе Іакова было переведено на старославянскій языкъ въ XI в. «До XI, найпізнійше до XII,—продолжаетъ г. Франко,— «належить також переклад так званої ширшої редакції Нїкодимового євангелия, доконаний на південно-словянськім грунті, але не з грецького, тілько, як думають пр. Полівка і. М. Сперанскій, а з латінського языка, в околиці, де панувало глаголицьке письменство».

Но, повторяю, цѣнный матеріалъ, вошедшій въ это изданіе, искупаетъ всѣ возможныя неточности. Къ числу такихъ цѣнныхъ матеріаловъ слѣдуетъ отнести выписки изъ Керестурской рукописи XVIII в. (т. II, стр. 74—98), изъ угро-русскаго учительнаго евангелія XVII в., изъ Креховской рукописи XVII в., изъ рукописи о. Ѳеодора изъ Дубовца («о главѣ Адамовѣ, которую принесли дѣмони з древомъ») (стр. 245, т. II) и много др.

Пользованіе этимъ собраніемъ облегчено прекрасно составленнымъ указателемъ именъ, который приложенъ къ каждому тому, а равно и многочисленными библіографическими указаніями, имѣющими несомнѣнное научное значеніе.

В. Качановскій.

---

1) **Ю. А. Кулаковскій. Карта Европейской Сарматіи по Птолемею.** *Привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду. К. 1899. Стр. 31+1 карта.*
2) **Матеріалы по исторіи русской картографіи.** *Вып. 1. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ подъ ред. В. А. Кордта. К. 1899. In-f. Стр. 15+XXXII таблицы.*

XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ вызвалъ, между прочимъ, появленіе въ свѣтъ двухъ изданій, заглавія которыхъ выписаны выше. Оба труда представляютъ цѣнныя пособія для занимающихся исторической географіей Южной Россіи.

Проф. Ю. А. Кулаковскій вычертилъ отрѣзокъ карты Птолемея въ предѣлахъ отъ 63° до 43° по широтѣ и отъ 42° до 73° по долготѣ т. е. Европейскую Сарматію и сопредѣльныя ей части Европы и Азіи. Карта вычерчена по первому изъ двухъ указанныхъ у Птолемея способовъ проекціи сферы на плоскости, т. е. параллели являются въ видѣ кривыхъ линій, а меридіаны—прямыхъ, исходящихъ изъ одного центра. Нѣкоторыя названія, встрѣчающіяся у Птолемея, опущены для избѣжанія пестроты. Немногія неточности были неизбѣжны при выполненіи карты не въ спеціальномъ картографическомъ заведеніи. Текстъ Ю. А. Кулаковскаго распадается на двѣ половины. Въ первой даются свѣдѣнія о географіи Птолемея, вторая заключаетъ въ себѣ описаніе и разборъ карты Европейской Сарматіи. Весьма интересно и правдоподобно здѣсь предположеніе автора о тождествѣ Птолемеевскаго Метрополя съ Кіевомъ.

Трудъ В. А. Кордта является попыткой удовлетворить, хотя отчасти, давно назрѣвшей въ русской исторической наукѣ потребности въ историко-географическомъ атласѣ Россіи, который заключалъ бы въ себѣ факсимиле важнѣйшихъ картъ Россіи. Вышедшій теперь выпускъ содержитъ карты, начиная съ карты Николая Кузанскаго (1491 г.) и карты Чернаго моря Гратіоза Бенинказы (1474 г.) и оканчивая картой Украины Боплана (1650 г.). Здѣсь воспроизведены многія очень рѣдкія карты, находящіяся въ западно европейскихъ библіотекахъ и мало доступныя русскимъ изслѣдователямъ. Въ текстѣ карты описаны по типамъ, причемъ за оригинальными картами идутъ заимствованныя, которыя составляютъ большинство. Къ сожалѣнію, условія изданія не дали составителю возможности распредѣлить въ такомъ-же порядкѣ и таблицы. Самыя карты выполнены частію фототипіею, частію фото-литографіею и представляютъ точное воспроизведеніе подлинниковъ.

Внѣшность обоихъ изданій очень изящная, даже роскошная, и нельзя не поблагодарить, какъ авторовъ за ихъ кропотливый, часто незамѣтный для посторонняго глаза, трудъ, такъ и университетъ св. Владиміра и Кіевскую археографическую Коммиссію, не пожалѣвшихъ средствъ на изданіе этихъ трудовъ.

Е. К.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 330 «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*» помѣщена прекрасная статья *Д. Мордовцева* подъ загл. «*Нѣтъ, не оставляютъ*», въ отвѣтъ, главнымъ образомъ, на статью проф. В. Модестова, въ Одесскомъ Листкѣ (см. К. Стар. 1899, декабрь, стр. 164), а также и по адресу другого кіевскаго профессора, «палящаго холостою пальбою въ Наукове Товариство імени Шевченка».

Авторъ статьи основательно возражаетъ г. профессору, что обвиненіе его, и его «единомышленниковъ» въ «*ограниченіи* общерусскаго литературнаго языка въ пользу мѣстнаго нарѣчія», по меньшей мѣрѣ смѣшно. «Безъ сомнѣнія, почтенный профессоръ недостаточно освѣдомленъ о томъ, кто кого «ограничиваетъ». Жаль! А если бъ онъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, то узналъ бы, что именно насъ найусерднѣйшимъ образомъ «ограничиваютъ» не только тѣ, которымъ всякое «ограниченіе» вѣдать надлежитъ, но и тѣ, которымъ это не надлежитъ, хотя бы къ примѣру, самому же Василію Ивановичу и его другимъ добровольцамъ «ограниченій».

Что же касается утвержденія г. одесскаго профессора, что «языкомъ науки и обще-русской литературы можетъ быть только тотъ языкъ, который выработанъ для этой цѣли исторически», то куда же придется дѣвать «выработанные исторически» языки польскій, грузинскій, армянскій и т. д., изъ которыхъ послѣдній, напр., имѣлъ уже свою литературу въ то время, когда предки наши «жили звѣрински» и ѣли все «нечистое». Если же г. профессору не нравится научный украинско-русскій языкъ («уродливый жаргонъ»), то это дѣло вкуса,—а многіе находятъ польскій языкъ—съ его шипучими двусогласками и риназмами (ą, ę)—тоже отвратительнымъ; другіе—находятъ что и англійскій языкъ отвратителенъ; третьи называютъ языкъ Гете, Шиллера и Гейне—«собачьимъ». Ужъ не «оскорбляютъ ли и хохлы великорусскій языкъ?»

—

Въ № 335 газеты «Жизнь и Искусство» помѣщена статья С. Бердяева «Сцена и артисты» (малорусская труппа), въ которой, разбирая подробно пьесу Карпенко-Карого «Безталанну» и ея исполненіе, авторъ касается положенія малорусскаго театра и языка въ Россіи, заговоривъ объ этомъ по поводу нападокъ и насмѣшекъ со стороны нѣкоторой части общества, страдающей маніей преслѣдованія. «На

западѣ производить подобные наскоки устыдились бы завѣдомые невѣжды съ улицы; у насъ же ихъ не гнушаются и патентованные жрецы серьезной филологіи, прибѣгая къ недостойнымъ служителей знанія тенденціознымъ передержкамъ и почти фельетонному зубоскальству надъ народными святынями... Ихъ, изволите-ли видѣть, забавляютъ будто бы многія украинскія слова,—представляющіяся ученому слуху пошлыми. Любопытно было бы узнать отъ этихъ господъ, какое впечатлѣніе на нихъ производитъ хотя бы заурядное въ заголовкахъ сербскихъ газетъ выраженіе: «излази» (выходитъ) въ такой то день «на целомъ табаку» «на по табаки» (въ объемѣ цѣлаго листа, полулиста. Если это смѣшно для человѣка малообразованнаго,—то на него нельзя и сердиться, „но игривыя шуточки нашихъ пользующихся европейской извѣстностью языковѣдовъ по адресу тѣхъ или иныхъ особенностей малорусской рѣчи, по моему—нѣчто до крайности безтактное и неприличное. Естественно, начинаешь приписывать это совершенно другого рода умысламъ и цѣлямъ, увы, ничего общаго съ настоящей наукой не имѣющимъ".

—

Въ № 235 газеты «Асхабадъ» помѣщенъ фельетонъ г. А. З. подъ заглавіемъ *«Объ украинофильствѣ»*. Заговоривъ о бывшихъ въ закавказской области украинскихъ спектакляхъ [1]), авторъ коснулся причинъ огромнаго успѣха украинскихъ драмъ и комедій, не только, наприм., на Закавказьи, но и во всей Россіи. Отмѣтивъ начало увлеченія украинской народной поэзіей, начало «украинофильства», авторъ говоритъ о томъ, что на ряду съ движеніемъ украинскаго народнаго творчества, въ русской литературѣ создалась особая партія видящая въ этомъ движеніи „глубоко зловредныя начала", тормозящія развитіе „истиннаго" самосознанія русской жизни, оскорбляющія русскій національнизмъ и даже подрывающія чуть ли не въ корнѣ государственный строй. Между тѣмъ, враждебныхъ чувствъ со стороны украинскаго народа и его образованныхъ представителей по отношенію къ Россіи, русскимъ чувствамъ, ни въ чемъ не замѣтно,—ни въ народной украинской поэзіи, ни въ памятникахъ минувшихъ столѣтій, ни въ литературѣ. Въ концѣ статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы развитіе народныхъ массъ шло нормально, безъ тормоза, съ яснымъ пониманіемъ окружающей обстановки, безъ ложнаго толкованія и инсинуацій, продѣлываемыхъ, напримѣръ господами самозванными патріотами надъ украинской литературой.

[1]) Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, какой именно труппы.

Въ № 8551 „Новаго Времени“ Д. Верггунъ въ статьѣ „Быть или не быть всеславянскому съѣзду журналистовъ въ Парижѣ“, предлагаетъ устроить таковой съѣздъ въ Парижѣ во время всемірной выставки, на которомъ бы „докладъ о современномъ положеніи, со славянской точки зрѣнія, печати русской, *малорусской въ Австріи*, Венгріи, польской, чешской, словацкой, словинской, хорватской, сербской и болгарской, дали бы возможность уяснить себѣ тѣ пробѣлы и недочеты славянской печати, отъ которой страдаетъ идея о „духовномъ единеніи всего славянскаго міра“.

—

Въ VIII кн. за 1899 г. парижск. журнала «Revue politique et parlementaire» нѣкій г. Philarmonios помѣстилъ статью «Les destinées de la Russie au point de vue nationaliste» („о судбахъ Россіи съ точки зрѣнія націоналиста“). Статья эта, въ основу которой положена фальшивая идея, переполнена разительными фактическими неточностями. Philarmonios проповѣдываетъ принципъ „повсемѣстнаго притѣсненія народа польскаго въ предѣлахъ нашего отечества“, предлагаетъ всѣ польскія губерніи подарить Австріи, а въ замѣнъ этого отобрать у послѣдней восточную Галицію, гдѣ живутъ „россіяне (?!)“ „Народа русинскаго не существуетъ. Есть только россіяне; то, что писали извѣстные русскіе и чешскіе изслѣдователи славянскаго міра о русинской народности, все это вздоръ“!

На подобныя разглагольствованія не стоило бы обращать вниманія... Остается только пожалѣть, что такія вещи печатаются въ французскомъ журналѣ, имѣющимъ широкое распространеніе, и очень легко могутъ ввести въ заблужденіе неосвѣдомленную по данному предмету французскую публику.

—

Сорокъ первое присужденіе премій графа Уварова происходило, 25-го сентября, въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ. На соисканіе премій графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено восемь сочиненій и, сверхъ, того, одно, отложенное отъ прошлаго конкурса за непредставленіемъ отзыва рецензента. Единогласно признано вполнѣ отвѣчающимъ условіямъ для награжденія большою премією въ 1500 руб. сочиненіе С. Голубева: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. II. Кіевъ. 1898. Неполная премія въ 500 руб. присуждена Д. Багалѣю—за сочиненіе „Опытъ исторіи харьковскаго университета“. Почетный отзывъ при-

сужденъ: В. И. Шенроку за сочиненіе „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя".

—

Въ газ. „Волынь" (№ 180) напечатана небольшая статейка, въ видѣ исторической справки, о горѣ *Бонь* въ гор. Кременцѣ, на которой находятся развалины одного изъ древнѣйшихъ и неприступныхъ замковъ на Волыни. Въ статьѣ этой даются краткія историческія свѣдѣнія объ этомъ замкѣ и описывается современное положеніе его.

—

Въ № 9-мъ минувшаго года въ нашемъ журналѣ были перепечатаны замѣтки изъ „Буковины" о положеніи майносскихъ козаковъ, живущихъ въ Турціи (см. отд. 2-й, стр. 104—107). По поводу этихъ замѣтокъ въ № 231-мъ „Кубанск. Вѣдом." помѣщена статья *П. П. Короленка*, въ которой онъ высказываетъ сомнѣніе въ вѣрности сообщенныхъ въ „Буковинѣ" данныхъ объ этихъ козакахъ, а особенно о слѣдахъ въ ихъ разговорной рѣчи малорусскаго языка.

—

Въ словинскомъ иллюстрированномъ журналѣ, «Dom in Svet,» выходящемъ въ Люблянахъ, началась печатаніемъ статья г. Подравскаго подъ загл. «Črtice iz maloruske književnosti». Въ № 21 (отъ 1 ноября) говорится о Шевченкѣ, отъ его дѣтства до знакомства съ Кулишемъ и Костомаровымъ. Статья написана тепло и сочувственно къ нашему поэту. Въ № 22 разсказывается о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, о дальнѣйшей судьбѣ и смерти Шевченка. Болѣе подробно останавливается авторъ надъ характеромъ и дѣятельностью Кулиша. Затѣмъ авторъ обращается къ писателямъ 60-70 гг. и упоминаетъ о запрещеніи печатанья малорусскихъ книгъ и журналовъ въ Россіи, начиная съ 1876 г. Упомянувъ еще о Руданскомъ, Мордовцевѣ и Стороженкѣ, онъ обращается къ Галиціи, говоритъ объ основаніи Галицко-Русской Матицы, первой газеты на украинскомъ языкѣ «Зоря галицька» и о назначеніи Головацкаго профессоромъ украинскаго языка и литературы во Львовскомъ университетѣ.

—

Извѣстный переводчикъ Шевченка на Русскій языкъ Иванъ Бѣлоусовъ, напечаталъ въ „Южномъ Обозрѣніи" (№ 835) переводъ «Меня трынадцятый минавъ». Переводъ не дуренъ. Вотъ его начало:

Мнѣ снилось: снова я ребенокъ,
Пасу ягнятокъ за селомъ,
На небѣ солнышко сіяетъ,
Тепло и весело кругомъ,
И мнѣ такъ радостно, что словно
Не на землѣ я, а въ раю.

—

Въ журн. „Slovanské Pohl'ady", (XVI, № 6, стр. 345) помѣщена въ переводѣ Сомолицкаго, дума Шевченка «Мынають дни, мынають ночи». Начинается она такъ:

Uchodia dni i hviezdnaté noči,
Prešlo už leto, žltne strom;
Padajú listy, hasnú už oči,
Objaté dumy, srdce snom.
Odišlo všetko do pokoja—
Žiješ li ešte, duša moja?
Chladnym okom hl'adim v svet,
Neman slz, ni smiechu niet.

Какъ видимъ, переводъ этотъ значительно уступаетъ, напр переводу г. Гарамбашича на сербскій языкъ (см. «Кіевская Старина», 1899, кн. 7 и 9.) Здѣсь измѣненъ размѣръ, переводъ слишкомъ свободный, и часто не передаетъ мысли поэта.

—

Въ Перемышлѣ, на средства священника Л. Джулинскаго, издана Библія въ картинахъ; всѣхъ картинъ 50, съ соотвѣтствующими надписями и текстомъ на оборотѣ, вкратцѣ поясняющемъ изображаемое событіе. Надписи и текстъ на картинахъ исполнены этимологическимъ правописаніемъ, но уже приготовляется и на дняхъ выйдетъ новое изданіе, гдѣ будетъ введено правописаніе фонетическое. Клише рисунковъ изготовлены въ Лейпцигѣ, исполнены прекрасно, и цѣну изданія $1^1/_2$ зл. р. около (1 руб. 20 коп.) можно считать невысокой. («Дѣло», 276).

—

Нѣмецкій журналъ «Die Gesellschaft» помѣстилъ въ октябрьскомъ номерѣ очеркъ одного изъ лучшихъ современныхъ галицко-буковинскихъ писателей Васыля Стефаныка «Листъ» (Ein Brief).

—

Польскій еженедѣльн. журналъ (во Львовѣ), «Monitor», въ № 23 помѣстилъ въ фельетонѣ переводъ поэзій въ прозѣ О. Кобылянской «Рожі» «Аккорди».

—

Краковскій ежемѣсячный журналъ «Krytyka» въ вып. 8-омъ (октябрь) помѣстилъ переводъ очерка В. Стефаныка—«Сама саміська» („Sama samiuteńka")

—

Съ № 77 «Буковини» началось печатаніемъ «Відродженне» (Воскресеніе) гр. Л. Н. Толстого въ переводѣ Василя Симовыча.

—

Опредѣленіемъ особаго отдѣла ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ Министра, постановлено: книжку «Розмова про сільске хозяйство». II книжка. Худоба: коні, скотына, свыни та вивци, съ 20 малюнками, Е. Чикаленко. Одесса 1899 г. Изданіе южнорусскаго общества печатнаго дѣла, стр. 59, ц. 10 к.»,—допустить въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки тѣхъ губерній, гдѣ мѣстное населеніе говоритъ *на малорусскомъ корѣчіи*. (Кубан. Вѣд. № 265.)

—

Въ № 49 журнала „Kraj" помѣщенъ сочувственный отзывъ о 1-мъ томѣ «Повистей и Оповидань» И. Левицкаго: „спокойный, медлительный, мечтательный тонъ разсказовъ хорошо настраиваетъ читателя, не любящаго искусственности или тенденціи".

—

Багалѣй Д. И. Удаленіе профессора И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета. Матеріалы для біографич. словаря профессоровъ Харьковск. Университета. Харьковъ, 1899. Ц. 1 р.

История Украіни-Руси. Написав *М. Грушевський.* Том II. XI—XIII в. (Збірник історично-фільософічної секціі Науков. Тов. ім. Шевченка. Т. X). У Львові, 1899., in 8°, II+403. Ціна 2 зл. р.

Josef Dunin Karwicki. Ze starego autoramentu. Tury i obrazki Wołyńskie. Serya druga. Warszawa, 1900.

М. Загирня. Страшный воронъ. Книжка про горилку. Видання Б. Грінченка. № 45. У Чернигови, 1900, in 16°, 1—42. Цина 6 коп.

Оповіданя Олександра Катренка. У Львові, 1900, in 8°, 1—56.

Оповідання Михайла Коцюбинського. У Львові, 1900, in 8°, 1—48.

Линниченко І. Суспільні верстви Галицької Руси XIV—XV в. У Львові, 1899, in 8°, 1—168. (Руська історична бібліотека, т. VII).

Мудра дівчына. Казка народня. Видання Б. Грінченка. № 44. У Чернигови, 1900, in 16°. 1—32. Цина 5 к.

И. Мыронъ. Абу-Кàземови канци (арабська казка). № 12. Черкассы, 1899, in 16°, 1—64. Ц. 5 к.

А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. Москва, 1900, I—III+I—LXIV+1—291+1—22+I—XXIX.

А. Папковъ. Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX в.) Историческая справка. Москва, 1899, 1—169.

Перетцъ. В. Н. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. (I—XIV). Спбр. 1899. Ц. 80 к.

Перетцъ. В. Н. Матеріалы по исторіи апокрифа и легенды I. Къ исторіи Громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. Спбр. 1899. Ц. 1 р. 30 к.

Родословіе древняго дворянскаго рода Завадскихъ—Рогачей. (Отд. оттискъ изъ «Дворянскаго адресъ-календаря» на 1899). Спбр., in 8°, стр. 1—7.

Разсказы М. Т. Симонова (Номиса). Изданіе «Кіевской Старины». 1900, 1—15, 1—244.

Сластинъ. М. Ф. Погибель. Драма въ 3-хъ діяхъ и 4 одминахъ. Харьковъ. 1899. Ц 10 к., съ нотами—15 к.

Н. П. Степановъ. Народные праздники на святой Руси. Спбр. 1900 г.

Тимковскій Д. Земля и люди въ Россіи. Географическая хрестоматія. Вып. 3. (Въ Бѣлоруссіи.—Въ Малороссіи.—Въ Крыму.—На Кавказѣ). Москва, 1899, стр. 158+II, in 8°.

А. А. Шахматовъ Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей Спбр. 1899.

Уіліям Шекспір. Гамлет, принц данський. Переклад П. Куліша. Виданий з передмовою і поясненями Др. Ів. Франка. У Львові, стр. XXIII+172. Ціна 70 кр.

Яценко-Хмылевскій. Родословная записка фамиліи Яценко-Хмѣлевскихъ (по Черниговской губерніи). Москва, 1898, 1—141, I—II (съ генеологич. таблицами).

Археологическая лѣтопись.

Не смотря на то, что веденіе «Археологической лѣтописи» въ прошломъ году было сопряжено съ различнаго рода затрудненіями, зависѣвшими какъ отъ малой отзывчивости нашихъ археологовъ, такъ и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, мы все-таки, считая это дѣло не вполнѣ безполезнымъ, рѣшили продолжать его и въ настоящемъ году.

Особенно много хлопотъ доставилъ отдѣлъ изслѣдованій и раскопокъ. Съ каждымъ годомъ у насъ все больше и больше производится раскопокъ кургановъ и городищъ; цѣлью отдѣла и было поставлено—дать хотя краткія свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода изслѣдованіяхъ. Вѣдь можно положительно утверждать, что большая половина добытаго такимъ путемъ матеріала пропала и пропадаетъ для науки. Мы не говоримъ уже о тѣхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, которыя производятся отъ нечего дѣлать, отъ праздная любопытства, но даже и тамъ, гдѣ раскопки обставленны научно, гдѣ ведутся дневники, не всегда они становятся достояніемъ науки. Легко произвесть раскопку десятка-другого кургановъ, труднѣе составить дневникъ раскопокъ, но еще труднѣе по разнымъ обстоятельствамъ издать дневники, хотя-бы даже въ сыромъ видѣ. Прошлое даетъ не мало печальныхъ примѣровъ подобнаго рода. Приведемъ одинъ: не такъ давно, чуть-ли не на толкучемъ рынкѣ, въ числѣ другого рукописнаго хлама можно было видѣть дневники раскопокъ покойнаго археолога Волошинскаго, раскопавшаго массу кургановъ въ Кіевской губ.. Да и теперь, у многихъ здравствующихъ археологовъ накопилось столько матеріала, что они не знаютъ что съ нимъ дѣлать, и дѣйствительно, справиться съ нимъ довольно мудрено, разъ дѣло запущено.

Будучи увѣрены, что даже самыя краткія резюме разнаго рода изслѣдованій пригодятся для науки, мы очень просимъ лицъ, производящихъ изслѣдованія въ раіонѣ Южной-Россіи, дѣлиться съ нами результатами и наблюденіями.

Н. Бѣляшевскій.

1899 г. въ археологическомъ отношеніи.

Въ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, что далъ прошлый годъ для археологіи Южной-Россіи.

На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, поставить *археологическій съѣздъ*. О немъ уже много говорилось на страницахъ «Лѣтописи» — повторяться не будетъ, скажемъ—лишь, что самые существенные результаты съѣзда заключаются въ подготовительныхъ работахъ къ нему и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ него. На съѣздѣ было высказано много пожеланій; трудно предсказать судьбу ихъ, но на одномъ стоитъ остановиться, такъ какъ, благодаря энергіи гр. П. С. Уваровой, оно, повидимому, начинаетъ осуществляться. Имѣемъ въ виду вопросъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины Южной Россіи и объ изданіи ихъ. [1]) Не можетъ быть и рѣчи объ изданіи всѣхъ памятниковъ,—тутъ нужны обширныя подготовительныя работы, нужны большія средства на изданія. Но если даже будетъ сдѣлано и немногое изъ намѣченнаго широкаго плана, то и это будетъ цѣннымъ вкладомъ въ очень не богатую литературу по данному предмету.

Съѣздъ вызвалъ нѣкоторый интересъ къ археологіи и у нашихъ *ученыхъ обществъ*; но въ общемъ, докладовъ на спеціально археологическія или художественно-археологическія темы почти не было. Въ Кіевѣ существуетъ Общество Древностей и Искуствъ; до послѣдняго времени оно было занято устройствомъ новаго музея; будемъ надѣяться что, покончивши съ этимъ дѣломъ, и оно приметъ участіе въ научной разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстной старины.

---

[1]) См. „Лѣтопись", 1899 г.—Засѣд. общ. Нестора Лѣтописца и особой комиссіи.

Благодаря тому, что почти всѣ лица, такъ или иначе сопричастныя къ археологіи, были заняты организаціонной дѣятельностію по устройству съѣзда, систематическія *раскопки* въ прошлое лѣто почти совершенно не производились. Мы можемъ указать лишь на продолженіе изслѣдованій Хвойко палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ, давшей много новыхъ образцовъ древнѣйшей культуры, на раскопки гг. Мазараки и Линниченко въ Ромен-скомъ у. Полтавской губ.—раскопки довольно счастливыя, и на открытіе г. Доманицкимъ площадокъ съ расписными сосудами въ Уманскомъ и Звенигородскомъ уу.—фактъ, заслуживающій полнаго вниманія.

Что касается *случайныхъ находокъ*, то истекшій годъ можно назвать выдающимся въ этомъ отношеніи: сотни цѣнныхъ предметовъ дали городища на Роси; отъ нихъ не отсталъ и Кіевъ—кладъ въ усадьбѣ Бродскаго относится къ числу перворазрядныхъ находокъ [1]).

Обильно снабжались находками главнымъ образомъ частныя *собранія древностей*, какъ напр. гг. Ханенка и Чернева; общественные же *музеи* Кіева хотя и пополнялись, но выдающагося поступило туда немного. Прошлый годъ далъ Кіеву новый музей, въ которомъ давно чувствовалась настоятельная необходимость, далъ пока лишь одно зданіе, но за содержимымъ, при удачной постановкѣ организаціи музея, дѣло не станетъ. Но за то Кіевъ лишился въ прошломъ году и очень цѣннаго собранія В. В. Тарновскаго—со смертью владѣльца, его собраніе перешло въ собственность Черниговскаго земства. Провинціальные музеи нашего раіона показали довольно мало признаковъ жизни, болѣе интенсивно пополнялись лишь Херсонскій музей и Городецкій музей Волынской губерніи.

Въ прошломъ году вышло много цѣнныхъ изданій; достаточно указать на каталогъ собранія В. В. Тарновскаго, на изданія Б. И. и В. Н. Ханенко, на «Матеріяли до українсько-руської етнольогії», издаваемые во Львовѣ подъ редакціей Хв. Волка... На пожеланіи, чтобы и настоящій годъ не уступилъ прошлому въ этомъ отношеніи, мы и закончимъ нашъ бѣглый обзоръ.

---

[1]) См. „Лѣтопись“ 1899 г., октябрь.

Засѣданія обществъ.

Одесское Общество исторіи и древностей. 14 ноября происходило торжественное засѣданіе Общества по случаю 60-лѣтія со дня его основанія. Это общество занимаетъ выдающееся мѣсто среди остальныхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ. До его возникновенія, громадныя археологическія и историческія богатства южной Россіи оставались безъ изслѣдованія. Благодаря участію начальника Новороссійскаго края, при содѣйствіи А. Стурдза, Д. Княжевича, А. Фабра, М. Кириакова и Н. Мурзакевича, 23-го апрѣля 1839 года уставъ общества исторіи и древности былъ утвержденъ, и въ томъ-же году, 14 ноября, по ходатайству графа Воронцова, общество Высочайше утверждено. При этомъ Государь Императоръ Николай Павловичъ Всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ: отпускать изъ государственнаго казначейства въ пособіе обществу по 1.428 руб. 67 коп. въ годъ, принять общество подъ покровительство Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и производство обществомъ археологическихъ изысканій во всей южной Россіи—на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ земляхъ—съ согласія владѣльцевъ. Это важное право распространено было впослѣдствіи и на восточный берегъ Кавказа, съ согласія его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, Намѣстника Кавказскаго. Покойный Государь Императоръ Александръ II былъ покровителемъ общества до своей кончины. Имъ предоставлено обществу въ 1872 году названіе Императорскаго, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ отечественной наукѣ. Послѣ Него соизволилъ принять на себя покровительство Государь Императоръ Александръ III. При открытіи общества, избраны были: почетнымъ президентомъ графъ М. С. Воронцовъ, президентомъ, бывшій тогда попечитель одес. учебнаго округа, Д. М. Княжевичъ и вице-президентомъ А. С. Стурдза и послѣ него С. Б. Сафоновъ. Затѣмъ вице-президентомъ состояли послѣдовательно: попечитель учебнаго округа Н. И. Пироговъ и архіепископъ херсонскій и одесскій Димитрій. Цѣлью, для которой учреждалось общество, было распространеніе историческихъ и археологическихъ свѣдѣній о южной Россіи, для чего оно занялось описываніемъ и храненіемъ всѣхъ остатковъ древностей, открывающихся въ южной Россіи, или имѣющихъ къ нимъ отношеніе, отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, относящихся къ нашему краю, подвергало критическому из-

слѣдованію показанія древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскиваніемъ ихъ слѣдовъ въ настоящее время, приготовляетъ матеріалы для будущей исторіи края собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи, въ отношеніи географіи и статистики, разбираетъ выходящія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ сочиненія, касающіяся того-же предмета, и опредѣляетъ степень ихъ достовѣрности. Члены общества производили много раскопокъ, обогатившихъ науку интересными данными. Многія историческія развалины въ нашемъ краѣ сохранились до настоящаго времени можетъ быть только потому, что Общество защищало ихъ отъ умышленнаго разрушенія и входило со своимъ протестомъ, когда городскія общины ходатайствовали у начальства о разрѣшеніи разобрать ту или другую древнюю постройку на матеріалъ, не смотря даже иногда на ея прочность. Въ 1875 году, въ бытность въ Одессѣ министра нар. просвѣщенія графа Д. А. Толстого, по представленію послѣдняго, ассигнована обществу ежегодная сумма изъ хозяйственнаго управленія св. синода по 1 т. р. въ годъ на археологическія изслѣдованія въ мѣстности, принадлежащей херсонесскому монастырю. Вообще, такихъ раскопокъ обществомъ сдѣлано очень много. Общество оказало важную услугу общественной археологіи, стараясь собирать мѣстныя древности, о чемъ свидѣтельствуютъ значительныя и, по нѣкоторымъ отдѣламъ, весьма интересныя коллекціи его музея. Въ немъ находятся камни съ подписями, статуи, колонны, капители, разнородные архитектурные орнаменты, расписныя вазы, терракота, мѣдныя статуэтки, золотыя, серебряныя, бронзовыя, костяныя, стеклянныя и каменныя вещицы домашняго обихода, ручки съ надписями, стрѣлки, оружіе, орудія каменнаго и бронзоваго вѣка—эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, африканскихъ племенъ и верхняго Египта. Въ монетъ-кабинетѣ имѣются монеты: эллинскія, римскія, византійскія, европейскихъ государствъ, восточныя, генуэзско-татарскія, польскія, шведскія, армяно-грузинскія, іудейскія и Александріи египетской. Библіотека музея имѣетъ массу книгъ, рукописей, восточныхъ рукописей, картъ, плановъ, чертежей, гравюръ и видовъ, старинныхъ документовъ, грамотъ и патентовъ, иконъ, портретовъ историческихъ особъ, фотографій и гравюръ. (Одесск. Листокъ).

—

Въ недавно бывшемъ собраніи членовъ *Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета* обсуждался вопросъ, касающійся снесенія старыхъ упраздняемыхъ церквей. Вопросъ этотъ подлежалъ обсужденію вслѣдствіе того, что Духовная Консисторія просила Комитетъ дать свое заключеніе относительно нѣкоторыхъ старыхъ, подлежащихъ снесенію церквей (м. Ярышева Могилевск. у., с. Латанца Винницк. у. и старой соборной церкви г. Брацлава), не имѣютъ ли эти церкви археологическаго значенія по своей архитектурѣ, иконостасной иконописи, рѣзнымъ украшеніямъ и т. п. Всѣ эти церкви—деревянныя, постройки прошлаго вѣка: одна изъ нихъ однокупольная, другая трехкупольная, а третья, въ Ярышевѣ, пятикупольная, южнорусской архитектуры, съ оригинальнымъ рѣзнымъ иконостасомъ (изображеніе ея имѣется въ книгѣ «Подолія», изд. П. Н. Батюшкова). Комитетъ поручилъ нѣкоторымъ своимъ членамъ осмотрѣть эти церковныя зданія и составить подробное археологическое ихъ описаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ просить Консисторію, чтобы сдѣлано было распоряженіе о снятіи фотографическихъ видовъ тѣхъ, подлежащихъ сломкѣ, церквей—какъ снаружи, такъ и внутри, особенно иконостасовъ, а также о снятіи чертежей плана и разрѣзовъ тѣхъ церквей, особенно Ярышевской, какъ представляющей рѣдкое теперь по архитектурѣ зданіе въ пять куполовъ,—съ тѣмъ, чтобы эти снимки и чертежи были представлены въ Древнехранилище Комитета. Вообще желательно, чтобы и на дальнѣйшее время было обращаемо вниманіе на тѣ зданія церквей, которыя подлежатъ снесенію. Осмотръ этихъ зданій и находящихся въ нихъ иконостасовъ и иконъ чрезъ людей слѣдущихъ хоть отчасти будетъ способствовать сохраненію достопримѣчательныхъ древнихъ памятниковъ, а фотографическіе снимки и архитекторскіе чертежи хоть отчасти сохранятъ память объ архитектурныхъ сооруженіяхъ старины, которыхъ нельзя сохранить по ихъ громоздкости и большой стоимости поддержанія ихъ. Такое внимательное отношеніе къ архитектурнымъ и иконописнымъ древнимъ памятникамъ обратитъ вниманіе и духовенства на эту достопочтимую старину и, можетъ быть, побудитъ его болѣе свято и ненарушимо охранять древность, особенно древность иконописи. Часто бываетъ, что древнія иконы изъ стараго иконостаса прекрасной живописи переносятся куда-нибудь въ притворъ, а иногда въ колокольню и на чердакъ, или раздаются прихожанамъ, а въ новой церкви помѣщаются новыя иконы весьма неискусной живописи, написанныя съ отступле-

ніемъ отъ принятаго въ Православной Церкви типа. Если же изъ старыхъ церквей и сохраняются чтимыя древнія иконы, то такія подновляются и притомъ весьма неумѣло, часто тѣми мѣстными маляpами, которые раскрашиваютъ стѣны церкви.

Кстати сказать, что въ томъ же засѣданіи Историко-статистическаго Комитета было высказано желаніе, чтобы воспитанниковъ мѣстной семинаріи, будущихъ священниковъ, преподаватели литургики, исторіи и латинскаго языка практически знакомили съ памятниками церковной старины, какъ-то: съ иконописью разныхъ иконъ и направленій, древними антиминсами, старопечатными книгами и т. п.; особенно желательно такое знакомство съ мѣстными памятниками старины, пособіемъ чему можетъ служить отчасти и Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Такое желаніе, по постановленію Комитета, сообщено о. Ректору семинаріи. (Подольск. Еп. Вѣд.).

С.-Петербургское Археологическое Общество. 16-го октября, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія общества. Послѣ доклада секретаремъ текущихъ дѣлъ, *А. К. Марковъ* сдѣлалъ сообщеніе *о кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго.* Въ преніяхъ приняли участіе А. А. Спицынъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и С. Ѳ. Платоновъ, указавшій, что золотыя гривны были найдены на Волыни. Затѣмъ *А. А. Спицынъ* сдѣлалъ сообщеніе *„О майданахъ въ южной Россіи“.* Майданы находятся въ Россіи въ бассейнѣ Днѣпра по его среднему и нижнему теченію, и, насколько извѣстно, кромѣ Россіи, нигдѣ не встрѣчаются. Въ преніяхъ приняли участіе: кн. П. А. Шутатинъ, Н. И. Веселовскій, В. В. Бартольдъ и А. В. Комаровъ, высказавшій интересное предположеніе, не представляютъ ли эти южно-русскіе майданы остатки рудниковъ для добыванія какихъ-либо минеральныхъ солей; на это, кромѣ ихъ устройства, указываетъ до нѣкоторой степени ихъ названіе, представляющее, быть можетъ, искаженное персидское „мадана“, что значитъ заводъ для добычи минераловъ. (Истор. Вѣст. 1899 г. декабрь).

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ окресностяхъ м. Райгорода и с Пруссы—Черкасскаго у. и с. Яровое, Чигиринскаго у. Кіевск. губ. Осенью прошлаго лѣта В. В. Хвойко произвелъ раскопки по приглашенію В. И. Ханенко у вышеперечисленныхъ мѣстностей. Эти раскопки являются продолженіемъ уже раньше производившихся тамъ-же. Въ означенной мѣстности, по обоимъ берегамъ р. Тясмини, на наиболѣе возвышенныхъ мѣстахъ, расположено рядами или не большими группами довольно значительное число курганныхъ насыпей, куполообразной и сплющенной формы. Всѣхъ кургановъ было вскрыто 19. Въ нихъ обнаружены погребенія скифскаго типа—почти всѣ разграбленныя, погребенія со скорченными окрашенными скелетами и сожженія.

Въ погребеніяхъ скифскаго типа ничего новаго обнаружено не было, если не считать найденаго въ одномъ женскомъ склепѣ, наряду съ другими предметами, небольшого сосуда, имѣющаго видъ кувшина, орнаментъ котораго напоминаетъ славянскій.

Приводимъ описаніе раскопки одного изъ кургановъ съ сожженіемъ. Курганъ относится къ Райгородской группѣ. Окружность его 25 м., высота 75 стм. (высота скифскихъ кургановъ 5 и болѣе метр.). Почти вся насыпь, начиная отъ поверхности, до глубины 160 стм. состояла изъ комьевъ обожженной глины или до-красна выжженной земли; здѣсь, на глубинѣ 1 м. найдены сожженныя человѣческія кости; предметовъ никакихъ. Въ южной сторонѣ кургана, въ ямѣ, на глуб. 1 м. 60 стм. найдены, повидимому умышлено сложенныя человѣческія кости и при нихъ распавшееся на воздухѣ бронзовое кольцо.

Изъ кургановъ при с. Яровомъ было раскопано два. Одинъ оказался уничтоженнымъ кладоискателями. Другой далъ цѣлый рядъ погребеній. Высота его 3, 8 м., окружность 118 м. Въ насыпи, на глубинѣ 50 стм., обнаруженъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головой на О, предметовъ при немъ не оказалось. Далѣе, на глубинѣ 90 стм., лежали на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга два скорченные скелета, верхнія части череповъ которыхъ были покрыты значительной толщины слоемъ красной краски. Въ насыпи-же, на глубинѣ 180 м., найдены также скорченный скелетъ съ окрашеннымъ черепомъ. Въ восточной сторонѣ, на глубинѣ 2,60 м., найденъ еще одинъ скорченный скелетъ съ такой-же окраской. На уровнѣ земли, въ вост. и зап. сторонѣ, открыты подъ насыпью два небольшіе деревянные

склепа съ такими-же скорченными и окрашенными скелетами. (Предметы и дневники раскопокъ находятся у Б. И. Ханенко).

Случайныя находки.

Склепы подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ, Полтавской губ. При замѣнѣ въ соборѣ чугунныхъ половъ деревянными, въ маѣ—октябрѣ прошлаго года, рабочіе наткнулись на цѣлый рядъ кирпичныхъ склеповъ съ гробами. Благодаря любезности И. Курилова, внимательно слѣдившаго за ходомъ работъ и подробно описавшаго всѣ сдѣланныя находки, мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями главной сутью ихъ.

Въ разныхъ частяхъ церкви, неглубоко подъ поломъ, было открыто шесть склеповъ.

Въ центральномъ склепѣ, противъ царскихъ вратъ и солеи помѣщалось 7 гробовъ, изъ нихъ 5 большихъ и два поменьше, повидимому дѣтскихъ. Въ четырехъ изъ отрытыхъ гробовъ похоронены священники,—на это указываютъ хорошо сохранившіеся ризы и епитрахиліи; другихъ предметовъ, какъ напр. кадилъ и крестовъ, не было. Положенныя-же въ гробы иконы совершенно истлѣли. Не было также на гробахъ никакихъ надписей, указывавшихъ на похороненныхъ лицъ, лишь на боковой продольной стѣнкѣ одного гроба находилось полууничтоженная надпись, не заключавшая ни имени, ни даты; на поперечной доскѣ другого гроба нарисовано грубое изображеніе Архангела Гавріила.

Во второмъ склепѣ, впереди праваго клироса, стояли рядомъ три гроба. Въ двухъ изъ нихъ лежали мужчины, въ третьемъ—женщина. Платье на трупахъ сохранилось отлично, его частью вынимали наверхъ и разсматривали. Одинъ покойникъ былъ одѣтъ въ жупанъ, длиною до колѣнъ, изъ толстой шелковой матеріи коричневаго цвѣта, безъ подкладки; на изнанку эта матерія имѣла видъ парчи, затканной золотыми цвѣтами. Воротникъ у жупана—стоячій, шириной болѣе $1^1/_2$ вершка, вышитъ серебромъ въ рѣшетку; верхній бортъ жупана тожже вышитъ серебромъ въ рѣшетку, ширино й въ 1 верш.; на борту 12 серебряныхъ небольшихъ пуговокъ, изящной работы; онѣ не пришиты къ борту, а держатся на серебряныхъ колечкахъ. Поверхъ жупана покойникъ былъ опоясанъ поясомъ, $2^1/_2$

аршина длиной и 6 верш. шириной; поясъ весь затканъ золотомъ и на концахъ украшенъ золотымъ позументомъ. На другомъ покойникѣ—также шелковый жупанъ и поясъ; воротникъ и бортъ жупана обшиты коричневымъ бархатомъ. Женщина одѣта въ шелковое платье и кофту, на головѣ платокъ.

Третій склепъ—немного южнѣе второго; онъ не былъ обслѣдованъ, такъ какъ сводъ его оказался очень непрочнымъ; въ немъ находились два гроба, повидимому съ мужчинами.

Четвертый склепъ расположенъ впереди лѣваго клироса, симметрично второму. Здѣсь помѣщено три гроба, съ двумя мужчинами и женщиной. Мужчины одѣты сверху въ длинные шелковые плащи; подъ плащами—шелковые-же жупаны, съ обшитыми бархатомъ воротниками и обшлагами; опоясаны шелковыми, затканными золотомъ, поясами. На одномъ изъ покойниковъ надѣта высокая козацкая шапка изъ черныхъ смушекъ, съ верхомъ изъ желтаго сукна; шапка прекрасно сохранилась и надѣта немного на бокъ. У обоихъ покойниковъ замѣтны черные усы и небольшія бороды. На женщинѣ—длинное шелковое платье изъ очень плотной матеріи, закрывающее ноги; головной уборъ ея состоитъ изъ высоко повязаннаго шелковаго платка; о покроѣ кофты трудно судить, такъ какъ она сильно пристала къ костямъ. Никакихъ другихъ предметовъ въ гробахъ не найдено, нашлась лишь небольшая иконка на деревѣ, почти совершенно истлѣвшая; на ней было повидимому изображеніе Божіей Матери.

При входѣ въ церковь, съ лѣвой стороны, впереди колонны, поддерживающей среднюю арку, открытъ на глубинѣ $1^1/_4$ арш. пятый склепъ. Въ немъ стоятъ два большіе гроба, совершенно цѣлые, обитые шелковой матеріей голубого цвѣта, съ узкимъ золотымъ позументомъ, изъ котораго сдѣланы на крышкахъ и бокахъ крестики, звѣздочки и буквы у креста. «По снятіи крышекъ,—пишетъ г. Куриловъ, покойники оказались покрытыми, съ головы до ногъ, шелковой матеріей; одинъ—желтой, другой—голубой. Мы сняли эти покрывала и начали разсматривать покойниковъ. Останки ихъ совершенно цѣлы и крѣпки. Оба они похоронены въ шапкахъ, бархатныхъ или плюшевыхъ, не особенно высокихъ. Шапки темно-коричневаго цвѣта, съ желтыми верхами. У обоихъ сохранились длинные черные усы. Одежда на нихъ почти одинаковая: сверху—длинные, до пятъ, шелковые плащи, безъ рукавовъ, застегнутые на шеяхъ какими-то брошками. Подъ плащами—жупаны до колѣнъ, тоже шелковые, темно-синяго

цвѣта; воротники, борта и обшлаги обшиты темно-коричневымъ плюшемъ; у одного на борту маленькія серебряныя пуговки, и воротникъ жупана застегнутъ дорогой брошкой. У этого-же покойника, въ боковомъ карманѣ жупана, на правой сторонѣ,—свернутый бѣлый шелковый платокъ, съ выпущеннымъ наружу концомъ. На обоихъ—широкіе шелковые пояса, затканные золотомъ, свернутые вчетверо, шириной около аршина. Шаровары и чулки—также шелковые".

Противъ этого склепа, съ правой стороны отъ входа, обнаруженъ шестой склепъ, также по глубинѣ $1^1/_4$ аршин. Здѣсь снова два гроба. Одинъ изъ нихъ совершенно сгнилъ и засыпанъ мусоромъ, такъ что ничего нельзя было видѣть. Въ другомъ находился покойникъ, одѣтый какъ и предыдущіе; сбоку, при головѣ его, лежала высокая восьмиугольная, бархатная шапка.

Кромѣ склеповъ, въ разныхъ частяхъ церкви, особенно у западной стѣны, найдено нѣсколько череповъ безъ всякихъ признаковъ гробовъ.

Церковь во имя сошествія св. Духа окончена и освящена въ 1747 году. Но такъ какъ въ 1762 г. она считалась уже старою, то г. Куриловъ дѣлаетъ предположеніе, что она строилась долго, и быть можетъ, начало ея нужно отнесть къ концу XVII в. Вопросъ о времени постройки церкви связанъ съ вопросомъ о времени устройства склеповъ: послѣдніе расположены симметрично и повидимому заложены если не одновременно съ закладкой фундаментовъ, то во всякомъ случаѣ въ періодъ, когда церковь не была еще совершенно окончена. Фактъ этотъ можетъ дать нѣкоторыя указанія на то, кто и когда погребенъ въ склепахъ. Хотя относительно большинства покойниковъ никакихъ данныхъ нѣтъ, но несомнѣнно одно, что они принадлежали семьямъ козацкой старшины. Первый склепъ заключаетъ останки священниковъ; г. Куриловъ полагаетъ, что здѣсь вѣроятнѣе всего погребенъ протопопъ Павелъ Свѣтъ, умершій въ 1760 г., а затѣмъ, быть можетъ, погребены: бывшій въ началѣ семисотыхъ годовъ настоятелемъ собора Стефанъ Столповскій и протопопъ Евстафій Савицкій, умершій около 1730 года, а также еще кто-нибудь изъ священниковъ церкви Св. Духа.

Что касается свѣтскихъ лицъ, то мы имѣемъ указанія, что въ соборной каменной церкви въ г. Ромнахъ погребенъ родоначальникъ фамиліи Маркевичей генеральный обозный Андрей, умершій въ 1747 г. Онъ погребенъ возлѣ своей супруги Анны Ивановны, умершей ранѣ-

ше—въ 1743 году. Г. Куриловъ предполагаетъ, что 2-й склепъ и былъ родовой усыпальницей Маркевичей, при-чемъ находящій тамъ третій гробъ можетъ принадлежать одному изъ сыновей Маркевича, напр. Ивану Андреевичу, сотнику Роменскому, умершему въ 1760 г.

Мы должны быть очень благодарны г. Курилову, описавшему эту въ высшей степени любопытную находку, давшую намъ цѣлую серію богатыхъ козацкихъ костюмовъ. Жаль только, что съ костюмовъ не были сдѣланы рисунки, если нельзя было сохранить ихъ въ подлинникахъ въ какомъ-нибудь музеѣ; послѣднее представляется намъ самымъ раціональнымъ: достаточно сказать, что въ богатомъ собраніи козацкой старины покойнаго В. В. Тарновскаго нѣтъ ни одного цѣлаго костюма,—о нихъ мы можемъ судить лишь по описаніямъ, да портретамъ, здѣсь-же мы бы имѣли цѣлую коллекцію ихъ. Теперь же безпощадное время докончитъ начатое уже имъ дѣло полнаго уничтоженія этихъ рѣдкихъ остатковъ. . . . .

Музеи и собранія древностей.

Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ. Какъ мы уже сообщали, постройка Музея уже почти совершенно закончена и если-бы были средства на его содержаніе, то онъ могъ-бы уже начать функціонировать. Но задержка оказалась именно за послѣдними. Въ составленномъ Правленіемъ Общества проектѣ положенія Музея исчислены самыя необходимыя статьи расходовъ на содержаніе Музея и штата служащихъ при немъ. Такъ напр., весь штатъ состоитъ изъ директора и помощника, не считая служителей. Если принять во вниманіе довольно широкую программу Музея, въ который входятъ отдѣлы древностей, искусствъ, художественно-промышленный и этнографическій, то штатъ этотъ окажетъ менѣе чѣмъ скромнымъ. По приблизительному подсчету и при такомъ положеніи дѣла расходовать ежегодно на Музей придется около 6 съ половиной тысячъ рублей.

Въ виду того, что доходы Музея предвидятся самые незначительные и такъ какъ музей, по уставу, составляетъ нераздѣльную собственность Общества и г. Кіева, то правленіе Общества, въ ноябрѣ прошлаго года обратилось въ Кіевскую Городскую Думу съ ходатайствомъ о субсидіи. 25 ноября ходатайство обсуждалось въ засѣданіи Думы. Рѣшеніе этого вопроса можетъ служить показателемъ

отношенія нашей Думы къ вопросамъ общественнаго характера. Не смотря на то, что гласными Проценко и Солухой указывалось на значеніе Музея, на постройку котораго общественное управленіе не затратило ни одной копѣйки, и предлагалось рѣшить принципіально вопросъ о субсидіи, дума по настоянію гласныхъ Дытыковскаго, Юскевичъ-Красковскаго и Николаева, рѣшили передать этотъ вопросъ въ финансовую коммиссію... Въ настоящее время извѣстно, что финансовая комиссія нашла возможнымъ назначить субсидію Музею въ размѣрѣ 1000 рублей.

—

20-го декабря, въ засѣданіи правленія Кіевскаго общества Древностей и Искусствъ обсуждались слѣдующіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ Музею. Поручено вице-предсѣдателю Общества Б. И. Ханенко обратиться съ ходатайствомъ о субсидіи къ г. Министру Финансовъ на устройство художественно-промышленнаго отдѣла Музея. Доложено о пожертвованіи Н. А. Терещенко 5000 руб. на пріобрѣтеніе для Музея коллекціи первобытныхъ древностей В. В. Хвойко; въ виду такого цѣннаго дара, рѣшено залъ первобытныхъ древностей назвать именемъ жертвователя и повѣсить въ ней его портретъ. Наконецъ, постановлено образовать коммиссію для выработки детальной программы дѣятельности Музея.

—

На дняхъ въ даръ Музею передана Н. Я. Тарновской коллекція древностей покойнаго брата ея Н. Я. Тарновскаго. Коллекція состоитъ изъ 25-ти витринъ и 4-хъ картоновъ съ древностями, 26-ти сосудовъ—всего 709 номеровъ и 339 монеть [1]).

—

Въ собраніе древностей Б. И. Ханенко поступила коллекція предметовъ великокняжеской эпохи недавно умершаго Н. П. Чернева [2]).

Разныя извѣстія.

Съ весны этого года начнутся *работы по постройкѣ Кіево-Ковельской желѣзной дороги.* Новая дорога пройдетъ по мѣстности

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой коллекціи помѣщены въ „Лѣтописи“ 1899 г. январь.

[2]) Объ этой коллекціи см. замѣтку въ „Лѣтописи“ 1899 г., іюнь.

еще очень мало изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи. Считаемъ не лишнимъ во этому поводу припомнить приказъ министра Путей Сообщенія отъ 18 мая 1891 г. слѣдующаго содержанія: «Согласно отношенію предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи, предлагаю учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ Вѣдомства Путей Сообщенія оказывать всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ разысканія и сохраненія памятниковъ отечественной старины, и для сего заблаговременно сообщать въ Археологическую Коммиссію свѣдѣнія о направленіи проводимыхъ дорогъ и о производствѣ такихъ земляныхъ работъ, которыя подаютъ поводъ разсчитывать на открытіе древностей (напр. срытіе кургановъ, раскопки городищъ и т. п.), а также въ контракты на подряды по земляньмъ работамъ включить непремѣнно условіе о сохраненіи и доставленіи въ Археологическую коммиссію всѣхъ остатковъ древности, которые могутъ быть найдены при такихъ работахъ».

—

На дняхъ крестьяне изъ Черкасскаго уѣзда привезли въ Кіевъ партію древностей, въ которой, среди подлинныхъ вещей, правда, очень немногихъ, оказалось много *грубо поддѣланныхъ каменныхъ крестовъ и образковъ*. Крестьяне, повидимому, успѣли распродать свой товаръ—не поздравляемъ счастливыхъ обладателей этихъ рѣдкостей.

—

Вышелъ III выпускъ «Vestnik'a slovanskych starožitnosti», издаваемаго въ Прагѣ Л. Нидерле. По обыкновенію, изданіе это заключаетъ массу свѣдѣній о новинкахъ по археологической литературѣ. Между прочимъ, здѣсь помѣщенъ сочувственный отзывъ и о нашей «Лѣтописи».

—

Въ Варшавѣ началъ выходить подъ редакціей Е. Маевскаго ежегодникъ подъ названіемъ, «Swiatowit», посвященный польской и вообще славянской доисторической археологіи. Е. Маевскій давно извѣстенъ какъ энергичный изслѣдователь доисторической старины; его собраніе памятниковъ этого рода—одно изъ лучшихъ. Можно поэтому надѣяться, что новое изданіе приметъ вполнѣ научную окраску, а въ такомъ изданіи, съ прекращеніемъ издававшихся въ 70-хъ годахъ „Wiadomości archeologiczne“, давно чувствовалась потребность. Быть можетъ, существованіе этого органа повліяетъ и на оживленіе очень таки немногочисленныхъ археологическихъ изслѣдованій Царства Польскаго.

Энеида,

сочиненіе Котляревскаго

на

МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ

по списку 1799 г.

съ варіантами по первопечатнымъ изданіямъ—
Парпуры 1798 г. и Котляревскаго 1809 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Эней [1]) бувъ паробокъ моторный
И хлопецъ [2]) хоть куды козакъ,
На лихо все издавсь [3]) проворный,
Завзятѣйшій ивъ всѣхъ бурлакъ.
Но Греки якъ спаливши Трою,
Зробили зъ неи скирду [4]) гною,
Вѣнъ [5]) взявши торбу, тягу давъ:
Забравши всякихъ и [6]) Троянцѣвъ, [7])
Осмаленныхъ, якъ гира, [8]) ланцѣвъ, [9])
Пятами зъ Трои накивавъ.

[1]) Ёней П. [2]) хлопець Ц. К. [3]) На лихо здався винъ П. удавсь на всее зле К. [4]) скирту П. К. [5]) Винъ П. К. [6]) деякихъ П. К. [7]) троянцивъ П. К. [8]) гиря П. К. [9]) ланцивъ П. К. *)

2.

Вѣнъ, [1]) швидко поробывши човны,
На сыне море попускавъ,
Троянцѣвъ [2]) насадивши повны,
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Роскудакалася, [3]) якъ квочка,

*) Въ варіантахъ буква П указываетъ на изданіе Парпуры 1798 года, а буква К—на изданіе Котляревскаго 1809 года.

Энея [4]) не любыла [5]) страхъ,
Давно уже вона хотѣла,
Іого щобъ душка полетѣла
Къ чортамъ [6]) и щобъ и духъ не пахъ.

[1]) Винъ П. К. [2]) Троянцивъ П. К. [3]) роскудкудаткалась П. роскудкудакалась К. [4]) Енея П. [5]) не любила П. К. [6]) у пекло П.

3.

Эней бувъ тяжко не по сердцу [1]) а)
Юнонѣ, все еи гнѣвивъ, б)
Здавався гѣрчѣйшій ей отъ перцу, [2]) в)
Ни вчемъ [3]) Юноны не просывъ.
Но [4]) гѣршъ [5]) за те ий [6]) не любився [7]),
Що вѣнъ [8]) у Трои [9]) народився
И мамою Венеру [10]) звавъ,
И що іого покойный [11]) дядько
Парысъ, Пріамово дитятко,
Путивочку Венерѣ давъ.

[1]) сердцю К. [2]) перцю К. [3]) ни въ чимъ П. К. [4]) а [5]) гирьшъ П. К. [6]) ѣй П. К. [7]) злюбився П. [8]) бачъ П. [9]) бачишъ, въ Трои К. [0]) Венерю П. [11]) покійный П. К.

а) Еней болячка бувъ Юнонѣ,
б) Якъ жорна, сердце ѣй давивъ,
в) Тугійшій бо бувъ отъ супонѣ П.

4.

Побачила Юнона зъ неба,
Що вже [1]) Эней [2]) на поромахъ,
А те шепнула сука Геба,
Юнону взявъ великій жахъ.
Кужѣлку [3]) кинула пѣдлаву [4]), а)
Впрягла у тарадайку паву б)
И, килимомъ сѣнце заславъ, в)
Взяла сподницю [5]) и шнурѣвку [6])

И бубликивъ за шагъ въ тарѣлку, [7]) г)
Стругнула, де Эолъ живавъ. д)

[1]) панъ К. [2]) Еней П. [3]) кужилку П. [4]) пидъ лаву П. [5]) спидницю П. К. [6]) шнуривку П. [7]) талирку П.

а) Впрягла въ гринжолята павичку,
б) Сховала пидъ кибалку мычку,
в) Щобъ не свитылася коса К.
г) И хлѣба зъ силью на тарилку,
д) Къ Эолу мчалась, якъ оса К.

5.

„Здоровъ, Эоле, пане свату!
Ой якъ ся маешъ, якъ живешъ?“
Сказала, якъ ввѣйшла [1]) у хату
Юнона, „чи гостей ты ждешъ?“
Поставила тарѣлку [2]) съ хлѣбомъ
Передъ старымъ Эоломъ дѣдомъ,
Сама же сѣла на ослѣнъ. [3])
„Будь ласкавъ сватоньку старыку,
Избый Энея [4]) съ пантелику,
Теперъ пливе на морѣ вѣнъ. [5])

[1]) ввишла П. пришла К. [2]) талѣрку П. тарилку К. [3]) ослинъ П. К. [4]) Енея П. [5]) винъ П. К.

6 и 7.

„Ты знаешъ, вѣнъ [1]) якій суцѣга,
Паливода и коновѣдъ, [2])
По свѣту якъ и ще побѣга,
Багацко вѣнъ [3]) наробыть бѣдъ. а)
Пошли ты въ море злую тучу, б)
Щобъ всю Енейску челядь сучу в)
Пустить на дно изнимъ (sic) къ чортамъ. г)
За се же дѣвку чорнобриву,
Товстеньку, [4]) гарну, уродливу
Тобѣ я далѣбу [5]) що дамъ.“

—„Гай, гай! Ой дей же іого кату!“
Эолъ насупившись сказавъ,
„Я бъ все зробивъ за сію плату,
Да вѣтры всѣ пороспускавъ.
Борей лежитъ недужъ съ похмилья, [6])
А Нотъ [7]) поѣхавъ на весѣлья,
Зехвиръ [8]) же давнѣй [9]) негодяй,
Зъ дѣвчатами заженихався,
А Евръ у винныки [10]) нанявся:
Якъ хочешъ, такъ собѣ смякай.“ [11])

[1]) винъ П. К. [2]) коновадъ П. горлоризъ К. [3]) винъ П. [4]) смачную К. [5]) далеби П. К. [6]) съ похмѣлья П. К. [7]) Нодъ П. Нордъ К. [8] Зефиръ П. К. [9]) давній П. К. [10]) въ поденщики К. [11]) и помышляй К

а) Чіихсь багацько выльe слизъ.
б) Пошли на іого лихо злее,
в) Щобъ люди всѣ, що при Энеѣ,
г) Послизли и щобъ винъ и самъ К.

8.

„Да вже для тебе обѣщаюсь,
Энеевѣ [1]) я ляпись дамъ, [2])
Я хутко, разомъ [3]) постараюсь
Загнать въ тристя іого къ чортамъ. [4])
Прощай же, швидко убѣрайся, [5])
Обѣцянки жъ [6]) не забувайся,
Бо послѣ, чуешъ, ни чичиркъ:
Якъ збрешешъ. то хоча надсядься,
На ласку послѣ не понадься,
Тогдѣ [7]) вѣдъ [8]) мене возьмешъ чвиркъ.“

[1]) Енеевѣ П. Энееви К. [2]) дать К. [3]) митью К. [4]) въ тристя іого къ чортамъ загнать К. Въ опечаткахъ къ изданію Парпуры вмѣсто *въ тристя* исправлено: *въ баню*. [5]) убирайся П. К. [6]) обицянки П. К. [7]) тогда П. К. [8]) видъ П. К.

9.

Эолъ, оставшись на господѣ,
Зобравъ всѣхъ вѣтровъ [1]) до двора,

Велѣвъ поганій буть погодѣ...
Якъ разъ на морѣ и гора,
А далѣ, потѣмъ [2]) яръ глибокый. [3]) а)
Еней стоявъ въ водѣ по боки, б)
Злякався, крикнувъ, якъ на пупъ, в)
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тѣмьи начесавъ ажъ струпъ.

[1]) вѣтривъ П. К. [2]) потимъ П. [3]) глубокій П.

а) Все море заразъ спузырило,
б) Водою мовъ въ ключи забило,
в) Эней тутъ крикнувъ, якъ на пупъ К.

10.

Прокляти вѣтры роздулися,
А море злѣха [1]) ажъ реве,
Слезми Троянцѣ [2]) облилися,
Энея [3]) за живѣтъ [4]) бере.
Всѣ човники ихъ росчухрало,
Багацко [5]) вѣйска [6]) тутъ пропало,
Козацки [7]) головы лягли. а)
Эней [8]) кричитъ, що я Нептуну
Пѣвкопи [9]) грошей въ руку суну,
Коли бъ щобъ фили полягли. б)

[1]) зъ лиха П. К. [2]) Троянци П. К. [3]) Енея П. [4]) живитъ П. К. [5]) багацько П. К. [6]) війска П. К. [7]) козацьки П. [8]) Еней П. [9]) пивкопы П. К.

а) Тогдѣ набрались всѣ сто лихъ К.
б) Абы на морѣ штурмъ утихъ К.

11.

Нептунъ дочувсь въ скляныхъ [1]) будинкахъ, [2]) а)
Що пробу закричавъ Эней, [3]) б)
Вѣнъ [4]) въ жинчинихъ [5]) метнувсь патинкахъ, [6]) в)
Мовъ кѣтъ [7]) отъ сала до дверей, г)

И мѣтью [8]) осѣдлавши рака,
Схвативсь на іого, якъ бурлака,
И вирнувъ [9]) зъ моря, якъ карась,
Загомонѣвъ на вѣтрѣвъ [10]) грѣзно: [11])
„Чого вы гудете [12]) такъ рѣзно? [13])
До моря, знаете, вамъ засъ!“

[1]) скляныхъ П. [2]) будынкахъ П. [3]) Еней П. [4]) винъ П. [5]) жинчиныхъ П. [6]) патынкахъ П. [7]) китъ П. [8]) митью П. К. [9]) вырнувъ П. К. [10]) вѣтривъ П. К. [11]) гризно П. К. [12]) дуете П. [13]) ризно П. К.

а) Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
б) Почувъ Энеевъ голосокъ,
з) Шатнувся заразъ изъ запичка,
г) Пивкопы для іого кусокъ К.

Въ первомъ изданіи Парпуры приведенъ варіантъ этихъ четырехъ стиховъ, ближе стоящій къ изданію автора:

Нептунъ же давній бувъ драпика,
Почувъ Енеевъ голосокъ,
Рощухавши іого що клика,
Пивкопы для іого кусокъ.

Этотъ варіантъ рукою Заградскаго списанъ на первой страницѣ рукописи съ измѣненіемъ правописанія:

Нептунъ же давнѣй бувъ драпѣка,
Почувъ Енеевъ голосокъ,
Рошчухавши іого що клика,
Пивкопи для іого кусокъ.

12.

Оттутъ то вѣтры схаменулись,
И дали [1]) драла до норы,
До ляса (sic), [2]) мовъ Ляхи, метнулись,
Або отъ ѣжака [3]) тхоры.
Нептунъ же заразъ взявъ мѣтелку [4])
И море вимѣвъ, якъ свѣтелку,
То солнце [5]) глянуло на свѣтъ.
Эней [6]) тогди якъ народився,

Разѣвъ [7]) испять [8]) перехристився,
Звелѣвъ готовити обѣдъ.

[1]) и ну всѣ К. [2]) до ляса П. К. [3]). ежака П К. [4]) метелку П. К. [5]) сонце П К. [6]) Еней П. [7]) развивъ П. К. [8]) изъ пять П. К.

13.

Поставили столы дубовы, а)
Багацько съ травою [1]) мисокъ, [2]) б)
За стѣлъ [3]) всѣ сѣлы [4]) и безъ мови в)
Въ голодный пхали все кутокъ.
Галушки зъ саломъ тутъ лыгалы, [5])
Лемѣшку и кулѣшъ трепали, [6])
Хватались бражкой запивать, г)
Да и горѣлочку хлистали,
На силу [7]) зъ за стола устали [8])
И послѣ полягалы [9]) спать. д)

[1]) зъ стравою П. [2]) мысокъ П. [3]) стилъ П. [4]) сѣли П. [5]) лыгали П. [6]) глытали К. [7]) на силу П. К. [8]) изъ-за столу встали К. [9]) полягали П.

а) Поклали шаліовки сосновы,
б) Кругомъ наставили мисокъ
в) И страву всякую безъ мовы К.
г) И брагу кухликомъ тягли К.
д) И спати послѣ всѣ лягли К.

14.

Венера, [1]) якъ на все швидкая, [2])
Проворна, врагъ ии [3]) не взявъ,
Побачила, що такъ лякае [4])
Эолъ сынка, що ажъ захлявъ,
Умылася, причепурилась [5])
И, якъ въ неделю, [6]) нарядилась—
Хоть бы до дудки на танець!
Взяла очѣпокъ грезетовый, [7])

Зъ усами кунтушъ саетовый, [8])
Пѣшла [9]) къ Зевесу на ралець.

[1]) Венеря П. [2]) не послѣдня шліоха К. [3]) ѣи П. К. [4]) полоха К. [5]) причипурилась П. К. [6]) недилю П. К. [7]) гразетовый К. [8]) и кунтушъ зъ усами люстровый К. [9]) пишла П. К.

15.

Зевесъ тогда [1]) лигавъ вишнѣвку, [2]) а)
Маковиками [3]) заидавъ [4]) б)
И пятую еще кондѣйку [5]) в)
Отъ Гебы зъ ліоху дожидавъ. г)
Пришла Венера [6]) искрывившись,)
Заслинившись [8]) и завѣскрывшись, [9])
И стала хлипать [10]) передъ нимъ:
„Чимъ предъ тобою, милій [11]) тату,
Сынъ заслуживъ таку мѣй [12]) плату,
И іонъ, мовъ въ свинки, грають нимъ?“

[1]) тогди П. [2]) вишнивку П. [3]) маковниками П. [4]) заѣдавъ П. [5]) киндійку П. [6]) Венеря П. [7]) изкривившись П. [8]) заплакавшись К. [9]) завизгрившись П. К. [10]) хлыпать П. К. [11]) милый П. К. [12]) мій П. К.

а) Зевесъ тогди кружавъ сивуху
б) И оселедцемъ заѣдавъ,
в) Винъ, сему выпивши осьмуху,
г) Послѣдки съ кварты выливавъ. К.

16.

„Куды ему [1]) уже до Риму?
Хиба якъ здохне чортъ въ ровѣ,
Або якъ ханъ долѣзе Криму, [2]) а)
Якъ женится сичъ [3]) на совѣ.
Хиба бъ то вже та не Юнона,
Щобъ не вказала макогона,
Що й досѣ [4]) слухае чмелѣвъ! [5])
Колибъ вона та не бѣсилась

Замовкла бы и не казылась, [6])
Що бъ ты се самъ ей [7]) извелѣвъ“. [8])

[1]) іому П. К. [2]) Крыму П. К. [3]) сычь П. [4]) доси К. [5]) чмеливъ П. К. [6]) комезилась К. [7]) ѣй П. К. [8]) извѣливъ К.

а) Якъ вернется панъ ханъ до Крыму К.

17.

Юпитеръ, все допивши съ кубка,
Погладывъ [1]) свѣй [2]) рукою чубъ:
„Охъ, доцю, [3]) ты моя голубка,
Я въ правдѣ твердый такъ, якъ дубъ.
Эней [4]) взбудуе [5]) силне [6]) царство
И заведе тамъ свое [7]) панство,
Не малый будеть [8]) вѣнъ [9]) панокъ,
На панщину весь [10]) свѣтъ погонитъ, [11])
Багацко [12]) хлопцѣвъ [13]) тамъ наплодитъ [14])
И всѣмъ имъ будеть [15]) ватажокъ“.

[1]) погладивъ П. К. [2]) свій П. К. [3]) донько П. [4]) Еней П. [5]) збудуе П. К. [6]) сильне П. К. [7]) свое тамъ К. [8]) буде П. К. [9]) винъ П. К. [10]) ввесь П. К. [11]) погонить П. [12]) багацько П. К. [13]) хлопцивъ П. К [14]) наплодить П. [15]) буде П. К.

18.

Заѣде до Дидоны въ гостѣ [1])
И будетъ [2]) тамъ бенкетовать,
Полюбится [3]) еи вѣнъ [4]) мосцѣ [5])
И стане [6]) бѣсика [7]) пускать.
Иди, небого, не журися,
Попонедѣлкуй, помолися,
Все буде такъ, якъ я сказавъ“.
Венера [8]) низко поклонилась,
Изъ панотцемъ своимъ простилась,
А вѣнъ [9]) ии [10]) поцѣловавъ.

[1]) въ гости П. К. [2]) буде П. К. [3]) полюбитця П. [4]) ѣй П. ѣи К. [5]) мосци П. К. [6]) буде К. [7]) бѣсыка П. бѣсики К. [8]) Венеря П. [9]) винъ П. К. [10]) ѣи П. К.

19.

Эней [1]) прочумався, проспався
И голодрабцѣвъ [2]) позбѣравъ, [3])
Зовсѣмъ собрався [4]) и уклався
И, скилько видно, почухравъ.
Пливъ, пливъ, пливъ вѣнъ, [5]) що ажъ обридло,
И море такъ іому огидло,
Що бѣсомъ на іого дивився. [6])
„Коли бъ“, сказавъ, [7]) я вмеръ [8]) у Трои,
То вже бъ не пивъ сіи [9]) гѣркои [10])
И марне такъ не волочився!“

[1]) Еней П. [2]) голодрапцивъ П. К. [3]) позбиравъ П К. [4]) зобрався П. К. [5]) плывъ К. [6]) дывився П. К. [7]) каже К. [8]) умеръ К. [9]) сеи П. К. [10]) гирькои П. К.

20.

Потѣмъ, [1]) до берега приставши
Изъ силнымъ [2]) вѣскомъ [3]) всѣмъ своимъ,
На землю съ човнѣвъ [4]) повстававши,
Спитавсь, чи есть [5]) що исти [6]) имъ.
И заразъ чогось попоили, [7])
Щобъ на дорозѣ [8]) не зомлѣлы, [9])
Пѣшли, [10]) куда кто [11]) запопавъ.
Эней [12]) по берегу попхався,
И самъ не знавъ, куды слонявся, [13])
Якъ гулкъ [14]) —у городъ причвалавъ.

[1]) потимъ П. К. [2]) сильнымъ П К. [3]) війскомъ П. зъ троянствомъ голымъ К. [4]) човникъ П. човнывъ К. [5]) е П. К. [6]) ѣсти П, К. [7]) попоѣли К. [8]) на дорози П. на пути К. [9]) не ослабѣли К. [10]) пишли П. К. [11]) хто П. К. [12]) Еней П. [13]) совався П. [14]) гулькъ П. К.

21.

Въ тѣмъ [1]) городѣ жила Дидона,
А городъ звався Карфагенъ, [2])

Розумна панѣ [3]) и моторна,
Для неи трохи сихъ именъ,—
Трудяща, тяжко [4]) праціовита,
Весела, гарна, сановита,
Бѣдняшка, [5]) що була вдова.
По городу тогда [6]) гуляла,
Коли Троянцѣвъ [7]) повстрѣчала,
Таки сказала имъ слова.

[1]) тимъ П. К. [2]) Карпагенъ П. [3]) пани П. К. [4]) дуже П. К. [5]) бѣдняжка П. К. [6]) тогди П. К. [7]) Троянцивъ П. К.

22.

„Вѣдкиль таки се гольтѣпаки? [1])
Чи рыбу зъ Дону везете,
Чи, може, выходцѣ, [2]) бурлаки?
Куда, [3]) прочане, вы идете? [4])
Якій васъ врагъ сюда [5]) направивъ?
И хто до города причалывъ? [6])
Яка жъ ватага розбишакъ!“
Троянцѣ [7]) всѣ замормотали, [8])
Дидонѣ низько въ ноги пали,
А вставши [9]) ей [10]) мовлялы [11]) такъ:

[1]) видкиль П. К. гольтяпаки П. К. [2]) выходци П. К. [3]) куди П. К. [4]) йдете П. К. [5]) сюды П. К. [6]) причаливъ П. К. [7]) Троянци П. К. [8]) замурмотали П. К. [9]) и послѣ П. [10]) ѣй П. К. [11]) мовляли П. К.

23.

„Мы всѣ, якъ бачъ, народъ крещеный, [1])
Волочимся безъ талану,
Мы всѣ у Трои [2]) порождены, [3])
Эней [4]) пустивъ на насъ ману.
Дали намъ Греки прочухана,
И самого [5]) Эпея [6]) пана
Въ три вырвы [7]) вигнали [8]) вѣдтиль, [9])
Звелѣвъ покинути намъ Трою,

Пѣдмовывъ [10]) плавати зъ собою,
Теперъ [11]) ты знаешъ, [12]) мы вѣдкиль. [13])

[1]) хрещеный П. К. [2]) мы въ Трои, знаешъ К. [3]) порожденны П. К. [4]) Еней П. [5]) и самаго П. К. [6]) Енея П. [7]) вирвы П. К. [8]) выгнали П. К. [9]) видтиль П. К. [10]) пидмовивъ П. К. [11]) теперь К. П. [12]) знаешь П. [13]) видкиль П. К.

24.

Помилуй, панѣ [1]) благородна!
Не дай загинуть головамъ,
Будь милостива, будь незлобна,
Эней [1]) спасибѣ [2]) скажеть [3]) самъ.
Чи бачишь, [4]) якъ мы обидрались, [5])
Убранья, [6]) постолы порвались,
И нужи повна учкурня, [7]) а)
Кожухи, свити [8]) погубыли, [9])
Отъ [15]) голоду въ кулакъ трубыли: [11])
Така намъ лучилась пеня!

[1]) Еней П. [2]) спасыби П. К. [3]) скаже П. К. [4]) бачишъ К. [5]) обѣдрались К. [6]) убранна П. К. [7]) очкурня П. К. [8]) свиты П. К. [9]) погубили П. К. [10]) изъ П. К. [11]) трубили П. К.

а) Охляли, нибы въ дощь:щеня К.

25.

Дидона гѣрко [1] зарыдала
И зъ бѣлого свого лиця
Платочкомъ сліозы утирала: [2])
„Коли бъ“, сказала, „молодця
Энея [3]) вашого злапала,
То вже бъ тогдѣ [4]) весела стала,
Тогдѣ [5]) великъ день бувъ бы намъ“.
Тутъ панъ Эней [6]) ниначе [7]) зъ неба:
„Ось озде [8]) я, коли вамъ треба,
Дидонѣ поклонюся самъ“.

[1]) гирько П. К. [2]) обтирала П. К. [3]) Енея П. [4]) тогди П. К. [5]) тогди П. К. [6]) Енея П. [7]) якъ будто П. К. [8]) озьде П. К.

26.

Потомъ, [1]) зъ Дидоною обнявшись,
Поцѣловались гарно, въ смакъ,
За бѣли [2]) рученьки [3]) узявшись,
Балакали то сякъ, то такъ.
Пѣшли [4]) къ Дидонѣ до господы
Черезъ велики переходы,
Ввѣйшли [5]) въ свѣтлицю та [6]) й на пѣлъ, [7])
Пили на радощахъ сивуху
И ѣли юрду и макуху, [8])
Потимъ [9]) кликнули ихъ за стѣлъ. [10])

[1]) потимъ П. К. [2]) бѣлы П. [3]) за рученьки бѣленьки К. [4]) пишли П. К. [5]) ввійшли П. К. [6]) да П. К. [7]) пилъ П. К. [8]) сѣмяну макуху К. [9]) повиль К. [10]) стилъ П. К.

27.

Тутъ ѣлы [1]) разные [2]) потравы
Усе [3]) съ поливяныхъ [4]) мисокъ [5])
И самы [6]) гарные [7]) приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарѣлокъ. [8])
Свинячу голову до хрѣну
И локшину на перемѣну,
Потѣмъ [9]) съ подлевою [10]) индикъ,
На закуску кулѣшъ и кашу,
Лемѣшку, хляки [11]), пудрю [12]), квашу
И зъ макомъ медовый шуликъ.

[1]) ѣли П. К. [2]) розныи П. розные К. [3]) и все К. [4]) полывьяныхъ П. К [5]) мысокъ П. К. [6]) сами П. К. [7]) гарныи П. [8]) талѣрокъ П. [9]) потимъ П. К. [10]) пидлевою П. К. [11]) зубци П. К. [12]) путрю П. К.

28.

И кубками пили вишнѣвку [1]),
Медъ, пиво, брагу [2]), сировець [3]),
Горѣлку просту и тернѣвку [4]),

Курився для духу яловець,
Бандура тутичка [5]) бринчала,
Сопѣлка „зуба“ затинала [6]),
А дудка грала по „балкахъ“,
„Ой ненька“ на цимбали [7]) грали,
Кругомъ дѣвчата танціовали
Въ дробушкахъ, въ чобѣткахъ [8]), въ свиткахъ.

[1]) вишнивку П. К. [2]) бражку П. [3]) сыровець П. [4]) тернивку П. К. [5]) горлицы К. [6]) затынала П. К. [7]) цымбалы Ц. санжаривки на скрипцѣ К. [8]) чоботахъ П. К.

29.

Сестра була въ Дидоны Ганна а)
Моторна дѣвка хоть куда [1]), б)
Проворна, чепурна и гарна, в)
Приходила й вона [2]) сюда [3]).
Въ червонѣй [4]) юпоцѣ [5]) баевѣй [6]),
Въ запасцѣ гарнѣй [7]) фіналевѣй,
Въ стіонжкахъ, намистѣ и ковткахъ—
Тутъ танціовала викрутасомъ
Передъ [8]) Энеемъ [9]) вихилясомъ,
До дудки [10]) была [11]) трейтяка [12]).

[1]) куды П. К. [2]) и ся К. [3]) туды П. сюды К. [4]) въ червоній П. К. [5]) юпоцци П. юпочци К. [6]) баевій П. К. [7]) гарній П. К. [8]) фаналевій П. К. [8]) и предъ К. [9]) Енеемъ П. [10]) пидъ дудку П. К. [11]) била П. К. [12]) третяка П. К.

а) Сестру Дидона мала Ганну,
б) На вспражки дѣвку хоть куды,
в) Проворну, чепурну и гарну К.

30.

Эней [1]) и самъ такъ розгулявся, [2])
Якъ на арканѣ жеребець,
Зъ Дидоною за руки взявся, а)
Пѣшовъ [3]) изъ нею у танець: б)

Пѣдкивки [4]) въ неи [5]) забрящали,
Отъ танцѣвъ жижки [6]) задрижали,
Якъ выбывала [7]) гоцака. в)
А панъ Эней [8]) такъ росходився [9]), г)
Що трохи не увередився, д)
Кружкомъ садивши [10]) гайдука. е)

[1]) Еней П. [2]) росходився К. [3]) пишовъ П. К. [4]) пидкивки П. К. [5]) въ обохъ пидкивки К. [6]) жижки отъ танцивъ П. К. [7]) выбивала П. [8]) Еней П. [9]) розходився П. [10]) сидавши П.

а) Що трохи не увередився,
б) Пишовши съ Гандзею въ танець,
в) Выстрибовавши гоцака.
г) Эней, матню въ кулакъ прибравши
д) И *не до соли* промовлявши,
е) Садивъ крутенько гайдука. К

31.

И послѣ танцѣвъ [1]) варенухи
По кухлику имъ [2]) пѣднесли [3]),
И [4]) молодицѣ [5]), цокотухи
Тутъ балянтрасы [6]) понесли.
Дидона крѣпко заюрила,
Горщокъ зъ вареною розбыла [7]),
До дуру всѣ тогда [8]) пили,
Весь день весело прогуляли
И пяны [9]) спати полягали,
Энея [10]) жъ ледвѣ [11]) повели.

[1]) танцивъ П. К. [2]) по филижанцѣ К. [3]) пиднесли П. К. [4]) а П. [5]) молодици П. К. [6]) баляндрасы П. К. [7]) розбила П. К. [8]) тогди П. тогдѣ К. [9]) пьяны П. К. [10]) Енея П. [11]) ледви П. ледве К.

32.

Эней [1]) на пѣчь зобрався спати,
Зарывся [2]) въ просо, тамъ и лѣгъ. [3])

А хто схотѣвъ, побрывъ [4]) до хаты,
А хто въ хлѣвецъ, [5]) а хто у стѣгъ, [6])
А де-яки такъ такъ хлиснули, [7])
Що де [8]) упали, тамъ заснули,
Сопли, харчали и хроплы [9]),
А честны молодцѣ [10]) кружали,
Поки ажъ пѣвнѣ [11]) заспѣвали,
Що здужали, то все тяглы. [12])

[1]) Еней П. [2]) зарывся П. К. [3]) лигъ П. К. [4]) побривъ П. К. [5]) хлѣвець П. К. [6]) стигъ П. пидъ стигъ К. [7]) хлыснули П. К. [8]) где П. К. [9]) хропли П. К. [10]) а добры молодци П. К. [11]) пѣвни П. К. [12]) тягли П. К.

33.

Дидона рано исхопилась,
Пила съ похмѣлья сировець, [1])
А послѣ гарно нарядилась,
Якъ бы въ оренду на танець:
Взяла карабликъ бархатовый,
Спѣдницю [2]) и карсетъ лѣстровый [3])
И начепила ланцюжокъ,
Червоны чоботы обула,
Та [4]) и запаски не забула
И [5]) въ руки зъ выбѣйки [6]) платокъ.

[1]) сыровець П. К. [2]) спидницю П. К. [3]) люстровый П. шовковый К. [4]) да П. К. [5]) а К. [6]) выбійки П. К.

34.

Еней [1]) же, съ хмелю якъ проспався,
Изъѣвъ солоный огѣрокъ, [2])
Потимъ умывся и убрався,
Якъ паробика до дѣвокъ.
Ему [3]) Дидона пидослала,
Що отъ покѣйника [4]) украла—
Штаны [5]) й [6]) пару чобѣтокъ, [7])

Сорочку и каптанъ зъ китайки,
И шапку, поясъ зъ [8]) каламайки,
И чорный шовковый платокъ.

[1]) Эней К. [2]) огирокъ П. К [3]) іому К. [4]) покійника П. К. [5]) галанци П. [6]) и К. [7]) чобитокъ П. К. [8]) съ К.

35.

Якъ одѣглись, [1]) то и зійшлися, [2])
Съ собою стали розмовлять,
Наѣлися и принялися,
Щобъ по вчорашніому [3]) гулять.
Дидона жъ тяжко сподобала
Энея, [4]) такъ, що и не знала,
Где дѣтися и що робыть, [5])
Точила всякіи [6]) балясы
И пѣдпускала [7]) разны [8]) лясы,
Энею [9]) тѣлко [10]) бъ угодить.

[1]) одяглись П К. [2]) зышлися П. [3]) вчорашнему П. К. [4]) Енея П. [5]) робить П. К. [6]) всякіе К. [7]) пидпускала П. К. [8]) розны П. К. [9]) Энею бъ П. [10]) тилько П. К.

36.

Дидона вигадала [1]) грище,
Эней щобъ веселѣйшій [2]) бувъ, а)
И щобъ вертѣвся зъ нею ближче, [3])
И лиха щобъ свого [4]) забувъ.
Собѣ очици завязала
И у Панаса граты [5]) стала,
Щобъ ей Энея [6]) уловить.
Эней [7]) же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мьявся, [8]) б)
Ии [9]) щобъ тѣлко [10]) вдоволнить. в)

[1]) выгадала П. К. [2]) веселшій К. [3]) пзъ нею бувъ поблизче П. [4]) всіого П. [5]) грати П. К. [6]) Енея П. Энея бъ тилько К. [7]) Еней П. [8]) мявся К. [9]) еѣ К. [10]) тилько К.

а) Еней ѣй тамъ бы пидмигнувъ. П.
б) И такъ, и сякъ отъ ней хилявся,
в) Ѣи щобъ швидче утомить. П.

37.

Тутъ всяку всячину играли,
Хто якъ и въ вѣщо [1]) захотѣвъ,
Тутъ инши [2]) журавля скакали,
А хто отъ дудочки потѣвъ,
У хрещика и въ горудуба, [3])
Не разъ доходило до [4]) чуба,
Якъ загулялися въ джгута,
Въ хлюста, въ парѣ, [5]) въ вѣзка [6]) играли,
И дамки по столу совали,
Чортъ мавъ порожняго [7]) кутка. [8]).

[1]) вищо П. К. [2]) инчи К. [3]) горюдуба П. К. [4]) й до П. [5]) въ пашка П. въ пары К. [6]) въ визка П. К. [7]) порожніого П. К. [8]) кута. К. П.

38.

Що день у нихъ було похмѣлья,
Пилась горѣлка, якъ вода,
Що день въ Дидоны якъ весѣлье,
Всѣ пьяны, хоть посунься [1]) куда.
Энеевѣ [2]) такъ, якъ болятцѣ, [3])
Або осѣннѣй [4]) лихоманцѣ [5])
Годила панѣ [6]) всякой [7]) день,
Булы [8]) Троянцѣ [9]) пьяны, ситы, [10]),
Кругомъ обуты и обшиты, [11])
Хоть голи [12]) прибрили, якъ пень.

[1]) посунсь П. К. [2]) Енеевѣ П. [3]) болящцѣ П. К. [4]) осинній П. [5]) лихій осѣнній трясцѣ К. [6]) пани П. К [7]) всякій П. К. [8]) були П. К. [9]) Троянци П. К. [10]) сыты [11]) одѣты П. [12]) голы П. К.

39.

Троянцѣ [1]) лихо тамъ курили,
Дали приману всѣмъ жѣнкамъ, [2])
По вечерницяхъ [3]) всѣ ходили,
Просвѣтку не було дѣвкамъ.
Та [4]) й самъ Эней, [5]) сподаръ, [6]) и паню
Пѣдмовивъ [7]) парится [8]) у [9]) баню,
Уже жъ було не безъ грѣха,
Бо страхъ вона іого любила,
Ажъ глуздъ увесь свѣй [10]) загубыла, [11])
Хотя була и не [12]) плоха.

[1]) Троянци П. К. [2]) жинкамъ П. К. [3]) вечирницамъ П. вечирницямъ К. [4]) да П. К. [5]) Еней П. [6]) сподарь К. [7]) пидмовивъ П. К. [8]) паритись П. паритися К. [9]) въ К. [10]) свій П. К. [11]) погубила П. К. [12]) а бачця не була К.

40.

Оттакъ [1]) Эней [2]) живъ у Дидоны,
Забувъ и въ Римъ щобъ мандровать,
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустився все бенкетовать,
Прочумавъ, где зѣмують [3]) раки а)
И доброй натрусивъ кабаки... б)
Мутивъ, якъ у селѣ [4]) Москаль!
Бо хрѣнъ іого не взявъ—моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый, [5]) якъ на бритвѣ сталь.

[1]) Отъ-такъ П. [2]) Еней П. [3]) зимуютъ П. [4]) на селѣ К. [5]) острый П. К.

а) Дидону мавъ винъ мовъ за жинку,
б) Убивши добру въ неи гринку К.

41.

Эней [1]) съ [2]) Дидоною возились,
Якъ съ [3]) оселедцемъ сѣрый кѣтъ, [4])

Ганяли, бѣгали, казнились,
Ажъ лився деколи [5]) и пѣтъ. [6])
Дидона жъ мала разъ роботу,
Якъ зъ нимъ побѣгла на охоту,
Та [7]) грѣмъ [8]) загнавъ у темный ліохъ:
Лихій ихъ зна, що тамъ робили,
Було не видно съ пѣдъ [9]) могили, [10])
Въ ліоху жъ сидѣли тѣлко [11]) вдвохъ. [12])

[1]) Еней П. [2]) зъ П. К. [3]) зъ П. К. [4]) китъ П. К. [5]) деколы П. К. [6]) питъ П. К. [7]) Да П. К. [8]) гримъ П. К. [9]) спидъ П. съ за К. [10]) могилы П. К. [11]) тилько П. К. [12]) въ двохъ.

42.

Не такъ то робытся [1]) все хутко,
Якъ швидко окомъ измигнешъ,
Або якъ казку скажешъ [2]) прудко,
Перомъ въ паперѣ якъ писнешъ.
Эней [3]) въ Дидоны живъ не мало,
Що съ головы іого [4]) пропало,
Куды іого Зевесъ послявъ.
Вѣнъ [5]) годѣвъ [6]) спару [7]) тамъ просидѣвъ,
А мабуты [8]) и бѣльшъ пронидѣвъ,
Якъ бы іого врагъ не спѣткавъ. [9])

[1]) робится П. К. [2]) кажешъ П. К. [3]) Еней П. [4]) въ іого П. К. [5]) винъ П. К. [6]) годивъ П. К. [7]) зо два П. К. [8]) мабудь бы П. мабуть бы К. [9]) спиткавъ П. К.

43.

Колись Юпитеръ ненарокомъ
Изъ неба [1]) глянувъ и на насъ
И кинувъ въ Карфагену [2]) окомъ,
Ажъ тамъ троянскій мартоплясъ.
Розсердився и розкричався, [3])
Ажъ свѣтъ увесь [4]) поколихався, [5])
Энея [6]) лаявъ на ввесь [7]) ротъ:

„Чи такъ-то бѣсѣвъ [8]) сынъ вѣнъ [9]) слуха,
Улѣзъ [10]) у [11]) патоку, якъ муха,
Засѣвъ, якъ у болотѣ чортъ.

[1]) Зъ Олимпа К. [2]) Карнагеву П. [3]) розкричався П. К. [4]) цѣлый свѣтъ К. [5]) поколыхався П. [6]) Енея П. [7]) весь П. К. [8]) бѣсивъ П. гадивъ К. [9]) винъ П. К. [10]) убрався К. [11]) въ К.

44.

Пидѣть [1]) минѣ гинця [2]) кликните,
До мене заразъ щобъ прійшовъ,
Глядѣть [3]) же цупко прикрутите,
Щобъ у шинокъ вѣнъ [4]) не зайшовъ,
Бо хочу я кудись [5]) послати.
И іонъ, и іонъ же, вража мати!
Але Еней [6]) нашъ зледащѣвъ. [7])
А то Венера [8]) все свашкуе,
Енесика [9]) свого муштруе,
Щобъ вѣнъ [10]) зъ ума Дидону звѣвъ. [11])

[1]) пійдить П. К. [2]) гонця П. К. [3]) глядить П. [4]) винъ П. винъ въ шинокъ та К. [5]) кудысь П. К. [6]) Эней К. [7]) злецащивъ К. [8]) Венеря П. [9]) Енеечка П. Энеечка К. [10]) винъ П. К. [11]) звивъ П. К.

45.

Прибѣгъ Меркурій засапавшись,
Въ три ряды пѣтъ [1]) зъ іого котивъ,
Ввесь ременцями [2]) объязавшись, [3])
На голову бриль наложивъ, [4])
На грудяхъ съ [5]) бляхою ладунка,
А зъ заду [6]) съ сухарами сумка, [7])
Въ рукахъ нагайскій малахай.
Въ такимъ нарадѣ [8]) влѣзъ у [9]) хату,
Сказавъ: „готовъ уже я, тату,
Куда [10]) ти хочешъ посылай“.

[1]) питъ П. К. [2]) реминцями П. К. [3]) обвязавшись П. К. [4]) винъ брыль надивъ П. [5]) зъ П. [6]) а зъ зади П. съ зади К. [7]) сунка П. К. [8]) нарядѣ П. К. [9]) влѣзши въ К. [10]) куды П К.

46.

„Бѣжи лишъ швидче [1]) въ Карфагену,“ [2])
Зевесъ гонцевѣ такъ сказавъ,
„И пару разлучи [3]) скажену,
Эней [4]) Дидону бъ забувавъ,
Нехай лишъ вѣдтѣль [5]) утѣкае [6])
И Криму [7]) (sic) строиты чухрае,
А то залѣгъ, мовъ въ грубѣ песъ,
Коли жъ вѣнъ буде ще [8]) мешкаты, [9])
То дамъ себе іому я знаты:
Оттакъ [10]) сказавъ, скажи, Зевесъ“.

[1]) швидко П. [2]) Карпагену П. [3]) розлучи К. [4]) Еней П. [5]) видтыль П. К. [6]) уплѣтае П. К. [7]) Рима [8]) ище П. К. [9]) мѣшкати П. К. [10]) отъ-такъ П. К.

47.

Меркурій низько [1]) поклонився,
Передъ Зевесомъ бриль [2]) изнявъ,
Черезъ порѣгъ [3]) перевалився,
До станѣ [4]) швидче [5]) тягу давъ.
Покинувши изъ рукъ нагайку,
Запрягъ вѣнъ [6]) швидче [7]) чортопхайку,
Черкнувъ изъ неба, ажъ курить, [8])
Усе [9]) кобылокъ поганяе, [10])
Що оглобельна ажъ брикае, [11])
Помчали, ажъ вѣзокъ [12]) скрыпить.

[1]) низко П. К. [2]) брыль П. К. [3]) поригъ П. К. [4]) стани П. К. [5]) митью П. [6]) винъ П. К. [7]) митью К. [8]) курыть П. [9]) и все К. [10]) погонне Ж. [11]) брыкае П. К. [12]) возокъ П. визокъ К.

48.

Эней [1]) тогдѣ [2]) купався [3]) въ [4]) бразѣ
И, на полу укрывшись, [5]) лѣгъ, [6])
Іому не снилось о прыказѣ, [7])

Якъ ось Меркурій въ хату влѣзъ. [8])
Смикнувъ [9]) изъ полу, мовъ псяюху:
„А що ты робышъ? [10]) Пьешъ сивуху“,
Зо всіого горла закрычавъ, [11])
„А ну лишъ швидче убѣрайся, [12])
Зъ [13]) Дидоною не женихайся,
Зевесъ тобѣ походъ сказавъ.

[1]) Еней П. [2]) тогди П. К, [3]) купавсь П. [4]) у П. [5]) укрившись П. К. [6]) лигъ П. К. [7]) приказѣ П. К. [8]) вбѣгъ П. К. [9]) смыкнувъ П. К. [10]) робишъ П. К. [11]) закричавъ П. К. [12]) убирайся П. К. [13]) съ П. К.

49.

Чи се жъ таки до дѣла [1]) робышъ,
Що й досѣ тута загулявсь?
Та [2]) швидко и не такъ заробышъ, [3])
Зевесъ недурно похвалявсь.
Получишъ [4]) добру халазѣю, [5])
Вѣнъ [6]) видавить [7]) съ тебе олѣю, [8])
Оттѣлко [9]) ще [10]) тутъ забарись. [11])
Гляди жъ, сіогодня щобъ убрався,
Щобъ нищечкомъ [12]) вѣдсѣль [13]) украався,
Мене у друге не дождись“.

[1]) ты дѣло П. [2]) да П. [3]) взвомнишъ П. задробишъ К. [4]) тобѣ дать П. [5]) халазію П. К. [6]) винъ П. К. [7]) выдавить П. К. [8]) олію П. К. [9]) отъ тилько П. К. [10]) йще П. К. [11]) побарись П, К. [12]) нышечкомъ П. К. [13]) видсиль П К.

50.

Эней [1]) пѣджавъ [2]) хвѣстъ, [3]) мовъ собака,
Мовъ Каинъ затрусивсь увесь,
Изъ носа потекла кабака,
Уже вѣнъ [4]) знавъ, якій Зевесъ.
Метнувся [5]) мѣтью [6]) самъ изъ хаты
Своихъ Троянцѣвъ [7]) позбѣраты, [8])

Зобравши давъ такій приказъ:
„Якъ можно швидче укладайтесь,
Зо всѣми клунками збѣрайтесь, [9])
До моря швендайте якъ разъ!“

[1]) Еней П. [2]) пиджавъ П. К. [3]) хвистъ П. К. [4]) винъ П. К. [5]) шатнувся П. К. [6]) митью П. К. [7]) Троянцивъ П. К. [8]) позбирати П. К. [9]) збирайтесь П. К.

51.

А самъ, вернувшись [1]) у [2]) будынки,
Свое ляхмитье [3]) позбѣравъ, [4])
Мизеріи наклавъ двѣ скриньки,
На човенъ [5]) заразъ одиславъ [6])
И дожидався тѣлько [7]) ночи,
Щобъ [8]) якъ Дидона зимкне [9]) очи,
Щобъ не прощавшись тягу [10]) дать.
Хоть вѣнъ [11]) за нею и журився
И свѣтомъ цѣлый день нудився,
Та [12]) ба! вже треба покидать.

[1]) вернувшися К. [2]) въ К. [3]) лахматье К. [4]) позбиравъ П. К. [5]) човни П. [6]) одыславъ [7]) тилько П. К. [8]) що П. К. [9]) зомкне П. К. [10]) драла П. [11]) винъ П. К. [12]) да П. К.

52.

Дидона заразъ вѣдгадала, [1])
Чого мусуе (sic) [2]) панъ Эней, [3])
И все на умь сіобѣ (sic) [4]) мотала,
Щобъ умудрытися [5]) и ей.
Зъ за печи часто виглядала [6])
И притворилась, [7]) що [8]) куняла,
И мовъ вона хотѣла спать.
Эней [9]) же думавъ, що вже спала,
И тѣлко [10]) що хотѣвъ дать драла,
Ажъ ось Дидона за чубъ хвать.

[1]) отгадала П. К. [2]) сумуе П. К. [3]) Еней П. [4]) на усъ собѣ П. К. [5]) умудритися П. К. [6]) выглядала П. К. [7]) прикинувшись К. [8]) буцимъ К. [9]) Еней П. [10]) тилько П. К.

53.

„Постѣй, [1]) прескурвый, вражій сыну,
Зо мною перше росплатись,
Отъ [2]) задушу, якъ злу личину,
Ось ну лишъ тѣлко [3]) завертись.
Оттакъ [4]) за хлѣбъ, за сѣль [5]) ты платышъ, [6])
Привыкъ усѣмъ [7]) ты [8]) насмѣхатись,
Роспустишъ славу по минѣ.
Нагрѣла въ пазусѣ гадюку,
Що послѣ причинила муку,
Послала пуховикъ свиньи. [9])

[1]) постій П. К. [2]) я П. [3]) тилько П. К. [4]) отъ такъ П. К. [5]) силь П. К. [6]) платишъ П. К. [7]) увсѣмъ П. [8]) ты всѣмъ привыкши К. [9]) свинѣ П. К.

54.

Згадай, якій прійшовъ до мене,
Що ни сорочки не було,
И постолѣвъ [1]) чортъ мавъ у тебе,
Въ кишенѣ жъ пусто, якъ [2]) гуло.
Не [3]) знавъ ты, що такее гроши,
Матня подралась и колоши, а)
Рубець бувъ на рубцѣ въ штаняхъ, б)
И все [4]) порвалось и побылось,
Ажъ тѣло у [5]) дѣрки свѣтилось, в)
Свитина вся була въ латкахъ.

[1]) постоливъ П. К. [2]) ажъ П. К. [3]) чи К. [4]) та й те К. [5]) скризь П.

а) Мавъ безъ матни одни холоши,
б) И тилько слава, що въ штанахъ,
в) Ажъ глянуть соромъ—такъ свѣтилось К.

55.

Чи я жъ тебе не годовала? а)
Хиба бъ [1]) рожна ты [2]) захогѣвъ?
Десь вража маты [3]) подсмѣяла, [4])
Щобъ хирный тутъ ты не сѣдѣвъ! [5])
Дидона гѣрко [6]) зарыдала, [7])
Изъ серця [8]) ажъ волосья рвала
И закраснѣлася, мовъ ракъ,
Запѣнилась, посатанѣла,
Неначе дурману изъила, [9])
Залаяла Енея такъ:

[1]) хиба П. К. [2]) ты трясци П. ражна К. [3]) сила П. мати К. [4]) пидсмѣяла П. пидкусила К. [5]) сидѣвъ П. К. [6]) гирько П. К. [7]) заридала П. К. [8]) сердци К. [9]) изъѣла П. К.

а) Чи я жъ тобѣ та не годила? К.

56.

„Поганый, мерзьскый, [1]) скверный, [2]) бридкій,
Рѣзунъ, [3]) разбойникъ, [4]) кателикъ! [5])
Гульвѣса, [6]) пакосный, престидкій,
Негидный, злодѣй, эретикъ! [7])
За кучму сю твою велику,
Якъ дамъ тобѣ лища [8]) у пику,
То тутъ тебе лизне [9]) и чортъ!
И очи видеру [10]) изъ лоба
Тобѣ, діяволска [11]) худоба,
Трясешся, мовъ зимою хортъ.

[1]) мерзкій П. К. [2]) гицкій П. [3]) бурлакъ П. [4]) розбійникъ П. некчимный ланецъ К. [5]) котоликъ П. К. [6]) гульвиса П. К. [7]) еретикъ П. К. [8]) леща К. [9]) лызне П К. [10]) выдеру П. К. [11]) діявольска П. К.

57.

Мандруй до чорта изъ рогамы, [1])
Нехай тобѣ приснится бѣсъ

Съ [2]) твоими сучими сынами,
Щобъ врагъ узявъ [3]) васъ всѣхъ гульвѣсъ, [4])
Щобъ ни горѣли, ни болѣли,
На чистому [5]) щобъ поколѣли,
Щобъ не оставсь ни чоловѣкъ,
Щобъ доброи не знали долѣ, [6])
Були щобъ зъ вами злые болѣ, [7])
Щобъ вы шаталися по вѣкъ!“.

[1]) рогами П. К. [2]) зъ П. К. [3]) побравъ К. [4]) гульвисъ П. К. [5]) на чыстоту П. [6]) доли П. К. [7]) боли П. К.

58.

Эней [1]) вѣднеи [2]) отступався,
Пока ступивъ [3]) черезъ порѣгъ, [4])
А далѣ ажъ не оглядався,
Зъ двора собака мовъ [5]) побѣгъ.
Прибѣгъ къ Троянцамъ, [6]) засапався,
Обмокъ, въ поту якъ бы купався,
Мовъ въ школу съ торгу курохватъ,
Потѣмъ, [7]) у човенъ хутко сѣвши
И ѣхати своимъ звелѣвши, [8])
Не оглядавшись [9]) самъ назадъ.

[1]) Еней П. [2]) видъ нея П. К. [3]) зайшовъ П. К. [4]) поригъ П. К. [5]) въ собачу рысть К. [6]) къ Троянцямъ П. К. [7]) потимъ П. К. [8]) велѣвши П. К. [9]) не оглядався П. К.

59.

Дидона тяжко зажурылась, [1])
Весь день ни ѣла, ни пила,
Все тосковала, все нудилась, [2])
Крычала, [3]) плакала, ревла,
То бѣгала, якъ бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногтѣ [4]) на рукахъ,
А далѣ сѣла на порозѣ,

Ажъ занудило ей [5]) небозѣ,
Не встояла и [6]) на ногахъ. *)

[1]) зажурилась П. К. [2]) нудылась П. [3]) кричала П. К. [4]) ногти П. К. [5]) ѣй П. К. [6]) и не встояла П. К.

*) Сестру клыкнула на пораду,
Щобъ горе злее росказать,
Энееву оплакать зраду
И льготы сердцю трохи дать.
«Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко,
Теперь пропала я на вѣкъ!
Энеемъ кинута я, бѣдна,
Якъ сама поплюга послѣдня,
Эней злый змѣй—не чоловѣкъ! К.

—

Нема у серця мого силы,
Щобъ я могла іого забуть.
Куды мнѣ бѣгти? До могилы!
Туды одинъ надежный путь!
Я все для іого потеряла,
Людей и славу занедьбала,
Боги! я зъ нимъ забула васъ.
Охъ дайте зѣлья мнѣ напитись,
Щобъ серцю можно розлюбитись,
Утихомиритись на часъ. К.

—

Нема на свѣтѣ мнѣ покою,
Не льются сліозы изъ очей,
Для мене бѣлый свѣтъ есть тьмою,
Тамъ ясно тилько, где Эней.
О пуцверинку купидоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне...
Щобъ ты маленькимъ бувъ пропавъ!
Познайте, молодици гожи,
Зъ Энеемъ бахури всѣ схожи:
Щобъ врагъ зрадливыхъ всѣхъ побравъ»! К.

—

60.

Довгенько тамъ [1]) посумовавши,
Пѣшла у хату [2]) на постѣль,
Подумавши тамъ, погядавши,
Проворно скочила на пѣлъ. [3])
Узявши [4]) зъ [5]) запѣчка кресало
И клочя въ пазуху чи мало,
Тихенько війшла на вгородъ. [6])
Нѣчною [7]) се було добою
И самой тихою порою,
Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

[1]) такъ П. К. [2]) въ будынки К. [3]) пилъ П. К. [4]) и взявши К. [5]) съ К. [6]) городъ П. К. [7]) ночною П. К.

61.

Стоявъ въ Дидоны [1]) у загонѣ [2])
Съ кизяку складенный кирпичъ, а)
Іого придбали волы, конѣ, [3]) б)
Зѣмою имъ топили пѣчь, в)
Въ кострѣ бувъ складенный, [4]) сухенькій,
Якъ порохъ, бувъ уже сухенькій, [5])
Іого держали на пѣдпалъ. [6])
Оттутъ [7]) вѣна [8]) (sic) огонь кресала

Такъ бѣдна съ горя говорила
Дидона, жизнь свою кляла,
И Ганна, що ѣй не робила,
Ни якой рады не дала.
Сама съ царицей горіовала
И сліозы рукавомъ втирала
И хлыпала собѣ въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелѣла, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ ѣй насумоватись въ смакъ. К.

И въ клоччѣ [9]) гарно розмахала
И розвела пожаръ чи-малъ.

[1]) въ Дидони П. у неи К. [2]) у загони П. на городѣ К [3]) волы придбали й кони П. [4]) сложеный П. К. [5]) палкенькій П. К. [6]) пидпалъ П. К. [7]) отъ тутъ П. [8]) вона П. К. [9]) клочьи П. К.

а) Въ кострѣ на зиму очеретъ;
б) Хоть се не по царскій породѣ,
в) Та где жъ взять дровъ, колы все степъ К.

62.

Кругомъ костеръ той запаливши,
Зо всей одежы [1]) роздяглась,
Въ огонь одежу положивши, [2])
Сама въ огнѣ тѣмъ [3]) уляглась. [4])
Въ кругъ [5]) неи поломья палало,
Покѣйницы [6]) не выдно стало,
Пѣшовъ [7]) вѣдъ [8]) неи дымъ и чадъ!
Энея [9]) такъ вона любыла, [10])
Що ажъ сама себе спалила,
Послала душу къ чорту въ адъ.

[1]) одежды П. К. [2]) лахматье все сложивши К. [3]) тимъ К. да и сама тутъ П. [4]) простяглась К. улеглась П. [5]) вкругъ П. К. [6]) покійници П. К. [7]) пишовъ П. К. [8]) одъ П. К. [9]) Енея П. [10]) любила П. К.

Конецъ первой части Виргилія Энеиды.

На малороссійскій языкъ перемициована Котляревскимъ 1798 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1900 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканія наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на

общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету

„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“

съ приложеніемъ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (Г. XII).

подъ редакціей М. Виноградова.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., на полгода— 3 руб,, и на 3 мѣс. 2 р.; *для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р.* въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 г. можно получать по *два* руб., и 1895 и 1896 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ представляется помѣщать *безплатно* всякія объявленія относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Вышедшія №№ „Жизнь и Школа“ и „Школьнаго Обозрѣнія“ тек. г., по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ— одиннадцатый *безплатно.*

Подписка принимается въ главной конторѣ „Жизнь и Школа“ и «Школьнаго Обозрѣнія»: С.-Петербургъ, Загородный пр. 34.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на областную общественную и литературную газету-журналъ

„ДНѢПРОВСКАЯ МОЛВА“

(второй годъ изданія)

ВЫХОДИТЪ ВЪ Г. Екатеринославѣ по воскресеньямъ, въ форм. и объемѣ

„НЕДѢЛИ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Руководящія статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. 3) Статьи по исторіи Приднѣпровскаго края, преимущественно Новороссіи, а также по этнографіи и археологіи. 4) Научныя статьи по обществознанію и естествознанію. 5) Что дѣлается на родинѣ. Земство, города и дворянство. Экономическіе факты (главнымъ образомъ объ артельномъ дѣлѣ и кустарничествѣ). Нравы на судѣ. По Приднѣпровью и югу. Фельетонъ городской и уѣздной жизни Екатеринославской губерніи 6) Беллетристика. 7) Критика, журнальная хроника, литературно-критическія статьи. 8) Библіографія. 9) Искусства и художества. Театръ, музыка и живопись (рецензіи, отзывы). 10) Что дѣлается за границей. Обозрѣнія иностранной жизни. Письма изъ чужихъ странъ. 11) Разныя извѣстія. Письма изъ Приднѣпровья и юга. 12) Справочныя свѣдѣнія. 13) Объявленія.

Въ газетѣ будетъ обращено особенное вниманіе на разработку вопросовъ городского и земскаго хозяйства и въ связи съ послѣдними, вопросовъ сельскаго хозяйства.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой въ годъ (50 ном.) 5 р., полгода—2 руб. 50 к., три мѣсяца—1 руб. 25 коп. Отдѣльные нумера 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи «Днѣпровской Молвы», Екатеринославъ, Временная ул., д. Быкова, въ книжныхъ магазинахъ Екатеринослава, въ г. Кіевѣ въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина», Безаковская ул., № 14, въ г. Харьковѣ кн. магазинъ Сикорской, Екатеринославская ул., Александровскѣ въ земскомъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель *Н. В. Быковъ.*

2—3

Съ 1-го ноября 1899 года.

въ С.-Петербургѣ выходитъ

большая ежедневная, политическая и литературная газета

безъ предварительной цензуры

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ".

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ—10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 руб. за границу: на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—7 руб., на 1 мѣс.,—2 руб.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка на четыре срока—по 2 р. 50 к. Лица, подписавшіяся на весь 1900 г., получаютъ газету безплатно въ текущемъ году. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ Бол. Морская ул.. 5 (отъ 12 до 4 час. дня).

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное и безпристрастное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направитъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» будетъ внимательно слѣдить какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областнаго начала, желательность

дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отведетъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области поставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе будетъ удѣлено интересамъ науки, искусства и литературы.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій.* Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій. К. И. Арабажинъ.*

2—3

Открыта подписка и пріемъ объявленій.

—

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА“

(Настольная Справочная Книга).

—

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества

Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

„Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ“, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе на 1900 г. Календаря „Синяго Креста“, который поступитъ въ продажу въ декабрѣ с. г. въ количествѣ 10000 экземпляровъ и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго. Цѣна Календаря „Синяго Креста“ по 2 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 2 р. 50 к. Главн. складъ изданія въ Редакціи „Синяго Креста“:

С.-Петербургъ, Серпіевская ул., 41.

———

2—3

3-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 3-й годъ изданія.

на 1900 годъ

На ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край,

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1900 году подъ тою-же редакціей (В. В. Святловскаго), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той же программѣ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, Е. М. Бабецкій, Д. И. Багалѣй (проф.), А. Башмаковъ, Л. Б. Бертенсонъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, А. Б—ръ (изъ Парижа), И. Ф. Василевскій (Буква), С. Глазенапъ (проф.). В. М. Грибовскій, Н. А. Греденскулъ, Зигъ-Загъ, В. И. Ивановъ, К. Н. Льдовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. В. Назарьева, Л. П. Никифоровъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Овсянико-Куликовскій (проф.), И. Н. Потапенко, Пружанскій (Трофимовъ), М. Г. Покровскій, И. И. Рачинскій, А. К. Розельонъ-Сошальская, П. А. Сергѣенко, Е. В. Святловскій, Скальпель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, К. М. Станюковичъ, Д. И. Тихомировъ, И. О. Фесенко, К. М. Фофановъ, Фаустъ (псевдон.), А. П. Чеховъ, О. Н. Чюмина, Кн. М. Л. Шаховскій, Шпилька (псевдон.), И. Л. Щегловъ, Д. И. Эварницкій (проф.) и друг.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агенства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно полно будетъ обставленъ отдѣлъ корреспонденцій и газета уже обезпечена постоянными корреспондентами изъ Нью-Іорка (Русскій Путникъ), Парижа, Лондона (Н. К.), Берлина (С.), Рима (А. З.), Тегерана (Л—цкій), Брюсселя (М—кій). Кромѣ того въ 1900 году будутъ печататься изслѣдованія, предпри-

нятыя Редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднѣпровья и всего Донецкаго Бассейна по особо составленной обширной программѣ. Описаніе будетъ иллюстрировано чертежами и рисунками. Къ производству изслѣдованія редакціей привлеченъ цѣлый рядъ спеціалистовъ.

Условія подписки на 1900 годъ: съ доставкой въ Екатеринославѣ 10 р., съ пересылкой почт. въ др. города 12 р., за границу 23 руб.

2—3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *оффиціальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе оффиціальные акты и документы,

2) Часть *неоффиціальная*: а) научный отдѣлъ (ученыя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библіографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: диссертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

2—3

„НИВА“

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1899 г.

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій Н. В. ГОГОЛЯ, которое будетъ весьма значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будетъ отпечатано на хоротей бѣлой глазированной бумагѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока.—ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. Томъ II. МИРГОРОДЪ. Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Томъ III. ПОВѢСТИ: Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ.—КОМЕДІИ. Ревизоръ. ТОМЪ IV. КОМЕДІИ: Приложенія къ комедіи „Ревизоръ“.—Женитьба.—ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ: Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Томъ V. Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Томъ первый. Томъ VI. Приложеніе къ первому тому „Мертвыхъ Душъ“.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. Томъ VII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Томъ VIII. Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями (продолженіе) Томъ IX. Юношескіе опыты.—Арабески Часть I. Томъ X. Арабески. Часть II. Томъ XI. Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе „Сочиненій Гоголя“. Томъ XII. Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—ПРИЛОЖЕНІЯ: Станаревъ, Дядька въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕР. ПРИЛОЖЕНІЙ“ (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину, (около 600 рисунк. и чертеж).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 г., печатан. красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается безплатно

ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ

одного 1900 года

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. **5 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. (Образованіе)—6 р. 50 к
Съ доставкою въ СПБ. **6 р. 50 к**

Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи . . . **7 р.**
За границу—10 р. Разсрочка платежа въ 2 и 3½ р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

Съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

Открыта подписка на 1900 годъ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Южный Край".

Газета общественная, политическая и литературная.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономическія и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. **Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".** V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ и Тѣни" (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южный Край" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и поч. XXII. Сторонніе сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ, въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербуга и Москвы отъ собств. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканжи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1900 ГОДЪ:

Съ пересылкою иногороднимъ.

На 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 50 к.—8 м. 8 р. 50.—7 м. 7 р. 80 к—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Книжнымъ магазинамъ дѣлается уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 50 к. за каждый мѣсяцъ.

„Южный Прай„ печатается въ размѣрѣ большихъ столичныхъ газетъ на ротаціонной машинѣ Маринони, полученной изъ Парижа, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель **А. А. Іозефовичъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— на —

„ХУТОРЯНИНЪ“

Еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

НА 1900 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2 Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ Минист. Народ. Просвѣщ. въ безплатныя библіотеки-читальни.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой 2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: въ одну строку въ концѣ текста—8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается 1) въ г. Полтавѣ въ Конторѣ и Редакціи «Хуторянина», при обществѣ Сельскаго Хозяйства. 2) Въ С.-Петербургѣ, въ Отд. Конторы „Хуторянина“ при с.-х книж. магазинѣ жур. „Деревня“, уг. Б. Морской и Кирпич. пер., д. 3.—13. 3) Въ Кременчугѣ, въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ. 4) Въ г. Прилукахъ, при обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ и 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ.

2—3

Продолжается подписка на газету

„ЮГЪ".

Издающаяся въ Херсонѣ съ 1 марта 1898 г. ежедневная газета «Югъ» заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія печатаются и въ другихъ газетахъ, а именно: дѣйствія правительства; ежедневныя телеграммы «Россійскаго телеграфнаго агенства»; руководящія статьи по вопросамъ мѣстнымъ, общерусскимъ и политическимъ; извѣстія о важнѣйшихъ фактахъ изъ жизни Херсона и другихъ городовъ Херсонской и смежныхъ губерній; такія-же свѣдѣнія изъ жизни столичной и провиціальной; отзывы другихъ газетъ по важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни, отчеты объ интересныхъ судебныхъ дѣлахъ, разбирающихся въ окружныхъ судахъ, уѣздныхъ съѣздахъ, у земскихъ начальниковъ и въ волостныхъ судахъ; извѣстія, касающіяся выдающихся событій иностранной жизни, извѣстія объ открытіяхъ въ мірѣ наукъ и о новинкахъ въ мірѣ искусствъ; оригинальные и переводные разсказы; статьи по сельскому хозяйству и проч. и проч.

Сверхъ того, согласно программѣ, утвержденной Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ только въ «Югѣ» систематически печатаются дѣйствія мѣстной администраціи: рѣшенія Херсонскаго Губернскаго Присутствія; списки дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ засѣданіяхъ каждаго изъ Уѣздныхъ Съѣздовъ и рѣшенія Съѣздовъ по дѣламъ безъ вызова сторонъ; опредѣленія Херсонскаго Губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствія; херсонскимъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка въ «Югѣ» публикуются свѣдѣнія о ходатайствахъ относительно выдачи ссудъ на покупку земли и о разрѣшенныхъ этимъ банкомъ ссудахъ; вообще въ «Югѣ» помѣщаются опредѣленія и распоряженія всѣхъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій, подробныя свѣдѣнія о дѣятельности губернскаго и уѣздныхъ земствъ Херсонской губерніи и днѣпровскаго земства Таврич. губ. Спеціальный также отдѣлъ въ «Югѣ» составляютъ извѣстія о цѣнахъ на хлѣбъ въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ, о цѣнахъ на скотъ и лошадей на мѣстномъ рынкѣ, о сдѣлкахъ по зафрахтованію судовъ и многія другія свѣдѣнія, необходимыя для мѣстнаго населенія.

Въ отличіе отъ другихъ газетъ, «Югъ» поставилъ себѣ цѣлью освѣщеніе многосторонних нуждъ Херсонской и смежныхъ губерній, удѣляя особенное вниманіе нашей деревнѣ, ея просвѣтительнымъ и

хозяйственнымъ запросамъ. Поэтому только въ «Югѣ» печатается множество сообщеній изъ разныхъ уголковъ Херсон. и смежныхъ губерній: за $1^1/_2$ года изданія въ «Югѣ» напечатано болѣе трехъ тысячъ корреспонденцій.

Благодаря такому изобилію свѣдѣній, необходимыхъ для всего населенія Херсонской и смежныхъ губерній, «Югъ» получилъ широкое распространеніе, проникнувъ даже въ такіе «медвѣжьи углы», куда никакія газеты до сихъ поръ еще не заходили.

Отчасти этому способствовали: дешевая подписная цѣна на «Югъ» и льготы въ уплатѣ денегъ, какія въ другихъ газетахъ не допускаются.

Газета «Югъ» выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Праздничные нумера снабжены прибавленіями.

Подписная цѣна для гг. иногородныхъ на годъ 8 руб., причемъ деньги могутъ быть уплочены въ разсрочку. Желающіе получать «Югъ» въ разсрочку благоволятъ заявить о томъ письменно въ Главную Контору газеты, препроводивъ

ОДИНЪ РУБЛЬ,

а остальные семь рублей высылать ежемѣсячно: по одному рублю, по два, по три—какъ кто можетъ.

Учрежденія, оффиціальныя и вообще извѣстныя лица могутъ выписать «Югъ» на годъ

ВЪ КРЕДИТЪ.

Желающіе выписать «Югъ» въ кредитъ только посылаютъ въ контору газеты хотя-бы открытое письмо съ указаніемъ своего адреса, срока, съ котораго слѣдуетъ высылать имъ «Югъ» на годъ и времени, когда будутъ присланы подписныя деньги.

Подписываться на годъ можно не только съ 1 января, какъ подписываются на другія газеты, а съ 1 числа каждаго мѣсяца—1 число того-же мѣсяца слѣдующаго года.

Адресъ Главной Конторы газеты «Югъ»: Херсонъ, Греческая ул., домъ № 14,

Редакція газеты «Югъ» весьма интересуется жизнью деревни и ея насущными нуждами, а потому проситъ гг. читателей присылать ей свои сообщенія для помѣщенія ихъ на столбцахъ «Юга». Имена гг. корреспондентовъ составляютъ тайну редакціи. Редакція проситъ гг. корреспондентовъ писать четко и притомъ на одной только сторонѣ бумаги,—такъ удобнѣе для наборщиковъ.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1899 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В.; 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Минист. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковскаго; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлоконскаго. 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Виреніуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. Н. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. Ѳ. Арепьева; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. Л., 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлоконскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Миропіева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Виреніуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. Кл. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики въ текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. Ѳ. Соколова; 22) Рутина въ преподаваніи географіи. Ѳ. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 26) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Сливанова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ, В. В. Бирюковича и друг.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ

два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Запросини до передплати

на третій рик видання

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК.

В р. 1900 „Літературно-науковий Вістник“ буде виходити під тою самою редакциєю, що й доси, в такім самім обемі і на таких самих умовах.

Редакційний комітет складають: проф. М. Грушевський, В. Гнатюк і др. Ів. Франко.

За редакцию відповідає В. Гнатюк.

Передплата платна у Львові виносить:

В Австриї з пересилкою на чверть року	5 корон	
„ „ „ „ пів „	10	„
„ „ „ „ цїлий рік	16	„
В Росиї „ „ „ „ „	8 рублїв.	

В иньших державах по обчисленю пересилки.

Поодинокі книжки коштують по 2 кор.

Першого річника (1898) перші чотири книжки вичерпані; за цїну 6 зл. (6 руб.) можна дістати кн. 5—12, з додатком початків статей, що їх продовженя містять ся в сих книжках. Другий річник можна дістати по цїні передплати.

Редакция і адмінїстрация у Львові, ул. Чарнецкого ч. 26.

Всякі вплати для Наук. Товариства ім. Шевченка, в тім числї і передплату можна посилати також на адрес книгарнї „Кіевской Старины“, Кіевъ, Безаковская 14, котра одержане грошей буде посьвідчувати сторонам друкованими квітками з книги Товариства. В такім разї інтересовані, замовляючи або реклямуючи Вістникъ або иньші книжки з нашого Товариства, зволять прислати в листї такий квітокъ, одержаний від книгарнї К. Стар., і все замовлене вишлеть ся їм зараз. Надїємо ся, що таким способом зробимо нашим передплатникам у Росиї велику догідність.

З усякими реклямациями треба звертати ся не до книгарнї „Кіев. Старины“, а до адмінїстрациї Літ.-наук. Вістника.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Общественная литературно-политическая и экономическая

будетъ выходить въ 1900 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.

3) Корреспонденціи внутреннія, заграничныя, и изъ славянскихъ земель.

4) Политическое обозрѣніе.

5) Повѣсти и разсказы.

6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).

7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.

8) Критика литературная, художественная и театральная.

9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.

10) Мѣстная хроника: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.

11) Областная хроника: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.

12) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевскаго Слова“ Большая Владимірская № 43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

литературно-политическую и общественную

„КІЕВСКУЮ ГАЗЕТУ".

Выходитъ съ 12 декабря 1899 г.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы Россійскаго и др. телеграфныхъ агентствъ, а также отъ собственныхъ корреспондентовъ.
3. Хроника текущей жизни: мѣстной, общерусской и заграничной.
4. Корреспонденціи русскія и заграничныя.
5. Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, разныхъ учрежденій и частныхъ и ученыхъ обществъ.
6. Отчеты о дѣлахъ заслушанныхъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, безъ права обсужденія рѣшеній.
7. Фельетоны беллетристическіе, научные и изъ общественной жизни, стихотворенія.
8. Библіографія. Обозрѣніе книгъ, журналовъ и газетъ съ выдержками изъ нихъ.
9. Театръ и искусство. Драматическія произведенія.
10. Шахматы, ребусы, игры, загадки и пр. Смѣсь. Отвѣты редакціи. Юмористическіе разсказы, очерки, наброски, шутки, афоризмы, эпиграммы.
11. Торговое обозрѣніе и биржа.
12. Справочныя свѣдѣнія.
13. Портреты, рисунки къ тексту.
14. Сторонніе извѣстія (рекламы).
15. Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ *6 руб.*, на 6 мѣс. *3 руб.*, на 3 мѣс. *1 руб. 50 коп.* и помѣсячно *60 коп.*

Годовые подписчики получаютъ газету съ 1-го номера,

Адресъ: г. *Кіевъ*, *Пушкинская*, *11*.

Редакторъ *Е. Игнатьевъ*. Издатели: *В. Д. Бублик*ъ и *Н. Н. Федоров* (*Соловцовъ*).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-й ГОДЪ

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ

1) выходящую *два раза въ недѣлю* газету

„ВОСХОДЪ"

и 2) ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА"

подъ новою редакціею М. Г. Сыркина.

Газета „Восходъ" выходитъ съ 1-го ноября 1899 г. ДВА РАЗА въ НЕДѢЛЮ, такъ что будетъ имѣть возможность знакомить читателей своевременно со всѣми новѣйшими извѣстіями какъ изъ текущей жизни еврейства, такъ и изъ общей политической жизни Россіи и иностранныхъ государствъ. На отдѣлы политической—иностранной и внутренней—хроники будетъ обращено особое вниманіе въ видахъ того, чтобы „Восходъ" могъ отчасти замѣнить провинціальному читателю ежедневныя политическія газеты.

Отводя столбцы газеты для текущихъ вопросовъ дня, редакція будетъ въ ежемѣсячныхъ книгахъ журнала помѣщать произведенія беллетристическаго характера и статьи научнаго содержанія—по исторіи евреевъ, археологіи, этнографіи, антропологіи и статистикѣ, а также болѣе обстоятельныя изслѣдованія тѣхъ вопросовъ еврейской жизни, которые требуютъ разработки и всесторонняго освѣщенія.

Годовые подписчики на 1900-й годъ получаютъ газету со дня подписки.

Приложенія для годовыхъ подписчиковъ: сборникъ „Еврейскія Народныя Пѣсни" (съ платою за перес. 50 коп.) и „Художественный Литературный Альбомъ" съ 10 ю картинами на сюжеты изъ произведеній: Лессинга, Гейне, Ауэрбаха, Зангвилля, Франсоза, Леванды, Богрова, Мапу, Гордона и Смоленскина, посвященныхъ евреямъ (за 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Условія подписки: на годъ газета „Восходъ" съ журналомъ „Книжки Восхода" 10 р., на $^1/_2$ г. 6 р., на 3 мѣс. 3 руб. За границу: на годъ 12 р., на $^1/_2$ г. 7 р.

При отдѣльной подпискѣ за газету 7 рублей въ годъ, за книжки 3 рубля въ годъ.

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Театральная площ., 3.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1900 году.

(Годъ изданія сороковый).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1900 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“.

Указомъ Свят. Синода отъ 2—29 февраля 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духов. семинаріи, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . .	6 руб.	На 3 мѣс. . .	1 р. 50 к.
На 6 мѣс. . . .	3 руб.	На 2 мѣс. . .	1 р. 10 к.
На 4 мѣс. . . .	2 руб.	Помѣсячно . .	— р. 55 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЫЙ МІРЪ

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціею

П. М. Ольхина.

За четырнадцать рублей,

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „Новаго міра“ получатъ въ теченіе 1900 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) Журналъ „Новый Міръ“ съ „Современной Лѣтописью“. 24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстрированный журналъ прикладныхъ знаній „Мозаика Новаго Міра“ (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) Журналъ „Литературные Вечера Новаго Міра“. 12 ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „Библіотека русскихъ и иностранныхъ писателей“, въ составъ котораго войдутъ: а) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій *Ив. Ив. Лажечникова* (т.т. 7—12); б) шесть переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій *Генриха Гейне* (т.т. 7—12).

5) Двѣ роскошно переплетенныя книги, ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія „Живописная Россія“, посвященныя описанію Южнаго Поволжья и Уральской области.

Лица, желающія получить въ 1900 году при „Новомъ Мірѣ“, „Мозаикѣ“ и „Литературныхъ Вечерахъ“ за этотъ годъ всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, всѣ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги „Живописной Россіи“, посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе „Новаго Міра“ со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,— 26 рублей (заграничные подписчики 36 рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція „Новаго Міра“, по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогоднимъ, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ „Живописной Россіи“ за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т. е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе по возможности на отдѣльномъ листкѣ бумаги.

Годовая подписная цѣна „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи—14 р. Роскошное изданіе—18 рублей. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ и объявленія принимается въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12, а также въ редакціи „Новаго Міра“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собственный домъ, №№ 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ
(32 годъ изданія)
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ОДЕССѢ
ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ
„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
политическую, экономическую и литературную.
Одну изъ самыхъ большихъ и распространенныхъ на югѣ Россіи.
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО
СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Стяжавъ себѣ за 31 годъ существованія „единственной русской газеты на югѣ Россіи“. „Новороссійскій Телеграфъ“ и впредь намѣренъ сохранить всецѣло свой обликъ, т. е. остаться независимымъ русскимъ органомъ—независимымъ какъ отъ внѣшнихъ теченій и вѣяній, такъ и отъ внутреннихъ партійныхъ поползновеній и проявленій. Независимость эта обусловливаетъ собою вѣрнѣйшее достиженіе тѣхъ цѣлей, къ которымъ должна стремиться каждая серьезная газета.

Газета, по нашему,—не прилавокъ, не мелочная лавочка съ девизомъ „чего изволите“, а могущественнѣйшая каѳедра, съ которой кружокъ лицъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, однимъ общимъ стремленіемъ къ той или иной высокой цѣли, руководитъ обширной аудиторіей (въ лицѣ читателей), открываетъ ей путь къ познанію текущихъ міровыхъ явленій и событій, освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и такимъ образомъ создаетъ обширный трудъ единомышленниковъ, твердыхъ въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на окружающій міръ и происходящія въ немъ явленія.

„Нов. Тел.“ за все время своего существованія (31 годъ) игралъ именно эту роль—руководящаго органа и, конечно, всѣми силами будетъ стараться поддержать таковое свое значеніе и въ будущемъ году.

Изъ столичныхъ литературныхъ силъ въ газетѣ принимаютъ участіе: Н. П Аксаковъ, г-жа Барвинокъ Е. В. (псевд.), Г. И. Бутми, князь Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. И. Кирпичниковъ (проф.), А. А. Коринфскій, В. С. Лихачевъ, Моравинъ, (псевд.), Г. Т. Поповъ, А. Сѣдой (А. П. Чеховъ), Сѣверцовъ (псевд.). Вл А. Тихоновъ, А. Ходневъ, С. Ѳ. Шараповъ и С. С. Шабишевъ. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ: А. И. Алмазовъ, (проф.), Е. А. Арбенина (псевд.), А. Ф. Воеводскій (проф), Джекъ (псевд.), П. И. Компанъ, М. А. Кривцовъ, А. А. Лебединцевъ, Г. О. Лифшицъ, Н. Н. Мальцевъ, Печоринъ (псевд.), В. М. Пуришкевичъ, М. Д. Силоренко (прив.-доц.), И. Ф. Синцовъ (проф.), А. Ѳ. Ѳедоровъ (проф), Н. Е. Чижовъ (проф.), П. Н. Шейминъ (прив.-доц.), И. Л. Яворскій (проф.) и др.

—

ЕЖЕДНЕВНЫЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

возникли на почвѣ стремленія—выдѣлить изъ газеты рисунки и весь матеріалъ, не носящій срочнаго злободневнаго характера, но тѣмъ не менѣе представляющій глубокій интересъ для всякаго читателя. Такимъ образомъ, естественно, въ приложенія отошли: беллетристика, стихотворенія, полезныя свѣдѣнія, разныя разности в юмористически-анекдотическій элементъ съ карикатурами.

Въ такомъ видѣ приложенія, въ количествѣ не менѣе 300 въ годъ, составятъ къ концу года два громадныхъ иллюстрированныхъ тома съ массой интереснаго чтенія, полезныхъ свѣдѣній и забавныхъ мелочей, не теряющихъ своего значенія и чрезъ десятокъ лѣтъ.

Въ настоящее время въ приложеніяхъ ежедневно безъ перерывовъ печатается романъ графа Л. Н. Толстого.

„Воскресеніе“

Всѣ новые подписчики получатъ начальныя главы романа въ отдѣльныхъ оттискахъ и, такимъ образомъ, будутъ имѣть полный романъ нашего знаменитаго писателя.

—

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На 1 годъ—14 р., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 60 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.

Такса за объявленія:

На 1-й страницѣ за строку петита 20 к., на 4-й страницѣ за строку петита 10 к. за каждый разъ. Въ иллюстрированныхъ приложеніяхъ по 50 к. за строку.

Подписка на газету и пріемъ объявленій принимаются въ главной конторѣ по Ришельевской ул., въ д. Кестнера № 46.

Редакторъ-Издатель *Г. А. Липинскій.*

———

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900-Й ГОДЪ

на ежедневную, политическую, литературную и художественную газету

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО"

СЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

(*седьмой годъ изданія*).

Условія подписки.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р. на 6 мѣс. 6 руб., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.; безъ доставки на годъ 8 руб., на 6 мѣс. 4 руб. 80 коп., на 3 мѣс. 2 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 80 коп.; съ пересылкой за границу на годъ 15 руб. 40 к., на 6 мѣс. 8 руб. 60 коп., на 3 мѣс. 4 руб. 40 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 60 коп..

Подписка на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и лишь до конца текущаго года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1-му мая—3 руб. и къ 1-му іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ, судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ.

Иногороднихъ подписчиковъ просять обращаться непосредственно въ Главную Контору газеты: Кіевъ, Крещатикъ, 40.

1—3

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

„Памятная книжка Кіевской губерніи на 1900 г.

изъ Кіевской губ. Статистическаго Комитета.

Содержаніе: календарь, разныя свѣдѣнія о Кіевской губерніи, справочный отдѣлъ, адресъ календарь, Кіевскія общества частныя лица и учежденія.

Приложенія: 1) лечебныя благотворительныя учрежденія при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ общежит. монастырѣ; 2) очеркъ дѣятельности Кіевскаго благотворительнаго общества за время 1834—1898 года; 3) списокъ землевладѣльцевъ Кіевской губерніи; 4) списокъ фабрикъ и заводовъ,—и 5) нормальные уставы разныхъ обществъ. Цѣна книжки 1 руб. 25 копѣекъ.

Продается во всѣхъ магазинахъ г. Кіева и въ канцеляріи Статистич. Комитета (Виноградная, 2, зданіе Канц. Губернатора).

1—3

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ
Университетскихъ Извѣстій
въ 1900 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія извѣстія въ 1900 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ.**